

Две моих свечи. Повесть о православном воспитании — Александра Соколова

Дети наши — наше счастье и наше наказание. По грехам нашим страдают дети, а мы, молясь за них, становимся лучше. Только так и можно воспитать детей, когда живешь с ними одной жизнью и когда эта жизнь рождается из живых отношений с Любящим Господом.

- [Часть I. Две моих свечи](#)
- [Предисловие](#)
- [Глава 1. До исповеди](#)
- [Глава 2. День после причастия](#)
- [Глава 3. Исповедь](#)
- [Глава 4. Наши молитвы](#)
- [Глава 5. Наши Праздники](#)
- [Глава 6. О послушании жены верующей мужу неверующему](#)
- [Глава 7. Дети и Апокалипсис](#)
- [Глава 8. Русские Матери](#)

- [Часть II. Дочь Иерусалима](#)
- [Глава 1. Как Ваня на Исповедь пошел](#)
- [Глава 2. Прощание с младенчеством](#)
- [Глава 3. Сказка про Еву](#)
- [Глава 4. Отодвинуть шкаф](#)
- [Глава 5. Знают ли Бога дети?](#)
- [Глава 6. «Диоклетиановское гонение»](#)
- [Глава 7. Что делать?](#)
- [Глава 8. Закваска](#)
- [Глава 9. Дитя и бес](#)
- [Глава 10. Маленькие дети Небесного Отца](#)
- [Глава 11. Истинное происшествие](#)
- [Глава 12. Баллада о жене блаженной](#)
- [Глава 13. Святая Моника](#)
- [Глава 14. У окна](#)

Часть I. Две моих свечи

Предисловие

Дети наши — наше счастье и наше наказание. По грехам нашим страдают дети, а мы, молясь за них, становимся лучше. Только так и можно воспитать детей, когда живешь с ними одной жизнью и когда эта жизнь рождается из живых отношений с Любящим Господом.

Об этом повесть Александры Соколовой «Две моих свечи», которая в первом издании разошлась по городам и весям вновь воцерковляющейся Русской земли, найдя своего читателя в лице мам, воспитателей, православных педагогов.

В настоящем издании повесть «Две моих свечи» впервые публикуется с продолжением “Дочь Иерусалима”, в котором затрагиваются не менее острые и актуальные вопросы жизни

современной семьи, делающей робкие и, одновременно, довольно смелые шаги на своем пути к Церкви Христовой.

В этой удивительной повести, совмещающей интересную художественную форму с практическими ответами на актуальнейшие вопросы современной семейной жизни, повествуется о том, как православной супруге бороться со своим гордым и своенравным «я», как жене учиться подчиняться главе семьи — мужу, как осторожно говорить ребенку о Боге, о вере, как доверительно, по душам общаться со своими детками и много-многом другом...

Во втором издании читатели встречаются с продолжением повествования. Повесть «Дочь Иерусалима» имеет несколько сюжетных линий. Здесь вы встретитесь и со старыми героями, которые уже подросли и повзрослели, как физически, так и духовно, и с новыми... И опять мы встречаемся с глубокими метафорическими повествованиями о роли женщины, жены, матери. Кто они, эти новые герои? А вот рассказывать о них мы не будем. Прочитайте сами, надеемся, авторские размышления придутся вам по душе...

*«Мама, а если царь Ирод убьет
младенца Иисуса Христа, то
взрослый Иисус Христос его
накажет».*

*«Мама, а Иисус Христос, если бы и
не умер, все равно бы воскрес».*

Глава 1. До исповеди

Приход нашего храма, расположенного в дальнем пригороде огромного города, небольшой, и семьи, в основном матери с детьми, каждое воскресенье и праздник встречаемые у обедни, очень и очень заметны. Не сразу, то есть не с 1985 года, когда это стало возможным, появились христианские семьи в русских храмах. Они стали заметны лишь где-то на рубеже 80—90-х годов, когда тело Церкви начало наконец принимать более понятную для глаз форму. Однако и тогда, когда выступили на передний план из ее недр редкие (даже не знаю, с какой драгоценностью их сопоставить) группки детей, сестер и братьев, во главе с благочестивой матерью-христианкой, это было удивительно до крайности. За ними наблюдали и, думаю, часто не вполне доброжелательно.

Среди таких недоброжелателей, надо признаться, была и я. Ведь для того, чтобы понять эти семьи, нужно отказаться от многих привычных педагогических убеждений, которые мы, похоже, всосали с молоком матери. Ну зачем, скажите, мучить детей, таская их каждое воскресенье (да еще и в праздники) в церковь? Мало ли какие формы отдыха и развлечения необходимы ребенку после трудовой недели! Да вы посмотрите на этих бедных детей! Как они стоят, сидят, а порой и лежат в храме? По их позам видно, что им очень тяжелы эти стояния и сидения в церкви. Уж ребенок бедненький, и так-то сядет, и эдак, и на четвереньках постоит рядом с коленопреклоненной мамашей, и прислонившись к стенке, и в какой-то жалкой позе, с грустными глазками растянется наконец на ступеньках под иконой... А один мальчик, я сама видела, заснул, стоя на коленях перед алтарем во время чтения коленопреклонных молитв на Троицу: постоял-постоял, сладко посапывая, да и повалился на руки своей бабушки.

К чему все эти детские мучения? Ребенку тяжело пребывать в неподвижности и праздности. Следует добавить соображения и такого рода: некоторые сторонние наблюдатели замечают за

детками в церкви недостаток живости, предполагают в них малую активность, им неприятна детская покорность (с их точки зрения излишняя) материнскому взгляду или жесту. Целый букет родительских предрассудков выражается в неприязненном разглядывании некоторыми взрослыми детей в церкви. Стоило бы каждый из них подвергнуть критическому рассмотрению, однако вряд ли эта критика переубедит тех, кто предание человеческое ставит выше заповедей Божиих. Не дано мне писать для них. Эта книга написана для тех, кто, упорно преодолевая всяческое сопротивление как в своей личной судьбе, так и в общественном мнении, водит и водит своих деток в церковь, ища тем самым исполнить закон Божий. Хотелось бы рассказать, не скрывая, о своих ошибках и огрехах, о своем отчаянии, ведь процесс воцерковления семьи чрезвычайно сложен, и многих, кто еще только вступает на этот путь, мне хотелось бы подбодрить своим вовсе не блестящим примером.

Вот я, круглая невежда и неумейка, привела своих детей в храм. Что мне делать? Ведь ничегошеньки-то я не знаю. За праздничной иконой проходить нельзя, а я с детками именно этим путем и прошествовала с левой половины церкви на правую к кучке собравшихся для причастия прихожан. Мне объясняют, напоминают, одергивают, и самолюбие, как костер, пылает в моей душе. Однако уже тогда для укрощения этой самолюбивой дрожи я нашла врачующую формулу: «Простите ради Бога». Добрые люди, имена и лица которых я уже и забыла, объяснили мне со временем многое из того, как должно вести себя в храме.

События этого первого года нашей церковной жизни мне, признаться, хотелось бы забыть навсегда, но я не позволяю себе этого сделать: память о тех днях заставляет меня более снисходительно и по-доброму смотреть на растрепанных и растерянных мамаш, оказавшихся после крещения со своим ребенком на руках пред Святой чашей. Я помню, как много раз я уносила-уводила своих детей из церкви, не дождавшись целования креста. Однажды меня остановила в притворе женщина и молча, с осуждением в глазах, выслушала мои сбивчивые объяснения: «Дети капризничают... плачут... есть хотят... В другой раз поцелую». И надо признаться, что я была тогда уверена в своей правоте.

Я и мои сыновья и по сей день очень далеки от совершенства. Однако теперь, если я и иду на какие-то отклонения от того, как должно поступать в храме христианам, и маленьким и большим, я всегда стараюсь взвесить, действительно ли это делается мной по причине нашей немощи. Не от пренебрежения ли к святому месту? Не от своеволия ли: дескать, это я исполню, а это оценю как предрассудок или проявление фанатизма? Я еще терплю, когда детки сразу после причастия тягают потихоньку из моего кармана конфетки, но стараюсь, чтобы это не было заметно, дабы не принял кто-либо из прихожан эту нашу слабость за образец поведения. Прости, Господи, меня, грешную!

В тот первый год нашей церковной жизни, когда старшему шел четвертый, а младшему второй год, я саму себя, такую неумелую и неуклюжую, утешала строчкой из любимого мною некрасовского «Школьника»: «Знай работай, да не трусь». Дал Бог алчбу — даст и пищу. Довольно скоро хождения в церковь с детьми превратились для меня в своего рода испытания, иногда просто-таки муку. Дети мои от рождения наделены нравом веселым, живым. Есть ведь такие девочки, а иногда и мальчики, которые, растопырив глазенки, подолгу могут пребывать в неподвижности. Они робеют при виде чужих и незнакомых. Благодичность у них как будто в крови. Таких деток, думаю, проще приучить к церкви, хотя, наверное, и здесь есть свои, неведомые мне, сложности. Мои неугомонные, любознательные проныры делали наши походы в церковь сплошным для меня позором.

Например, что для ребенка может быть интереснее многосвечника, который к тому же и крутится? А возможность зажечь погасшую на нем лампадку? Возиться с масляным фитильком, выпачкав при этом ладошки, а потом эти ладошки, пока мама не видит, о штаны

или о пальто вытереть — как хорошо! А еще есть церковные кружки, в которые так звонко падают монетки, — одна за другой, одна за другой. Можно почистить от напылов подсвечник или, присев на корточки, взять из стоящей на полу плоски остатки свечек и мять их, мять, выделывая незамысловатые фигурки. Однако есть в церкви и очень строгие бабушки, которые могут не разрешить это делать и порой совершенно непонятно почему. Однажды я решила задать этот вопрос почтенной даме в церковном киоске, в очередной раз пристыдившей меня («Что за дети пошли...»), и услышала ответ, как мне показалось, не по существу:

— Мои дети так себя не вели.

— Ну, а в церкви-то как они себя вели? А-а, никак? Вот и не судите строго, раз эти сложности вам неведомы, — захотелось сказать мне, но я, слава Богу, промолчала.

Моя ужасная материнская неловкость и неумелость, с которой я столкнулась в ту пору своей жизни, к счастью, не принудила меня отступить. Борьба с собственным невежеством, предрассудками и греховными привычками требует прежде всего со стороны характера человека упорства, а порой и просто упрямства: нет, ни за что на свете не отступлюсь и не отдам найденную мной драгоценную жемчужину! Это тем более необходимо, если в семье некому поддержать тебя и ты сам с усам и творишь, не находя ни в ком из домашних сочувствия, «все новое». Ради чего? Уж это я теперь знаю. «Царствие Божие отныне силою берется».

Что было мне делать с природной живостью моих детей? В церкви я уже навидалась строгих и, как правило, только начинающих или случайных мамаш, с ходу вталкивающих своих детей в жесткие рамки по-взрослому благочестивого поведения: не шуми, не ходи, не разговаривай, не спрашивай. Правильно ли это? Оставим в стороне те случаи, когда ребенка, чересчур резвого и даже наглого, следует решительно и строго призвать к порядку. Я не о том. Детская резвость и живость, вся целиком, должна ли быть отнесена к той «буести юности», от которой мы отрекаемся в молебне перед началом учения? Думаю, нет. Живость моих детей, их жизнерадостность и открытость в общении с чужими людьми я, человек по натуре очень застенчивый, отношу к дарам, которые в них по милости Божией и которые нужно лелеять изо всех сил. Это им, думаю, очень понадобится в их будущей мужской жизни. Свои педагогические задачи я сформулировала как своего рода программу-максимум и программу-минимум (остаточные формулы былого политического образования людей моего поколения). Цель первой — воспитать моих детей как православных христиан, которые, когда придут искушения и лихолетье, не отступятся от Церкви святой, как их отцы, деды и прадеды. Цель второй я выражаю такими словами: хочу, чтобы мои будущие невестки были счастливы — так же как счастлива я с отцом моих детей. Мои мальчики должны вырасти мужчинами. Эта задача не проще первой. Особенно для меня — человека, наделенного большой силой воздействия на людей. Мой порок — властность, и это может поломать или искривить будущую мужскую статью моих пока еще малышей.

Я решила: ни одного резкого слова, ни одного категорического запрета, ни одного упрека и — упаси Боже! — ни одного слова о каком-либо наказании. Даже если во время крещенского водосвятия с грохотом падает под ручонками моих мальчишек церковная копилка, даже если церковная служительница, совершенно выведенная из себя их любознательностью, оттаскивает их за руки от многострадального подсвечника. Ох, как мне бывает стыдно, но я заставляю себя улыбаться своим детям, хотя дома уж давно бы нашлепала их, неслухов! Было время, когда я вздрагивала от каждого замечания, отпущенного моим детям кем-либо из прихожан. Теперь же я, истощив порой все свое терпение и ласку, стою и молитвенно призываю, чтобы кто-нибудь из окружающих построже приструнил моих мальчишек. Они сразу притихнут, и слава Богу, что вновь не я проявила решительную строгость. Что-то не ладится в

моем религиозном воспитании, что-то не понимают и не принимают в свои души мои дети из того, что рассказываю им, и вот — любуйтесь, люди добрые, на наше позорище! Остается только молиться да терпеть. Да-да, прежде всякого воспитывающего делания терпеть в надежде получить от своих деток в другое время иной, добрый плод.

Надо, однако, признаться, что уже в самом начале нашего церковного пути я обнаружила, что пошла сама и повела детей своих по пути ложного благочестия. Заметив в церкви одну-две семьи с детками, исключительно красиво и вдумчиво исполняющими всю обрядовую сторону богослужения, я возжаждала быстро и сразу получить тот же результат. Я проявила напористость и страсть, пытаюсь добиться от своего старшего сына того же. Однако мне пришлось отступить. Во-первых, преградой на моем пути встала его непоседливость, а во-вторых... Не то чтобы я так уж не в состоянии была объяснить своему сыну, зачем и почему нужно делать в церкви именно так, а не иначе. Мой любознательный и умный Митюша как будто не смог найти во мне и самом себе какой-то важный ответ на какое-то исключительно важное для него «почему?». Целесообразность и связанность событий и действий богослужения не смогла поместиться в его пятилетней головке. Я поняла, что пытаюсь заставить его делать то, что он не понимает ни сердцем, ни умом. И я отступила. Видимо, не только его особость, но и специфика нашей секуляризованной семьи делали обрядовую сторону церковного богослужения неподъемной ношей для моего старшего сына. Я отступила тогда из любви к нему. Уж лучше я буду терпеть упреки и поучения от старых людей в церкви (а они довольно часто позволяют мне посмотреть на нас как бы со стороны), чем давить и давить его волю, требуя беспрекословного подчинения моему материнскому авторитету.

Вообще родительское честолюбие — страшное и разрушительное чувство, могущее совершенно изувечить ребенка. Родители завидуют чужому: материальному благополучию, в котором купаются чужие дети, их одежде, игрушкам, пище, талантам, способностям, оценкам, дорогостоящим школам, репетиторам.... Я вот тогда позавидовала благочестивой христианской семье, в которой для моих глаз таится невыразимая красота, со страшной силой влекущая мою душу.

«Кто желает епископства, доброго желает», — писал апостол Павел. Но одно дело желание, а другое — завистливое стремление завладеть хотя бы в мыслях тем, что не дано тебе Богом, что не присвоил ты себе упорным трудом, что не укоренено глубоко в твоей жизни. Нет, не должно зависти овладевать чем-либо в твоей судьбе, а тем более в судьбе детей твоих. У каждого свой Божий дар и свой путь.

Сколько я видела целеустремленных и волевых мам, рядом с которыми вырастали безвольные и закомплексованные дети! Как сочетать свое родительское руководство и умную привычку вдруг, из чисто любовного инстинкта ступешиваться перед собственным ребенком, давая выход самостоятельным проявлениям его разумной воли и душевных склонностей? Думаю, в душевном складе каждого ребенка есть некая врожденная красота или целесообразность, как бы замысел великого художника, Творца. А мы, воспитывая, начинаем уродовать, а иногда и искоренять то, что не нами было создано. Руководствуемся же при этом самыми пошлыми побуждениями: сделать свое дитя не хуже других, чтобы можно было им похвастаться да похвалиться перед знакомыми.

Между тем зачастую надо мудро перетерпеть, а порой и смириться перед тем, что имеется ныне налицо, угадать необходимость вот сейчас, сию минуту перетерпеть стыд за своего ребенка и не стремиться в мощном скачке перескочить через эту неприятность в недостижимую прекрасную даль. Как вода по капле точит камень, так мать потихоньку, полегоньку, не спеша делает да делает свое дело, никогда не отчаиваясь, но — отмаливая, замаливая, вымаливая свое дитячко!

Так я, обнаружив, что многое в религиозном воспитании моих детей изошло из скрытого честолюбия, решила покончить с этим раз и навсегда. В церкви немало любопытствующих, наблюдающих глаз, однако ради них не стоит трудиться. Я постаралась усвоить для себя следующее правило: не показное благочестие должно быть главным для меня, а сердца моих детей и вера, растущая в них. Это серьезная и высокая задача, и ради этого стоит положить свою жизнь.

Что же должна я сделать в первую очередь, дабы помочь укорениться зернышку веры в сердцах своих детей? Прежде всего, решила я, необходимо помочь сложиться в них самому счастливому, самому благополучному образу Православной Церкви. Никаких отрицательных эмоций или тягостных воспоминаний о принуждении или скуке не должно возбуждать в моих детях упоминание о церкви. В связи с этим некоторое время и пребывание наше в церкви было значительно укорочено (благо, ребята еще не вошли тогда в исповеднический возраст), да и самые походы туда с ними, несмотря на собственное сердечное горение, были мной тогда строго ограничены (раз в две-три недели)...

Я, конечно же, знаю, как должно поступать христианке и какая радость — встретить воскресный или же иной праздничный день у всенощной! Знакома я и с теми, кто, отстояв со своими детьми длинную всенощную, приходят на следующий день к обедне. Люблю смотреть на лица детей перед Святой Чашей! Время для меня останавливается в эти минуты. Так почему же сама я до сих пор не встречаю любой воскресный, праздничный день там, где положено? Казалось бы, можно на этих страницах и избежать каких-либо, едва ли не дисциплинарных, объяснений, благо, их никто и не вынуждает. Однако я должна сказать об этом. Как голодный не может не обращать свой взор к хлебу насущному, так и я не могу не говорить о церкви, потому что не могу насытиться ею. И тянет меня туда, и тоскую я о ней, и постоянно сама перед собой пытаюсь оправдаться: почему же я не в церкви с детками своими в радостный праздничный день?

Тут нужно сделать оговорку, необходимую для объяснения особенностей воспитания детей в нашей семье. Наш брак с мужем — союз атеиста и христианки. Счастливо миновав период несогласий, запретов и некоторых на этой почве семейных настроений, мы научились уважать убеждения и чувства друг друга. Собственная боль учит понимать боль чужую, и отсюда проистекло мое сугубое внимание к известным в русской истории семьям, члены которых принадлежали к различным вероисповеданиям или же вообще один из них не веровал. Лишь тот, кто становился членом царствующего дома Романовых, менял веру, в которой был крещен (это была традиция, свято соблюдаемая в императорской семье со времен Екатерины Великой). Лютеранка Аврора Шернваль, знаменитая красавица пушкинского времени, дважды выходила замуж, и оба раза за православных (вторым ее мужем был А.Н. Карамзин, сын историка). На пиетистке был женат В.А. Жуковский, правда, в конце его жизни жена, в отличие от Карамзиной, приняла Православие. В.И. Даль, женатый вторым браком на православной, перешел из лютеранства в Православие в самом конце своей долгой жизни. Гр. Ф.А. Толстой, отец А.Ф. Закревской, более всего известной по посвященным ей стихам Баратынского и Пушкина, был женат на староверке.

Долгое время я считала, что в старой русской жизни практически не встречались брачные пары, объединяющие людей католического и православного вероисповеданий. На память приходили лишь ужасы, связанные с обращением в католичество женщин в семьях гр. Д.П. Бутурлина и гр. Ф.В. Ростопчина. История этих семейств была трагичной: болезни, сумасшествие и даже смерти становились следствием такого обращения. Подобные семейные трагедии, по-видимому, имел в виду и Достоевский, когда в финале своего романа «Идиот» представил последствия замужества Аглаи Епанчиной (она вышла замуж за поляка, католика).

Аглая становится католичкой и страшно болезненно для семьи Епанчиных рвет с ними все связи...

И все-таки не были трагически несчастливими в русской жизни XIX века и браки людей, из которых один (или одна) лишь формально принадлежали к какому-либо вероисповеданию. Кроткая и набожная мать — с одной стороны, а с другой — достойный всяческого уважения отец, равнодушный к вопросам веры, — вот схема многих не только русских романов, повестей, воспоминаний. Впрочем, возможны здесь и другие примеры, не столь радужные. Вспомним хотя бы глубокое огорчение по поводу неверия своего мужа, Л.Н. Толстого, выраженное на страницах дневника С.А. Толстой, которая обладала глубоким религиозным чувством. А ведь эта трещинка разделила в яснополянском доме не только их, но и детей! Наиболее глубоко и удивительно пронизательно проанализировал внутренний, скрытый от глаз трагизм союза двух людей, не согласных между собой в вопросах веры, священник П. Флоренский. Его мать принадлежала армяно-григорианской церкви, отец был православным. Невоцерковленность этой семьи, получившей свое основание в горячей любви отца и матери, сказалась впоследствии в не лишенном горечи сознании недостижимости того счастья, к которому они стремились.

В чем же причина той легкости, с которой уживались в прошлом в русской семье столь разнородные элементы? Несомненно, причина этого коренится в особом свойстве старой русской жизни — веротерпимости, уважении к личности и сердцу человека любой веры. Но была и еще одна черта той жизни, которая делала возможным существование верующих и неверующих, православных и инославных в одной семье: простор. Худо-бедно, но не одна же или две небольших комнаты, а побольше! В спальне матери — иконостас и лампадка, в кабинете отца — книги. В столовой — красный угол: хочешь — перекрестись перед трапезой, а нет — садись за стол так. Постишься ты — готовь себе постный обед, мужу — скоромное. Ощущение простора, выбора давала и привычка (пусть и просто привычка!) к иконам в комнатах, к церковному годовому календарю. Праздничный день для тебя не праздник — так ты просто отдохни, другие же будут праздновать. Вся эта вариативность семейного бытия исчезает в современной тесной квартире (слава Тебе Господи, что хоть такая-то есть!), где и в Страстную Седмицу поет телевизор, где не найти порой места для утренней или вечерней молитвы, где и ребенок начинает постепенно впитывать в себя ощущение стесненности от глаз, не сочувствующих его поднятой в крестном знамени ручонке.

Что же делать? Начать войну? Пустить в ход язык, доказывая свою правоту и невозможность (ну хоть умри!) жить иначе? Нет, ни в коем случае! Уж лучше я смирюсь и приму все, как есть, а свою склонность к благочестию, которая не нравится моим домашним, укучу, как звук у телевизора. Если муж сердится на меня, будет ли добро в моем доме, в моей семье? Ведь есть то, над чем никто не властен в своем запрете, — мое сердце. Есть возможность уйти и затвориться в этой келье, приложив усилия к ее внутреннему устройству. Значит, и в религиозном воспитании моих детей я, в силу особенностей нашей семьи, сделаю упор на том, что мне доступно и отчасти скрыто от глаз окружающих, — это сердца моих детей.

Перед их глазами два любящих друг друга человека — отец и мать. Они, конечно, задумываются и уже задают вопросы о том, почему папа не ходит в церковь и верует ли он в Бога. Я очень надеюсь, что эти вопросы мои дети решат примерно так же, как решила их для себя я: не умаляя достоинства самого главного человека в семье — отца.

«Вот ты, — сказала я самой себе, — ходишь в церковь, а твой муж лучше тебя в тысячу раз». Хлоп! — и все сомнения относительно противопоставления «верующий — неверующий» я закрыла таким образом для себя навсегда. Лев Шестов писал, что нет у Бога большего дара для человека, нежели вера. А раз ею Бог не одарил человека, за что судить его? И могу ли я

судить, если моим глазам, возможно, не дано разглядеть скрытое в сердце зернышко веры, еще не проросшее?

Какими вырастут мои дети? Чьему примеру последуют? Вот мои дети не перекрестились, садясь обедать, — я не напоминаю им об этом. Я знаю, что, когда они окажутся за столом с отцом, бабушкой или дедом, они не сделают этого из стеснения, даже если и вспомнят о необходимости крестного знамения перед принятием пищи. Но когда за обед вместе с ними сяду я, то непременно перекрещусь и кратко помолюсь, причем сделаю это так, чтобы мои дети это увидели и услышали. И они тут же с готовностью повторят это вслед за мной без всяких напоминаний. Итак, пусть видят и запоминают, чтобы, повзрослев, выбрать сознательно, как им поступать.

Я постоянно объясняю детям саму себя. Вот начинается пост — в моей семье он только для меня. О посте я рассказываю им на своем примере, повторяя вновь и вновь почти одно и то же: название поста, каким праздником он завершится, недели поста, что можно есть в течение его, а что нельзя... Дети слушают и, надо думать, запоминают, и я надеюсь, что это им припомнится в эпоху взрослой их жизни.

Рассказываю я им и о других вещах, которые они не могли сами непосредственно увидеть или услышать. Вот в Прощеное Воскресенье я иду к вечерне. По телевизору в это время как раз передают диснеевские мультики, которые мои сыновья, любя не все и очень избирательно (презрительные слова, неизменно отпускаемые по поводу этих американских поделок папой, сыграли свою роль), все-таки с нетерпением ждут. Я об этом знаю и поэтому звать с собой старшего сына не буду. Боюсь услышать отказ, а в случае своей настойчивости — увидеть заскучавшую и недовольную физиономию. Этого я всегда боюсь больше всего: услышать от детей «нет» в ответ на свое предложение пойти в церковь. Я знаю, что тут же, рядом раздастся чей-нибудь домашний голос:

— Не принуждай их: не хотят идти в церковь — не надо.

Этот голос я вычислила предположительно, но, благодаря своему хитроумию, не услышала его — слава Богу! — ни разу. И не потому что я скрываюсь — в нашей семье разного рода хитрости не приняты. Просто я каждый свой поход с детьми в церковь обдумываю со всех сторон: нет ли каких-нибудь ужасно занимательных для них дел, могущих увлечь в другую сторону. О своих же одиноких и таких отрадно отдохновенных часах, проведенных в храме, я рассказываю им сама, стараясь поделиться самым важным и понятным для них. Так и о Прощеном Воскресенье я расскажу детям вечером, перед сном.

К обедне, однако, я стараюсь водить детей не реже чем через две недели. Если дни их причастия отдаляются в силу каких-то обстоятельств тремя или, паче чаяния, четырьмя неделями, меня начинает глотать совесть, и я наконец, отбросив всякие расчеты, увлекаю их за собой в храм. На своем жизненном опыте я убедилась, что утренние часы перед выходом в церковь с детьми нужно освобождать от всяких домашних дел.

Очень жаль, что в нашем храме не служитя ранняя литургия. Ведь дети просыпаются рано, и в ожидании выхода из дома им порой приходится протомиться часа три, причем их постепенно начинает заметно донимать голод. (С четырех лет я постаралась приучить своего младшего сына ходить к причастию натошак, хотя знаю, что это не обязательно в отношении маленьких детей. У старшего так повелось лишь с пяти лет). Ребенку перенести его трудно, поэтому надо постараться облегчить его положение. Когда на кухне загремят посудой и начнется завтрак, лучше всего посадить детей рядом с собой на диван и занять их интересной книжкой. А то ведь может получиться и так: замешкаешься с каким-нибудь своим домашним делом, а малыш уже

вот — стоит у стола и просит:

— Папа, дай мне кусочек колбаски.

Хватишься, начнешь умолять да упрашивать — но поздно. В ответ услышишь:

— Мама, я в следующий раз пойду к причастию, а сейчас я хочу кушать.

Был в нашей жизни момент, когда я пускалась даже на такие хитрости: готовила в день, когда дети идут к причастию, самый невкусный и самый нелюбимый ими завтрак. Чтобы не соблазнились...

Когда дети были совсем маленькими, я старалась наше с ними пребывание в храме не продлевать более одного часа. В противном случае это становилось утомительно не только для детей, но и для меня и для всех окружающих. Когда я в ту пору шла с ними в храм, то знала: мне будет сегодня не до молитвы. Сосредоточиться некогда, да я и просто-напросто боялась углубиться в молитву: вдруг опять пропущу какое-нибудь действие своего младшего мальчугана и, как следствие, вновь получу внушение от очередной потревоженной бабушки. То, что в церкви маме с маленькими детками лучше всего находить какой-нибудь самый укромный, отдаленный уголок, я поняла, к сожалению, не сразу. Но и тогда уже у меня было множество уловок для переключения внимания моих непосед.

Посещение церкви начинается, конечно же, с покупки свеч, причем желательно, чтобы их было как можно больше и чтобы они подольше заняли моих детей. Свечи ставим перед иконами, которые поближе к притвору, — там меньше народу, и мы не так мешаем своим громким шепотом. Не один год ушел у меня на то, чтобы научить детей молиться после зажигания свечи:

— Перекрестись, наклони головку, скажи какую-нибудь из своих детских молитовок» (это «Господи помилуй», «Все святые, молитесь Бога о нас», «Пресвятая Богородица, спаси нас»).

И сама я, приподнимая повыше малыша или придерживая его руку со свечой, молюсь про себя: «Прими, Мати Божия, молитву моего сына».

Но вот свечи иссякли. Я усаживаю ребятишек рядышком на скамейку, а сама встаю к ним поплотнее, чтобы вовремя пресечь болтание ножек и вначале такое невинное, чисто дружеское их взаимное попинывание. Прошло пять минут. Маленькому уже надоела неподвижность, да и старший в первый раз (он это сделает еще раз десять) спросил меня тихо: «Мама, а скоро причастие?». Тогда я беру маленького на колени, а старший прижимается ко мне (изменил позу — уже облегчение). Вскоре малыш слезает с колен, да и старшему хочется просто постоять. Но тут запели «Херувимскую», и я встаю на колени. Готовность, с которой это вслед за мной мои сыновья, вовсе не означает, что они будут пребывать в такой позе вплоть до окончания пения. Через минутку благоговейного стояния старший начинает ерзать коленями по полу, упираясь в него руками (своего рода физкультура), а младший уже лежит — так ему удобнее. Я, заметив такое бесчинство, тут же встаю с колен и крепко беру их за руки. И все-таки маленькому уже хочется размять ножки — благо, около киосков он уже заметил парочку веселых физиономий. Начались хождения — теперь нужен глаз да глаз. В нужный момент на помощь приходят монетки, как всегда, заранее припасенные в моих карманах. Наконец и с ними покончено. Что бы еще поделаться? — бегают по сторонам шустренькие глазенки. Тут, однако, запели знакомую молитву, а это мои ребятишки ужасно как любят. И вот мы вместе поем «Верую», а затем и «Отче наш» старательно подтягиваем. Попервоначалу пела я, низко наклоняясь к ним, чтобы дети прежде всего видели и слышали меня. Примерно через два года

с момента начала таких вокальных упражнений дети научились петь без меня, причем делали это сами, в какой бы части церкви не застало их «Верую» и «Отче наш».

Но вернемся в тот непростой для меня день, когда дети были совсем малы. Вот прошли бабушки с блюдами для пожертвований. Митя и Ваня, наклоня головки, кладут туда денежки. Ушли бабушки, пожелав нам спасения... И вдруг на противоположной скамье проглянула общая Митина и Ванина приятельница, притихшая в непривычной для нее обстановке. Осторожно обходя молящихся людей, переходим всей оравой туда. Дети усаживаются рядышком, и начинается их беседа. Ее интересно послушать, поскольку у моего старшего мальчика давно уже проклюнулись какие-то неожиданные миссионерские наклонности.

Когда ему было пять лет, я частенько отпускала его погулять с одним мальчиком и его мамой. Однажды у меня с ней произошел довольно занимательный разговор.

— Почему ваш сын так много говорит о Боге?

Я ответила.

— Вы знаете, — доверительно сообщила мне она, — ваш Митя и раньше говорил на эту тему частенько, а теперь это идет сплошной полосой. Мой Коля даже запросился под воздействием этих разговоров окреститься.

— Так окрестите его! — воскликнула я радостно.

Мне приходилось слышать, как мой старший сын, сидя в самом дальнем углу церкви, за киоском, убедительно комментировал ход богослужения своей подружке, которую впервые увидел в храме. А однажды, когда он, уже семилетний, опоздал по моей вине к исповеди и стоял со своим приятелем в сторонке, дожидаясь, пока его младший брат изопьет положенную ему после причастия теплоту, вдруг подбежал ко мне, таща своего дружка за руку, и взволнованно закричал:

— Мама, вот он не верит, что в Чаше самая настоящая Кровь и самое настоящее Тело Иисуса Христа! Скажи ему ты!

Я посмотрела на замершее лицо мальчика и сказала ему:

— Да. Истинное Тело и истинная Кровь Господа.

Мальчик оторопело поглядел на меня и от удивления открыл рот. Я еще раз посмотрела на стол с теплотой и кусочками просфоры, на причастников, стоящих вокруг, и, вздохнув, закончила на этом свою проповедь — не время для долгих объяснений. А мой старшенький торжествующе посмотрел в глаза своему приятелю и сказал:

— Вот видишь!

Конечно, бывают у детей на церковной скамеечке и не столь идущие к месту разговоры, бывают они и громкими, бывают и веселыми, даже чересчур... Хорошо было бы в этот момент литургии постоять рядком в молчании, однако я сознаю, что добиться этого мне уже не удастся. Вот наконец начинают читать молитвы перед причастием, и я, взяв детей за руку, начинаю пробираться с ними вперед. Пробираемся мы к алтарю, поскольку стоять в ожидании Святой Чаши где-нибудь в другом месте (например, у праздничной иконы, куда, я знаю, придет второй священник) мои дети решительно не согласны: от праздничной иконы малышам плохо виден, по-видимому, чрезвычайно впечатляющий их момент — вынос Святой чаши.

Вот мы осторожно пробрались вперед, причем я, усталая, в очередной раз облегчила себе задачу: мы, не приложившись, миновали не только праздничную, но и храмовую икону (Господи, прости меня, грешную!). Остановившись, я, облегченно вздохнув и распрямившись, с чувством перекрестилась: настал наконец для меня момент отдохновения — сердечной молитвы. Старшему я шепнула:

— Вспомни все молитвы, которые знаешь.

Младшему говорить это я не решаюсь, поскольку он еще не умеет молиться про себя и делает это неуместно громким шепотом. Было время, когда я искала смысл этого своего стояния с детьми здесь, перед Царскими вратами, в ожидании Святых даров. Сначала я предположила, что мой долг — молиться вместо детей, как бы от их имени. Со временем, однако, моя молитва перед выносом Святой чаши видоизменилась, став совершенно необходимой моему сердцу.

Во мне сильно развито чувство материнской вины перед собственными детьми, поскольку я твердо знаю, что нет более виноватого перед ними человека, нежели я. И дело даже не в тех занозах да ссадинах, терзающих воспоминаниями мое сердце: помнишь клубнику да копченую селедочку, которыми себя побаловала, а младенец-то как потом диатезом мучился? а валеночки-то не те надела? а кофточку-то? Эти воспоминания, их бесконечная цепь — лишь цветочки по сравнению с другими, более горькими раздумьями. Не сразу обуздала собственную властность, в том числе и чисто душевную (что-то вроде навязывания самой себя своим близким), и вот мой старший сын как-то невольно скопировал что-то женственное и изменчиво-впечатлительное во мне, какую-то излишнюю и с годами все более ненавистную мне утонченность. Постаралась быть иной с младшим — и вот он шаловлив и как будто бы непокорлив. Так утешаю я, стараясь не отчаиваться, саму себя — но ох как трудно мне утешиться!

Дети — это, пожалуй, единственные существа на свете, перед которыми в Прощеное Воскресенье я плачу самыми натуральными, не придуманными слезами раскаяния. Когда они, кстати, увидели это впервые — маму на коленях перед ними со словами «Простите меня, грешную», старший в порыве вскочил со своей кровати и с криком «Мамочка, какая ты у нас хорошая!» крепко обнял меня. Может быть, и от такого рода примеров мои дети, слава Богу, не упрямятся, когда им, нашалившим, приходит время просить прощения у своих родителей за какие-то проступки.

О чем же я плачу перед Царскими вратами в ожидании Святых даров для своих детей? Слова Христовы «враги человеку — домашние его» — истинная правда. Кто, как не родители, учит более всего на свете любить собственную плоть, а не душу свою бессмертную? Кто, как не они, выбирает для детей своих путь благополучия в царстве «Князя мира сего», предпочтя его Царствию Божию? Бесконечна родовая цепь греха, опутавшая меня, и я не в силах разорвать ее, не искромсав ненавистью прошлое моих отцов, дедов и прадедов. И вот я тащу ее на себе, врачую прошлое не раскаянием в грехах тех, кто подарил мне жизнь, а любовью. И я звено в этой цепи, и дети мои будут такими же звеньшками и так же будут строить то, чему суждено обратиться в прах... Но «то, что невозможно человекам, возможно Богу». Потому что все может простить милостивый Бог обратившимся к Нему с покаянием.

Существует болезнь, которую я называю материнской. Какой женщине не интересно поиграть с младенцем, потетешкать его, повскармливать, полелеять? На эти пальчики, щечки, ушки, глазки смотреть не насмотреться! Вот и играют с детками своими мамы да папы. Учат их считать да писать, развивают всячески. Ничего для них не жалеют! Но вот миновало семь лет — и пошло-поехало: не знают, что делать с подросшим мальчиком. Зато соседи да родители одноклассников этих мальчишек начинают об этом догадываться, рассматривая все гадости,

которыми изрисовали они лестничные клетки, и выслушивая жалобы от своих воспитанных «хорошистов». Тяжким может быть родительское горе, но в большинстве случаев, по моим наблюдениям, легко находят утешение внешне совершенно благополучные люди: «Сам(а) виноват(а)!» Хитрые какие! Своими руками сковали несчастье еще одного на земле человека и теперь на него же перепихивают свою же вину. А мне, я знаю, не будет утешения, и случись что — переломлюсь, рассыплюсь от горя, не понесу его. На всю жизнь дано это мне: материнская казнь, раскаяние в том, что да как я делала в самом главном своем жизненном деле. Воистину страшным будет для меня суд Христов, когда увижу детей своих пред очами Господа и будет судить Он их. Праведен суд Твой, Господи, но — не оставь моих деток в страшный судный час, Мати Божия!

И вот перед Царскими вратами я молю простить материнские грехи в детях моих, простить мою жестокость, злобу, себялюбие, малодушие, которыми я увечу их души. Прошу простить меня, неразумную и грешную, и исправить страшный след мой в их душах. Наставь, Господи, и научи, как взрастить их угодными Тебе, любящими Тебя, боящимися Тебя! Эта молитва перед Царскими вратами освобождает мое сердце, томящееся от слишком, по-видимому, тяжело понимаемого мною материнского долга, лучше, чем покаяние на исповеди, потому что нет у меня слов для того, чтобы выразить мучающее меня раскаяние в том, что я сделала, сказала, подумала сегодня, вчера, месяц или год назад, а может — и «от юности моея»! И даже в том, что на первый взгляд не имеет отношения к моим детям.

Чувство связанности с детьми, да и не только с ними, обострено во мне просто до какой-то болезненности. Я, например, почему-то твердо убеждена, что если бы в один прекрасный день я не прислушивалась к какой-то пустынькой радиопередаче, а тихо и сосредоточенно творила про себя молитву, то мой малыш не упал бы с качелей. Не утешает меня то, что рядом с ним был отец. Вина все равно целиком лежит на мне. Бог не дал мне ведения, и это, несомненно, искривления моей болезненно гордой души. Но иначе понимать мир я не умею.

Я бегала по магазинам, окрыленная возможностью потратить на себя большую сумму денег, а в это время в страшной автокатастрофе, отдаленной от меня не одной сотней километров, погиб мой друг, оставив двух крошечных детей и жену. В тот день, переходя от магазина к магазину, я почему-то без конца повторяла завораживающее ахматовское четверостишие:

И сердце то уже не отзовется
На голос мой, ликуя и скорбя.
Все кончено... И песнь моя несется
В пустую ночь, где больше нет тебя.

Бесчисленное количество раз прокрутила я это в своей голове, но это была не молитва. Никто о нем тогда не помолился, даже родная жена не откликнулась на последние слова его, сказанные на пороге: «Помолись обо мне».

...Из этой задумчивости перед Царскими вратами меня выводит возня младшего сына. Постояв с минуту спокойно, он начинает с живостью реагировать на стоящих вокруг малышей. Вот ему захотелось посидеть, как его сосед справа, на корточках, прислонившись спиной к маминым ногам. Вот он решил присесть на ступеньки. Ну, Бог с ним, только бы не убежал на другую сторону, к правому клиросу. Но и это надоело: ухватился руками за оградку, прижавшись к ней лобиком. Теперь нужно следить, чтобы согнутые в коленях ножки повисшего на оградке малыша не пачкали одежду прихожан. Да и старший спокойно стоять не может, поскольку иконостас неизменнозанимает его внимание: громким шепотом, от которого отучить его никак не могу, он рассказывает мне про очередное свое открытие.

Вот дрогнула и поползла завеса. Открылись врата, и младший сделал свой так умиляющий меня жест: засмеявшись от радости, он тихо захлопал своими изогнутыми ладошками, ударяя в их подушечки. Старший предпочитает держаться ко мне поближе, но, если и разделит нас толпа, уже не гушует. А вот младший, несмотря на свою уже изрядную полновесность, предпочитает забраться ко мне на руки: оттуда ему виднее. Опустив на пол причастившегося малыша, я кладу поясной поклон и спешу вслед за детьми. Нарезанная просфорка кажется им ужасно вкусной, и они стараются ухватить побольше кусочков. Надо их вовремя остановить.

Следующий момент — после причастия и до благословения всей Церкви Святой Чашей — не менее сложен для меня и детей. Они очень устали, и если сначала они нетерпеливо ждали самого причастия, то теперь уже речь идет о скорейшей отправке домой. Уйти сейчас в свой укромный уголок, где нас никто не видит, нельзя. Мы на виду, вблизи алтаря. Просьба стоять как можно более смиренно на моих детей уже не действует. Им не сидится. Маленький выскальзывает из-под многосвечника и уходит в другой угол церкви. Он трогает цветы и вазы (Боже, только бы они не упали под его решительной рукой!), бродит вокруг кануна, распятия. Я знаю, что его в конце концов оттуда прогонят и Ванюшка вернется ко мне с обиженно оттопыренной губой. Пойти вслед за ним я боюсь, поскольку и старший у меня человек ненадежный, оставлять его сейчас одного не стоит. Не имея возможности прислонить свою спину, он как-то странно — то ли развалюсь, то ли просто безвольно согнувшись — сидит под иконой. Я неоднократно путем энергичного встряхивания поправляю его позу. И если не найдется рядом бабушки, которая заставит его встать, я делаю это наконец сама.

Вот батюшка закончил причащать прихожан. Я с детьми оказываюсь перед ступеньками, ведущими к алтарю, причем дети впереди, а я за их спинами. Под благословение они голову не склоняют, и я понимаю почему: ведь если наклонить голову, не видно самого интересного. Впрочем, старший у меня, я заметила, уже научился склонять под благословение голову и одновременно смотреть глазами не только вперед, но и вверх. Растопырив глаза и чуть приоткрыв рот, мои дети зачарованно смотрят в алтарь. То же они делают и стоя рядом со спустившимся по ступенькам священником. Не знаю, различают ли они хоть какие слова его молитвы: поза их та же, а глаза по-прежнему устремлены к престолу. Потом я вылавливаю своих ребятишек из расступившейся толпы и отвожу-таки их в излюбленный отдаленный уголок. Они идут за мной не просто послушно, но и радостно, поскольку знают, что за хорошее поведение и по случаю радостного праздника им сейчас дано будет что-нибудь вкусненькое. О содержимом этого сокровенного мешочка дети позаботились еще дома:

— Мама, а ты положила печенье? а яблочко?

Вот они жуют, смиренно сидя на лавочке, а перекусив, начинают свои веселые хождения в уже опустевшем уголке церкви. Впрочем, они бы предпочли этим хождениям дорогу домой, о чем старший не преминул мне сообщить. «Нельзя!» — отрезаю я.

Заканчивается молебен, и мои дети, взявшись за руки, пробираются через толпу к самым ступенькам. Думаю, что слова проповеди проскальзывают мимо их ушей. И вот конец их томительным ожиданиям — целование креста.

Веселые, с улыбкой до ушей, мои дети подходят ко мне. Я тоже развеселилась. Еще бы! Сделала такое важное дело — сводила детей к причастию, и мне даже кажется, что я тоже заслужила в качестве поощрения кусочек шоколадки. Кстати, хотя я и не готовилась к причастию, а все-таки завтракать не стала, чтобы быть с детьми заодно и полнее понимать их нетерпеливое ожидание.

Уходим мы из церкви, как правило, ужасно веселые. Впрочем, не всегда. Иногда дети своими

шалостями и непослушанием такую занозу всаживают в мое сердце, что я выхожу из храма на улицу едва живая: «Господи, дай моим детям терпения!».

Уходя из церкви, я долго вожусь с детьми в притворе. Я взяла себе за правило никогда не торопиться, входя в церковь или выходя с ними из нее. Надо сделать остановку, истово перекреститься и отдать поклон. Эти замедления (а ведь мы порой так спешим с ребятами по утрам в храм) чрезвычайно важны: они переключают поведение детей в иной ритм, более подходящий к размеренному течению церковной жизни. Надеваю на малыша шапку в притворе, старший же сделает это на улице, отдав церкви последний поклон: большой уже, нечего баловать!

Что бы ни произошло между нами в церкви (огорчили меня дети, нет ли), я никогда не напоминаю им о плохом по дороге домой.

— Ну, слава Богу, — начинаю я разговор с ними, — вы сегодня хорошо вели себя в церкви.

Старший, который помнит за собой кое-какие грешки, с напряжением переспрашивает:

— Это ты в кавычках сказала?

— Нет, совершенно серьезно. Вы у меня молодцы.

И тут же я стараюсь подобрать свеженький пример их хорошего поведения:

— Вот ты, Митя, сегодня совершенно не растерялся, оказавшись один, без меня, перед Чашей. Не кричал, как раньше: «Мама, мама!» и не тянул меня из толпы за руку, ведь мне очень тяжело с Ванюшей на руках. Ты же у меня сегодня был как большой: руки крестом, имя свое назвал, Чашу поцеловал без напоминания. Я видела и любовалась тобой.

Похвалю и маленького:

— Как ты хорошо сегодня подтягивал «Отче наш». Уже так много запомнил. И пел громко! Молодец.

Я вижу, как радостны и счастливы мои дети. Они с не меньшим усилием, нежели я, старались преодолеть трудности, связанные с тем отрезком времени, который они провели в церкви. Дети прикоснулись к благостыне святого места и уже знают, что это не пропадает втуне.

Глава 2. День после причастия

Как давно я делала эти записи! Прошло два года, и многое изменилось в нашей жизни. Если бы я тогда не записала в дневнике о том, как в возрасте 2-3 и 5-6 лет соответственно мы с детьми проводили дни после причащения, ни за что бы себе не поверила, запямятовав, что была когда-то способна на такое напряжение своих сил. Сейчас все стало ровнее и, возможно, естественнее. Но тогда, когда и в семье было некое противодействие мне — слава Богу, сейчас угасшее — и сама я была ох какая малoverная, подобное усилие, возможно, было наинужнейшим. Поэтому я и решила в своем рассказе не опускать эту страничку из жизни вновь обращенных.

Долго я ломала себе голову над тем, что же делать дома с ребенком после причастия. Спрашивала об этом у людей, пыталась найти ответ в книгах. У Ушинского в «Родном слове» мальчик, отгoвев и причастившись с отцом на Страстной, проводит весь день на скамеечке рядом с креслом богомольной бабушки. Она ему читает Библию. Маленький герой Шмелева

(«Лето Господне») день после причастия ходит как привязанный за Горкиным — и это в принципе все тот же вариант, что и у Ушинского: времяпрепровождение вне привычных для ребенка прогулок со сверстниками на улице и игр с ними. Мне это явно не подходит, поскольку в нашей семье нет набожных старичков, которым можно было бы передать маленького причастника.

Что еще я выяснила из разговоров с людьми? «Причастник должен носить себя как драгоценную вазу — и так целый день», — сказала одна христианка моему старшему сыну. Красиво звучит, но я знаю, что в его семилетнюю тогда голову это поместиться не смогло. «Нужно читать детям Библию, жития, беседовать с ними на духовные темы». Своим торопыгам я могу почитать такую книгу полчаса, ну чуть больше, а дальше никак дело не идет! День же такой длинный...

Я решила: день причастия должен быть для детей днем праздничным. Праздник может сделать только мать и только тогда, когда она не загружена разными важными делами (их я старательно сдвигаю на предыдущий или последующий дни). Я должна быть все время рядом с детьми, и тогда они не раздерутся из-за какой-нибудь игрушки и не начнут обзывать друг друга разными обидными словами. Не нужны нам в этот день и их приятели — вместе со мной, думаю, они будут вести себя приличнее и не согрешат, назвав кого-нибудь дураком. И еще: причащались мои дети почти исключительно в будние дни, когда все домашние были на работе и не могли смутить меня своим насмешливым взглядом.

В день, когда я привожу своих детей из церкви после принятия ими Святых Даров, я слежу за собой: не хмурюсь, не выказываю неудовольствия и не грущу! Обед у нас в этот день вкусный-превкусный, из числа самых любимых моими детьми. После обеда я им что-нибудь дарю — так, какую-нибудь пустяковину: вытаскиваю из своей особой материнской прятки какие-нибудь раскраски или, на худой конец, просто чистые тетрадки, которые так приятно исчеркать в два дня! Могу не пожалеть даже пачку фломастеров.

Если я не пекла с вечера пирогов, то мы затеваем другое ужасно интересное и вкусное занятие. Я развожу массу для вафель и вытаскиваю электровафельницу. Вот наступает вожделенный момент выпечки этого лакомства! Пока я пеку вафли, моих детей не оттащить от меня за уши даже самым замечательным мультиком. Они зачарованно следят за тем, как из жидкого теста получается такая вкусная, зажаристая вафелька. Вафли поглощаются тут же, теплыми и еще не затвердевшими. Потом мы предпримем с ними какую-нибудь интересную прогулку, почитаем веселую сказку. Мои дети очень звонко хохочут, когда книжка этого стоит. В отличие от меня, то ли утратившей со временем чувство юмора, то ли им никогда и не обладавшей, у ребят с этим полный порядок. И меня их жизнерадостность очень радует.

Как и всегда, ребятки в этот день не отказывают себе в удовольствии помотать мне нервы: то своими капризами, то своим непослушанием, то взаимными небольшими драчками. Свое собственное самочувствие в момент, когда их нужно призвать к порядку, необходимо строго контролировать. Если речь приходится вести о наказании (скажем, стояние в углу), нужно сделать это без раздражения и озлобления («гневаясь, не согрешайте»), а очень спокойно. Видишь, что спустить содеянное нельзя, возьми ребенка за ручку и отведи туда, где он уже носом в обоях дырку протер. А слезы, крик сами собой сойдут на нет — и вот, с прощающим поцелуем, мы начинаем праздник сызнова.

Я неслучайно здесь особо оговорила возможность наказания маленького шалуна в радостный для него день приобщения Святых Даров. Что такое Святые Дары для малыша, не могущего еще здраво размыслить о них? Я частенько смотрю на маленьких причастников со стороны, пытаюсь разрешить для себя этот вопрос. Сопоставляю, раздумываю, делаю какие-то

умозаключения... Взрослому причастнику состояние причастности Телу и Крови Христовой помогает «сохраниться от греха». Не то с ребенком. Можно много и сладко говорить ему о причастии, а дитя не поймет, поскольку его голова еще мала или просто неподготовлена к восприятию таких слов. И вот он шалит, толкает брата, завидует новой игрушке в руках приятеля, плачет, требуя себе лакомство.

Одну очаровательную маму я спросила:

— Ты часто носишь свою кроху к причастию?

Она смутилась:

— Знаешь, не часто... Ты ведь слышала, какая у нас церковь? Я думаю, может быть, там что-то не так делают.

И дальше пошел привычный текст о священниках, которые по каким-то параметрам не удовлетворяют прихожан маленького провинциального городка, о слухах относительно богослужения в храме и пр. При этом — странное дело! — она сослалась на мнение одной молодой женщины, буквально живущей при церкви и знающей ее жизнь раз в десять лучше, чем, например, я: «Нужно делать так и так, а у нас делают не так и не так!»

— Пстой, пстой! — сказала я подружке. Я почувствовала в ее словах то же сомнение, которое долго грызло мое сердце, хотя я из другого прихода. Поведение детей после принятия Святых Христовых Тайн — для многих соблазн, толкающий их, маловерных, на путь хулы Духа Святого. Все здесь так не просто и в силу своей непростоты давно уже обросло уродливыми предрассудками и чудовищными, еретическими по своей сути мнениями. Этот злокозненный клубок я, ломая в кровь ногти и порой просто приходя в отчаяние, распутывала долгое время сама. И вот наконец размотала — и обрела с помощью Божией покой, найдя ряд ответов на поставленные самой жизнью вопросы. Этим личным багажом я и поспешила поделиться со своей подружкой.

Начну издалека. Всю свою жизнь, не ходя в церковь и не будучи знакомой ни с одним верующим человеком, я знала, что верую в Бога. Это не мешало мне расти как-то вкось и приобщаться совсем не церковной мудрости. Однажды на сельхозработах, куда нас послали на третьем курсе института, полеживая в полумраке за печкой и прислушиваясь к болтовне моих попивающих чаек однокурсниц, я подумала, обращаясь неведомо к кому — видимо, к Кому-то:

— Я Твоя, Господи. Я в Тебя верую. Я Твоя. Твоя. Ты это знай.

Потом я заснула и увидела сон. Какой-то огромный белый лист, весь испещренный подписями, и я его вижу откуда-то сверху, скольжу по нему взглядом. Полумрак... И вдруг луч света осветил часть этого листа — и я увидела свою подпись в окружении чужих. Проснувшись, я поняла, что меня услышал Бог. Строки о «Книге Жизни» мне стали известны спустя года три — именно тогда я впервые прочитала Новый Завет. А в двадцать пять лет я впервые увидела, как в храме причащались молящиеся, и мне стыдно вспомнить о тех выражениях, в которых я об этом рассказывала своим приятелям. Одна из моих слушательниц, преподавательница кафедры марксизма-ленинизма, сказала мне при этом:

— А, это вот как называется — причастие.

Надо же! А я и не знала...

Лет в двадцать восемь я впервые, забыв, кстати, исповедаться и, кажется, не натошак,

причастилась Святых Даров. Потрясение же, взрыв, катастрофа, просто-таки обвал, который я в себе предчувствовала много лет назад, произошел позднее, и связано это было с первым причастием моего младшего сына.

Сынок этот не мог спать ни ночью, ни днем, зачастую даже и на улице, в покойной коляске. Я настояла, чтобы кровать малыша была переделана в качалку, — так он меня измучил своим криком. Ночью он просыпался пять-шесть раз, и каждый раз его надо было успокоить, укачать, зачастую на руках. Ванька измучил меня страшным, постоянным недосыпом, и этому, казалось не будет конца. И вот, наконец преодолев собственную лень и некоторое внутрисемейное противление, я отнесла его окрестить в нашу церковь, напоминавшую тогда изнутри новостройку. «Вдруг Ванюшка научится послекрещения спать?» — таила я в себе некоторую надежду. Окрестили, не причастив (попросили для этого прийти в другой день) — сынок продолжал по ночам вопить по-прежнему... «Ну что ж, нет мне облегчения, и ждать, видно, нечего. Такой уж он у меня уродился», — решила я.

Протекло две недели, и, не питая никаких надежд, я понесла своего Ванечку к причастию. Обедню служил священник, который лично мне ужасно не нравился и которого мой муж за его внешность прозвал «саксофонистом». Этот батюшка причастил мое покорное в тот миг дитя, и мы побрели домой. День прошел как обычно: ели, немного спали, ходили за ручку. Ничего не ожидая, я уложила своего сына на ночь и легла сама. Проснулась я поздним утром. Муж с удивлением посмотрел на часы, на улыбающегося, выспавшегося Ванечку и изрек:

— Может быть, эта ночь нам всем просто приснилась?

Впервые за всю свою жизнь длиною ровно в год мой мальчик проспал ночь крепким детским сном. Он не просыпался и не плакал! «Помогло, помогло!» — ликовала я. Однако следующая ночь принесла мне новую загадку: Ванечка вновь плохо спал, кричал и плакал. И потом кричал, и дальше этого «потом», и все хуже и хуже обстояли наши с ним дела. Промучившись так месяца два, снова потащила с Ванюшкой в церковь к причастию. И вновь — вырванная у кошмаров ночь, в течение которой дитя спало безмятежным сном как ангел.

И началась эта, как я говорила тогда, наша домашняя мистерия: ночи покоя после приобщения Святых Христовых Тайн среди моря ночных страданий ребенка и матери.

С первого же Ваниного причастия передо мной встал мучительный вопрос: а что, собственно, с ним произошло? Не то чтобы я не знала о Теле и Крови Христовой, которой приобщаются христиане в церкви в конце литургии... Я об этом знала, и спроси меня кто-нибудь по дороге в церковь, зачем иду туда со своими детьми, я бы ответила, не уронив своего образованного достоинства. Я бы украсила свой ответ цитатой из Нового Завета, припомнила бы молитву перед причастием... Не исключаю, однако, что этот кто-то мог догадаться по моим глазам о самом важном. Он сказал бы мне:

— Да ты не веруешь в это!

Ах, как бы я обиделась:

— Как это не верую? С чего вы взяли?

И подумала бы при этом, что это все жуткие наговоры на меня, крещеную, русскую... А между тем, оказавшись перед необходимостью дать прямой ответ на чудо, свидетельницей которого я стала, я не нашла в себе сил сказать прямо, от сердца, ничего не цитируя и не выказывая свою замечательную осведомленность: «Да! Это истинное Тело и Кровь Иисуса Христа, и это,

оказывается, единственное лекарство, в котором нуждался мой больной ребенок».

Полгода я мучилась вопросами, которые поставила перед собой сама: что такое Святые Дары? Почему мой сын блаженствует ровно одну ночь после причастия? Чем отличен день после причастия от всех остальных? Если бы Бог судил иначе и послал облегчение Ванечке сразу и насовсем после первого же его причастия, я бы, наверно, не так мучилась всеми этими вопросами. Но эта головоломка была мне послана, и я впала в какое-то странное состояние.

В те полгода я не могла взглянуть на телевизор, взять в руки газету. Меня жгла изнутри «жажда духовная» — я хотела узнать, понять, постигнуть. Я вытащила из домашней библиотеки те книги, которые могли мне помочь найти вожденную жемчужину: это оказался «Катехизис», один из томов «Добротолюбия», дедовская старообрядческая Псалтирь, «Размышления о Божественной Литургии» Гоголя. И конечно же, Новый Завет! Как я в него вцепилась! За полгода я умудрилась прочесть его «от доски до доски», все подряд и без перестановок, раза три. И все что-то меня не удовлетворяло. Думала, размышляла, сопоставляла — как сумасшедшая, которая ни о чем уже, кроме одного-единственного предмета, думать не в состоянии. Такой я была тогда. Мудрено же мне было найти нужные слова... Потому что искала я тогда не слов, а веры. Это был мой исход из египетского пленения, и страшно мне было видеть впереди себя огненный столп до самых до небес.

Как песчинки ссыпаются в одно место, и неведомо которая из них образует заметный на глаз холм, так и страницы, мелькавшие перед моими глазами, сделали свое дело. И вот я отложила очередную книжку в сторону и подумала... О чем? Не стесняясь, отвечу так: слова тогдашние, пришедшие мне в голову, можно найти где угодно, и например в «Катехизисе». Ничего нового я не надумала. Я просто поняла, что Иисус Христос действительно воскрес и что все, что обещал Он, живя среди людей, свершилось. Есть Церковь, в которой сбылось это все. Врата адавы бессильны затворить свет, льющийся из нее, и поэтому мой мальчик, принявший в себя каплю истинной Крови Христовой, оказывается недосягаем для нечисти, мучившей его дни и ночи.

Но если это так, думалось мне, какое же это счастье — иметь такую Церковь! Вот бранят ее многие, христиане и нехристиане, выговаривая за грех отступничества. Дескать, дурны были в годы советского нашего прошлого все — и иерархи, и иереи, и миряне. Вера их не была горяча; они, покупаясь за сребреники, предавали Христа, боялись мученического венца, идя на сговор с властями... Кругом мы, мытари, блудники, разбойники, грешны пред Богом, но сколь милостив суд Его! Он нас Себя не лишил, Церкви Своей не отнял! Потому что Церковь наша всегда была живой! И всегда в ней сияло Тело Христово и творилось страшное, не постижимое умом приобщение ему нас, жалких грешников. Если за грехи Бог не лишил нас Своего хлеба насущного, за что же судить нас будете вы, такие же грешники, как и мы?

Когда за великой ектеньей я слышу имена патриархов Сергия, Алексия и Пимена, поминаемых за упокой, всей душой молюсь о них. Молюсь, как о себе... Их стараниями она, Церковь наша, жила рядом со мной, увы, тогда чужой для меня жизнью. О, как я была несчастна, что так долго ее не знала! Но она была рядом со мной, и я так благодарна людям, трудившимся в ней в те безбожные годы. Не бросали они нас, неприкаянных, тайком от партийных отцов крестили по просьбам матерей, и Господь давал нам зачаток веры, делающей для нас возможным путь во Христе. Все сохранила для нас Церковь святая, и она пребывает непорочна, как и в день Святой Пятидесятницы. Все то же, ничего не изменилось за протекшие века. Только одежды на нас другие, а Христос пребывает тот же, вовек! И может ли быть иначе, если Дух Святой, делая хлеб и вино Телом и Кровью Христа, очищает все в ней, подобно огню?

За полгода таких раздумий я поняла, что полное исцеление моего мучимого ночными

кошмарами ребенка придет из Церкви. Во мне родилось какое-то очень большое доверие ко всему, что происходит там, и я мучительно перебирала в памяти, что же еще я должна сделать ради своего ребенка. Наступил рождественский пост, и я начала поститься. Постилась я, как и всегда у меня это бывает, со множеством отступлений и нарушений. Эта неполнота пощения связана прежде всего с тем, что в семье, кроме меня, никто не постится. В первый раз, когда я решила соблюдать пост, я объявила в семье:

— Очень прошу не обращать внимания на то, что я буду есть. И не заботьтесь о пище для меня и не жалеете меня. О себе не беспокойтесь: буду готовить вам как всегда.

— Ну, тогда ладно, — получила я в ответ.

Пост осложняется для меня еще и тем, что я, воспитанная попросту, не могу выбрасывать пищу. Дети оставили на тарелке кашу — мама, как обычно, доедает ее сама. А иногда, бывает, неудачно пригостишь, да еще не рассчитаешь в объеме, и пожалуйста — приходится самой доедать из кастрюльки не очень вкусную еду, которую второй раз все решительно отказались есть. Утешаю я себя во дни поста любимым своим изречением: «Понеси, сколько сможешь». Вот и стараюсь: как-нибудь, да дотянуть пост до конца.

Вот так, через пень-колоду, но все-таки очень стараясь, попостилась я и наконец решительно объявила дома:

— Завтра уйду на несколько часов в церковь, к причастию.

С крикуном Ванюшкой даже папа родимый отказывался остаться на пару часов, но тут, вздохнув, согласился. По дороге я вспомнила давний совет одного своего приятеля: «Твой ребенок (речь шла о старшем) испуган чем-то? Отнеси его к причастию, а не можешь, отдай в церкви записочку. Напиши в ней: «О здравии болящего младенца такого-то». И верь, что все у него пройдет». Так я и сделала. В церкви в тот день я молилась изо всех сил о своем полуторагодовалом младенце и просила простить мои в нем грехи... С последовавшей за этим днем ночи Ваня перестал кричать и плакать.

Вот я иногда думаю: как просто и даже — если посмотреть сугубо внешним взглядом — примитивно это чтение записочек и списков клиром пред иконой, диаконом пред алтарем, иереем пред престолом. Вот скользят глазами по листочкам, не разжимая губ, мальчики в стихарях. И что же из этого следует, что нам ожидать? Однажды я видела, как два таких маленьких служки, передав назад свои листочки, начали затем незаметно попикивать да пощипывать друг друга — соскучились, видно, родимые, поиграть захотелось. Для глаз картинка эта (молебен о здравии или упокоении) простая, а для души? Вера — вещь ужасно сложная. Нет ее, и взять негде. Нету ее, и никакое явное чудо не поможет. Пожмет человек плечами и скажет: «Да, видел. Да, помню. Ну, не плакал. И что же дальше?» И пойдет себе человек дальше. Нету веры. Пусто. Так ничего не значит и церковный обряд для многих из-за сердечной пустоты там, где ей места не должно бы быть. Однако все это, надо думать, до поры. Как в одной русской песне поется: «Нет поры — вот и нету жены. Будет пора — будет жена». Так и о вере: нет поры, вот и веры нет. Даст Бог — будет.

...Памятуя обо всех этих событиях в своей жизни, я не просто крайне осторожна в оценке поведения ребенка после причастия, но и чаще всего просто отказываюсь от каких-либо попыток такого рода. С детьми в церкви только кажется все простым, а на самом деле они приносят с собой туда и огромные сложности, и соблазны, и искушения. Вот в католичестве не причащают детей до конфирмации, до семи лет, прикрываясь односторонним толкованием одного из мест Нового Завета.

Евангелист донес до нас слова Иисуса Христа о том, что ангелы-хранители младенцев невозбранно видят лицо Бога. Отсюда и было выведено, что безгрешным этим существам, раз им открыто подобное великое благо, не надобна и пища Христова. Думаю, что когда-то, в первые века христианства, и в Риме приобщали детей Телу и Крови Христовой и лишь потом отказались от этого. Странная мысль не покидает меня: может быть, потому это произошло, что поведение многих маленьких детей после причастия представляет собой соблазн для взрослых христиан? Дети-причастники ведут себя зачастую очень плохо: плачут, капризничают, ссорятся, кричат, дерутся... Взрослый, в миллион раз более грешный, чем какой-нибудь трехгодовалый ребенок, может совладать с собой и вести себя несравненно приличнее, чем этот маленький сорванец. Как объяснить себе это? Однако не проще ли, не ища объяснений, убрать с глаз долой из церкви маленьких несмышленишек? Вот подрастут, научатся владеть собой, тогда пусть и пожалуют наконец пред Святую Чашу!

Не искала для себя простых путей моя Церковь. Никого из детей своих не отвергла она, и тех безгрешных существ, которые несут на себе лишь грехи отцов и матерей, врачует Церковь Православная в таинстве Святого Причащения по безграничной милости Божией.

Ребенок, приобщившийся Святым Христовым Тайн, открыл мне особость дня после причастия, в его безмятежном, воистину ангельском лице воссияла мне правда Христова.

Иван Ильин писал о дне после причастия: «Сердце поет». Кто-то из моих знакомых сказал и так: «Такая тишина на сердце, когда идешь, приобщившись, из церкви домой». А что знаешь ты, дитя мое? Ты страшно устал, мой маленький, пришел из церкви едва живой. Раздеваться сам малыш отказывается, валяется себе на ковре и только хнычет. Старший тоже хорош: уселся в свою любимую позу на диване и о чем-то думает, глядя неотрывно в окно. Не до младшего брата ему, самому бы на себя где-то сил наскрести: раздеться, повесить аккуратно одежду, вымыть руки, сесть за стол. На такое сверхмедленное раздевание у детей может уйти полчаса, и все равно без материнской помощи обойтись они не могут. А я и сама без сил из церкви пришла.

И все-таки, глядя на своих малышек, я твердо знаю: им ведомо то, о чем я и не догадываюсь. «Таковых есть Царствие Небесное», — сказал Господь. Даже тот крик ужаса, которым предваряют некоторые младенцы приобщение Святым Христовым Тайн, свидетельствует с полной наглядностью о присутствии в храме Того, о Ком некоторые из взрослых причастников и не догадываются. Таким страшным криком, как в церкви, дети, смею вас уверить, не кричат даже в прививочном кабинете в ожидании укола. Может, и акустика виновата, только эти вопли, издаваемые некоторыми детьми перед причастием, свидетельствуют о благоговейном ужасе, который они переживают, приблизившись к святыне. Иногда я думаю, что самый закоренелый в неверии человек, вслушавшись в эти страшные крики, мог бы уверовать во Христа, только для этого надо иметь глаза и уши — видеть и слышать. Жаль, что иные из взрослых, стоящие со скрещенными руками за детьми, не могут издавать подобные же крики ужаса, как эти малыши. «Да не в суд и во осуждение...»

Да, есть дети, через которых в день их причастия открываются у взрослых глаза на чудеса Божии. Для других родителей, однако, эти ожидания остаются втуне, хотя и потребны их детям облегчение многих мук и душевных неурядиц. Причащение Святым Христовым Тайн — не волшебство какое-нибудь и не чародейство, наводящее на ребенка гипнотический сон и повергающее его в состояние благостной покорности. Чудесные проявления Святого Духа, наблюдаемые в Православной Церкви, носят на себе черты какой-то замедленности, мягкости, неброскости: ты можешь по неизмеримому человеколюбию Божию их принять или же отвергнуть — все зависит от твоей веры. Верю можешь многое взять и многому научиться в день причастия. Может, однако, это и не произойти, несмотря на самый благочестивый твой

настрой, потому что у Бога, для которого открыты все сердца, Своя мера и Своя оценка нашей любви к Нему.

Как рассудить о состоянии ребенка, приобщившегося Святых Христовых Тайн и вместе с тем такого капризного, такого беспокойного? Ничего рассудить здесь невозможно, поскольку нет и не было на земле человека, могущего уразуметь Святую Евхаристию. Мое нынешнее отношение к этому событию церковной жизни таково, что если бы меня сейчас спросили: «Вот будь ты мужчиной, решила бы ты стать священником?», ответила бы не без ужаса: «Нет!» Внутренний страх (своего рода завеса) отделяют от меня Святую Евхаристию, и поэтому рассудить о достойных и недостойных, приносящих в храм своих детей для их причащения Христовой Крови, я не могу.

...Много и долго убеждала я молодую маму, так взволнованно рассказавшую мне о нестроениях приходской жизни в их городе:

— Нельзя сомневаться в истинности Святой Евхаристии! Об этом даже думать грешно. Ты полагаешься на правоту своих мнений и воззрений и вот — стоишь перед алтарем, перед тобой Сам Господь Иисус Христос, а ты, малoverная, говоришь Ему: «Нет, Ты не Господь и не Бог мой, потому что рядом с Тобой человек грешный. Я его знаю, много о нем наслышана. А значит, это не Ты, Господи. Я не узнаю Тебя». Подумай, как это страшно — не узнать Господа Иисуса Христа, отвергнуть Его! Это и есть хула на Духа Святого (ведь Евхаристия творится Его участием!), которая не простится ни в этом веке, ни в будущем.

Еще я ей сказала:

— Иуда Искариот был среди двенадцати и пил Кровь Христову и ел Тело Его в таинстве первой Евхаристии. И что же, от его нечистых уст и от одного его присутствия Кровь и Тело Христовы перестали быть истинными, стали менее святы? Нисколько! Никогда не смущайся малoverами, где бы они ни были — рядом с тобой, в толпе причастников или даже перед тобой. Христос все тот же вовек! И причащаемся мы в любом храме и от любого священника, кто бы он ни был — просто ли иерей или же сам патриарх, — одному и тому же — Телу и Крови Христовым. Их знали апостолы, знаем, по милости Божией, и мы. В храме по обе стороны иконостаса в равной степени грешные люди, а Церковь едина, свята и непорочна.

В другой раз мои сбивчивые речи такого рода услышала одна благочестивая женщина, живо возразившая мне:

— А как же пророчество святого Иоанна Кронштадтского? Он говорил, что придут времена, когда не во всех храмах можно будет причащаться и не у всех священников?

— Ну, во-первых, — сказала я, — думаю, что это пророчество уже давно исполнилось и имело прямое отношение к живоцерковникам (1920— 30-е годы). Так что это уже история, и кстати, советская... А во-вторых... Может быть, тебе и дано какое-нибудь особое ведение, что ж, дерзай! А мне вот оно не дано. И я как представлю себе такую картину: наслушавшись ваших досужих разговоров да пересудов, отвернусь от священника со Святой Чашей (не буду, дескать, у него причащаться — грешник он из грешников), а в Чаше-то Святой что? Так как будто сама своими руками вновь терновый венец на главу Христа надела. Будто это и моими устами кричала толпа: «Нет у нас царя, кроме кесаря!» Страшно, страшно отвергнуться Христа! Уж я лучше приучу себя к смиренной мысли, что все православные храмы одинаковы и у всех священников один дар, и если согрешу на этом пути, Господь меня простит, потому что сделала я это из одного страха участия в еще одном распятии Его.

Как все гладко выглядит у меня на бумаге! Однако приучить себя к мысли о единстве и святости Церкви было делом очень и очень нелегким. Хотелось мне умолчать об одном случае в моей жизни, но придется, видно, рассказать и о нем. В те баснословные времена, когда мой Ваня еще кричал по ночам, а я не выпускала из рук Евангелие, как-то случилось у нас следующее событие. В ночь после причастия сын почему-то плакал едва ли не больше, чем обычно. Что случилось? Положа руку на сердце, говорю: не знаю что. И это — при моей любви к детальному анализу разного рода событий и житейских положений. Я совершенно потеряла в памяти тот день — я не помню его. Лишь одно запомнилось: литургию служил не тот священник, к которому я, слава Богу, успела уже привыкнуть. И тут в моей тогда совершенно темной голове замкнулось: вот из-за кого Ванюшке не «помогли» Святые Дары! Потому что и этот священник мне, конечно же, ужас как не нравился. Удовлетворившись этим объяснением, я расслабилась настолько, что позволила себе забыть тот день. А между тем запомнить его было бы мне совершенно необходимо... Прошло время, и я поняла свою ошибку, свою вину, свой грех хулы на Духа Святого и стала мучительно припоминать тот день. Уж не тогда ли я в сердцах прибила своего Ванечку? Когда, вся сотрясаясь от злобы, я изо всех сил лупила его, я ведь помнила, что он нынче причастник. Знала это и тем не менее старалась шлепнуть побольнее. Может быть, это было именно в тот день?

Припоминается мне и другое: было в какой-то момент во мне отношение к Святым Дарам как к своего рода лекарству — этакое снотворное в моем обыденном пошлом сознании. «Вот свожу Ваньку в церковь к причастию и выплюсь», — думала я, совершенно измученная ночными борениями с ним. Вот за все это, наверно, и не сподобил Господь «неосужденно причаститься» младенцу, сидевшему на моих грешных руках.

Какой же связкой мы соединены с детьми! Как надо следить за собственными поступками и мыслями, которые опрокидываются на них и метят одной с нами краской: белой, золотой, голубой или же кровавым багрянцем да бурой грязью. Вот почему день после причастия — это серьезное испытание прежде всего для меня, матери. Я отношусь к этому с таким напряжением, что зачастую даже как будто радуюсь, если дела отодвигают еще на несколько дней наше с детьми посещение церкви.

Много соблазнов и преткновений ожидает в день причащения деток некрепкую в вере мать. Однажды, выйдя из церкви, я повернулась к своему старшенькому и буквально остолбенела, открыв рот. Лицо его было покрыто сыпью, которая, как оказалось, была первым проявлением угнездившейся в нем краснухи. А ведь дома надо уладить и недоразумения такого рода: «Вот видишь! Ребенок заразился в церкви». Нет, нет и нет! У Святой Чаши дети не могут получить какую-либо инфекцию и не могут ее передать другому. Пора наконец снять с себя пионерский галстук и забыть тот бред, который мы читали в учебнике по истории СССР.

В другой прекрасный день, когда Ванечка был причастником, он упал с качелей и ударился затылком об огромный камень, торчавший своим острием вверх. Матушки, наблюдавшие это падение со скамейки у песочницы, в ужасе отвернулись, ожидая, что от такого удара череп будет размозжен. Но произошло чудо: сынок отделался рассеченной на голове кожей и одной скрепочкой, стянувшей рану. Так закончился тот радостный денек: нашим бегом сломя голову с окровавленным ребенком на руках в травмпункт и мучительным стоянием перед дверью операционной, где захлебывался рыданиями бедный Ваня.

И болезни, и травмы, и разного рода беспокойства душевные — ни от чего не застрахован в день причащения Святых Даров ребенок. Это надо твердо усвоить, но «блажен не соблазнившийся о Мне»... Блажен не усомнившийся в Его присутствии, в Его всемогуществе, в Его безграничном милосердии и любви. Я кругом не успеваю в деле воспитания детей своих и, стараясь, вновь и вновь отступаю, идя на компромисс из-за своего внутреннего неустройства,

неотложных дел, семейных обстоятельств. И только Господь устроит храм Свой в душах детей моих, только Он утверждает и возвращает в них веру, то есть то, над чем я бессильна со всем своим грешным составом. В этом смысле нет для детей более необходимой пищи, чем Тело и Кровь Христова. Хорошо об этом, по-моему, сказала простая русская крестьянка со страниц книги удивительного писателя и фольклориста середины XIX века П.И. Якушина.

«Жар стоял страшный, дождя давно не было, даже душно было; но все-таки богомольцев на дороге было много, в особенности богомолки, и с детьми и без детей.

— Далеко ли до Бугаевки? — спросил я одну женщину, которая вела за руку сынишку лет четырех, возвращаясь от обедни.

— Недалеко, родной, недалеко; верст каких шесть будет, а то еще пять... больше пяти не будет.

Простой народ не любит обижать, всегда хочет порадовать хоть одним простым словом, так и теперь: от Челнского монастыря до Бугаевки верст пятнадцать... Я это знал и спросил женщину только, чтоб с нею заговорить. Она не хотела меня огорчать предстоящим длинным путем и потому хоть на словах да сократила дорогу.

— Ты сама откуда?

— Из Любовни, родимой.

— А куда ходила?

— К обедне, родимой.

— И мальчишку, что ли, водила? Сынок, что ль, твой?

— Сынок, сынок мой, водила к обедне: причащала, надо с малых лет приучать Бога бояться.

— Правда, тетушка, правда твоя.

— Как не правда, родимой!

— Что, Васютка, утомились твои ноженьки? — обратилась она к своему сыну. — Дай возьму тебя на рученьки, ножки твои отдохнут.

Женщина взяла на руки мальчика, сняла с головы повязанный платок, закрыла голову сыну, и тот в ту же минуту заснул».

Прочитав те три странички, которые Якушин посвятил разговору с этой женщиной, я залилась слезами. И куска хлеба не было в ее доме («И-и, родимой, откуда у нас хлеб!»), а значит, приведя туда своего маленького причастника, покормит она его да и больного мужа какой-нибудь болтушкой, огурцами... Но ведь не выгадывала, отправляясь в утомительную дорогу с сыном, покоя да богатства. Не задаривала сыночка игрушками да лакомствами, как мы, грешные. Искала мать для дитяти своего лишь страха Божия, чтобы знал он его как присутствие Божие, чтобы боялся противу Его воли и заповедей жить.

«Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое», — молится святой Иоанн Златоустый. Вот и я, не надеясь на успех собственных усилий, уповаю на присутствие Божие в детях моих в день приобщения Святых Христовых Таин и верую, что удержит Господь их сердца в Себе. И в день страшного суда узнают они Того, Кого знали с младенчества, и посмотрят в

Его очи с верою, надеждою и любовью.

Глава 3. Исповедь

Вот пряду я ниточку воспитания деток-христиан в собственной семье и делаю это как будто бы внове. Все это в старой России православные родители знали и умели, и были они, без сомнения, половчее меня. Все было, да миновалось. Стараюсь я, тружусь, а все из-под неумелой руки моей обрывы да узелки...

Сложности и недоумения мои еще более усилились с вхождением моего старшего сына в исповеднический возраст (7 лет). Готовила я Митю к первой исповеди, как Бог на душу положил. Что-то объясняла, что-то читала, что-то показывала на картинке в книжке («Закон Божий» о Серафима Слободского). Всего помалу в течение примерно трех месяцев до дня рождения. Вот только показать на собственном примере я тогда не решалась, поскольку сама ходила причащаться одна, без детей. Причащалась я тогда редко — разочек постом (всего, значит, четыре раза в год), и жаль мне было тратить радостный день на укрошение моих непосед. В этом удовольствии отказать я себе не могу — побывать на литургии одной, без деток.

Говорила я, говорила Мите об исповеди, и все как будто он что-то недопонимал, да и мне эти разговоры полного удовлетворения не приносили. В конце концов я сказала сама себе в сердцах, недовольная собственной бестолковостью: «Пусть будет что будет. На все воля Божия». Я решила попросить поговорить с ним на исповеди того, кто, я уверена, более опытен в таких делах, нежели я. Но когда я увидела, к кому нас привел Господь в тот будний день, у меня язык прилип к гортани от робости.

— Сколько лет мальчику? — спросил батюшка.

— Две недели назад исполнилось семь, — ответила я с намеком, что, дескать, с мальчиком самое бы время поговорить об этом событии в его жизни — первой исповеди.

— Как твое имя?

Митя назвал, и я опять с надеждой посмотрела в лицо священнику: это был день именин сына, и в проповеди, я догадывалась, священник будет говорить о житии именно этого святого (так, кстати, и оказалось). Ничего не сказал батюшка и лишь, накрыв епитрахилью голову ребенка, произнес разрешительную молитву. С тоской посмотрела я на крошечную кучку исповедников, проскользнувшую мимо нас вперед.

— Не грусти, — шепнула сама себе потом, — может быть, это и к лучшему.

В том, какую силу имеет наставническое слово священника для ребенка, я убедилась спустя несколько месяцев. Привел меня Господь побывать в отдаленном уголке России и поговорить с повергшими меня в изумление православными людьми.

— А у нас, — сказала я, — можно просто наклонить голову, назвав свое имя, и тут же получить отпущение грехов.

— Как?! И ничего при этом не говорить?!

— Абсолютно ничего! — подтвердила я.

— Да не ври ты! Такого не бывает, — сказала мне одна молодая особа. Но потом, поразмыслив,

изрекла:

— А может, и бывает... Приезжала к нам тут одна москвичка и подобное же рассказывала. Но мы решили, что она это сочинила. Так неужели же такое бывает? Зачем же тогда нужна исповедь?

Вот чудачки! Бывают же такие на белом свете — общую исповедь никогда в жизни не видывали! Живут в своей глуши под крылышком у рачительного батюшки, который в течение часа успевает только трех исповедать, но уж зато разруган он ими, по нашему православному обычаю, во все корки и охарактеризован со всех сторон своего личного и служебного бытия. Ведя к нему в церковь мальчиков, я предупредила своего старшего, что на исповеди батюшка с ним побеседует. Митя тут же остановился с намерением повернуть назад.

— Не бойся, — подбодрила его я. — Он тебе поможет ответить на вопросы, которые сам же задаст.

— А о чем он спросит?

— Не знаю, — схитрила я.

Вот теперь уж для меня пришло время делать с непривычки большие глаза! Принакрыв краешком фелони моего сына и низко наклонившись к нему, священник шепотом побеседовал с Митей. Так же неторопливо, ласково исповедовали детей и другие священники, приезжавшие на моей памяти послужить в эту очаровательную древнюю церковь, расположенную вблизи святых мощей. Стоило же ехать в глушь, за сотни километров, дабы увидеть этакое диво своими одичалыми питерскими глазами! Тамошний батюшка сказал Мите, что Библию надо читать каждый день. И вот в течение целого года не было дня, не нарушенного каким-нибудь экстраординарным событием (например, ночь в поезде или приезд к нам деда, не одобряющего некоторых особенностей воспитания мною детей), в который мы бы пренебрегли духовным чтением на ночь. Иногда я робко завожу:

— Ребята, у меня еще столько посуды на кухне... Да и пол надо обтереть. Отпустите меня! Спите уж так, без Библии.

— Нет! Батюшка что сказал? «Каждый день!» А батюшку надо слушаться, сама говорила.

Вздыхну и открываю книжку на заложенной вчера мною странице.

Конечно, если бы мы жили рядом с такой милой церковкой, где вся община, по выражению самих прихожан, состоит из трех с половиной человек, с исповедями у детей все бы наладилось само собой и думаю, что не моими бы усилиями это сделалось. Но поскольку в праздник мы с детьми приходим в большую многолюдную церковь, сложности с их исповедями остаются. Напрасно думать, будто бы священник, даже и имеющий в своем запасе 3 минутки для моего ребенка, может научить его исповедоваться и без моей материнской помощи. Ой, как она нужна! Исповедь может стать тяжким испытанием, которое в силу какой-то душевной травмы, не дай Бог, станет потом просто непреодолимым препятствием. Например, великий князь Олег Константинович (погиб в 1914 г.) в своем дневнике писал, что мучительное воспоминание о первой исповеди стало для него причиной, в силу которой он старался как можно реже причащаться. А ведь в те-то времена и в тех церквях не торопились, и духовники у царской семьи были все люди отборные, опытные. Между тем некая душевная травма, нанесенная семилетнему ребенку, налицо.

Как видим из этого примера, проблемы с детскими исповедями не новы, и дело не только в

привычной робости, которую испытывают как дети, так и взрослые перед этим событием. Очень хорошо об этом сказала одна благочестивая женщина, обращаясь к моей сестре:

— Что ты плачешь и упираешься? Не готова? Запомни: к исповеди ты будешь не готова всегда. Это такая особенность состояния перед исповедью — желание повернуться и убежать под предлогом своей неготовности. Думаешь, в следующий раз подготовишься лучше? Нет, этого никогда не будет! Схватила ее за руку и буквально потащила за собой в церковь изо всех своих сил.

Но семилетнему ребенку чего бояться? Он же не накопил за свои младенческие семь лет столь страшный и постыдный груз грехов, как мы? Маленький герой Шмелева («Лето Господне») со страхом думает о возможной епитимье после своей первой исповеди. Время тогда было иное и семья была другой — крепко укорененной в церкви. теперь налицо опасность другого рода: слишком легкое отношение к исповеди, принявшей едва ли не повсеместно (особенно в праздники) «немую» форму выражения. Вот здесь-то и нужна материнская направляющая рука и особая мудрость, чтобы и значение церковного таинства в глазах ребенка не уронить, и не ввергнуть его своими попреками да напоминаниями в какой-то унылый испуг.

Посмотрите на то, как совсем маленький ребенок обещает своим родителям не поступать в каком-то очень конкретном смысле плохо. Малыш полностью уверен, что больше он поступать так не будет никогда. Разговоры о какой-то одной и той же несносной его привычке могут повторяться изо дня в день на протяжении длительного времени, а горячая вера в возможность для него ежесекундного исправления не становится в нем меньше. Он еще ой как не скоро узнает, что борьба с тяжелой характерной привычкой (скажем, гневливостью) значительно облегчается, если в ней покаяться на исповеди. Появляется как будто новая сила в душе, перекрывающая в самом начале поток гневливых, бранных слов и раздраженных укоров. Легче с собой бороться после своего решительного покаянного действия. У ребенка нет необходимости в таком радикальнейшем средстве очищения собственной души, поскольку сила его раскаяния после материнского внушения огромна и не идет ни в какое сравнение с себялюбиво-охранительным, каким-то стыдливым раздумьем взрослого человека о своем собственном «недостойнстве». В этом смысле ребенок — ангел, поскольку, согрешая, он тут же до глубины души раскаивается в этом, доверившись родительскому «ай-яй-яй», «как некрасиво», «фу, как стыдно».

Не знаю, как другие дети, но мой старший сын едва-едва накопил в себе к семи годам чувство недоумения от собственного бессилия:

— Мама, ну почему я никак не могу стать хорошим?

Очень тяжело дети старшего дошкольного возраста учатся переносить страшное слово «грех» на собственную персону. Ощущение «я хороший» в силу все еще очень сильной веры ребенка в возможность измениться за один миг, согласно своему волеизъявлению, мешает поверить, что сделанное им нужно назвать так страшно — грех... Поэтому при разговоре об исповеди в шестилетнем ребенке ощущается подчас очень сильное сопротивление тому, что говорит о нем мать, видящая его все-таки со стороны. Он-то знает себя изнутри и уверен, что хороший и не таков, каким его хотят представить на странном таком языке. Подобные трудности коренятся в самой детской психологии и могут быть не связаны напрямую с некоторыми упущениями по части объяснения заповедей Божиих ребенку. А говорить о них надо не дважды, не трижды, а много-много раз, как бы между прочим, среди разных домашних дел: упоминать, напоминать, объяснять на различных примерах — но едва ли не ежедневно. Иными словами — часто, но микроскопическими дозами. Если это по незнанию или по неопытности упущено, то о таинстве исповеди говорить с маленьким ребенком становится очень сложно.

Все это я живо почувствовала перед первой исповедью своего старшего сына на себе. Оказалось, что я была просто не в состоянии заставить его отыскать в самом себе поступки, которые почему-то нужно рассказать «чужому дяде». То ли он у меня такой, то ли уж я кругом неумеха и неудачница — трудно сказать. Я решила вновь отступить.

Не давить на него. Замолчать на эту тему. Положиться на волю Божию. Какое-то усилие и я и Митя приложили, готовясь к первой исповеди, а то, что у нас не получилось, Бог не осудит.

В попытках преодолеть некоторые сложности собственной судьбы я давно уже обратила свои взоры к нашей классике, пытаюсь найти там некую опору. Что делать, так уж я устроена, и мне легче спросить книжку, чем человека. Однако столпы нашей словесности хранят об этой стороне церковной жизни (исповедь) едва ли не единодушное молчание. Может к сюжету как бы кстати прийти такое важное в жизни каждого православного человека событие, как говение, (вспомним хотя бы Наташу Ростову), однако о последовавшей за ним исповеди и причащении, ну, ни полслова. Своего рода новатором в этой области был Ушинский, который из чисто дидактических целей рассказал в своем «Родном слове» (цикл «Из моих воспоминаний») о том, как говел и исповедался один мальчик и как он провел последовавший за причастием день. Я не думаю, что скромная молчаливость писателей прошлого не удивляла никого ранее, а лишь меня, любопытствующую не от хорошей жизни. Когда К. Леонтьев упрекал Достоевского, в том, что его Сонечка Мармеладова, веруя, ведет себя странно для русской православной женщины, он, несомненно, имел в виду и этот пробел в образе несчастной героини «Преступления и наказания».

Ставшая сейчас довольно известной чеканная формула Ивана Солоневича «Русская литература оболгала Россию» имеет под собой во многом оправдывающую ее основу. Целый пласт русской жизни почти полностью выпал из картины России прошлого столетия, изображенной Л. Толстым, Тургеневым, Чеховым... Неполон образный строй русских людей, представленных литературой прошлого, и это показали писатели, покинувшие Россию вскоре после революции 1917 года. Новые герои и новые сюжетные положения введены Б. Зайцевым, И. Буниным, П. Красновым, И. Шмелевым; в их книгах мы увидели другую Россию, нам, современным книжникам, просто-напросто не знакомую. Благодаря стараниям этих писателей перед нашими глазами предстала Россия богомольная, Россия «за оградой церкви», Россия со всем своим православным многолюдством (крестьяне, ремесленники, мещане, рабочие, чиновничество). Писатели-эмигранты сорвали покров тайны с пренебреженной предшествующим поколением жизни церковного народа, и вот со страниц их книжек зазвучали слова, тихо сказанные священнику над аналоем.

Как целеустремленно жили наши предки! Каким смыслом были исполнены их будни, их праздники! Довольно полно, кстати, жизнь России в рамках православного годового календаря представлена в произведениях горячо любимых мною писателей, которых принято называть шестидесятниками (Н. и Г. Успенские, А. Левитов и др.). Почти все они в прошлом семинаристы, и, следовательно, знали эту сторону народной жизни очень хорошо. С духовным поприщем, на котором подвизалось порой не одно поколение их предков, порвали, за что их неизменно миловало советское литературоведение: вот, дескать, атеисты, антиклерикалы, обличители! Однако такого горячего христианского чувства, которое порой так и льется со страниц их книг, еще надо поискать в русской литературе. Только вот к православному человеку, изображенному в них, предъявляли писатели демократического направления зачастую слишком жесткие требования: судили их как падших ангелов — безжалостно... Скажем, где бы ни оказалась несчастная русская баба — в услужении ли на кухне или в тягостном супружестве, жить-то все-таки, влача свои дни, надо, не разрушая какую-никакую, а все же оградку, подпорку для слабой и больной души. Отвалы, по которым карабкались наши предки,

были не страшнее тех, которые преодолеваем ныне мы.

Отдали дань писатели-эмигранты и едва ли не самому оплеванному русскому сословию — священству. В одной из своих последних статей (1918) В. Розанов припомнил давний разговор, в котором он принял участие:

«А вот слова, которые я слышал: «Послушайте, как вы смотрите на русского священника?» — «При всех его недостатках, я все-таки люблю его». — «Люблю? Это — мало: можно ли не чтить его (выделено Розановым — А. С.), он получает корку хлеба, то есть сельский священник, а сколько труда, сколько труда он несет». Это доктор Розенблюм, в Луге, в 1910 г. Я думал, он немец. Расспросил — еврей».

Где же в нашей литературе отдана дань этим трудам русского священника? Пальцев одной руки достаточно, чтобы припомнить имена писателей, с любовью приобщавшихся к этой теме.

Обличением настроенности образованного общества в дореволюционной России звучит признание священника Сергия Булгакова о причине, в силу которой до 1918 года он откладывал принятие священнического сана: знал, что привычный для него круг московской интеллигенции, узнав о преступленной им черте дозволенного, отвернется с презрением от попа... И решился он на этот шаг, лишь поняв, насколько безмерна беда, обрушившаяся на его Родину. Думаю, подобное ощущение долга по отношению к старой России, ушедшей в небытие, двигало и создателем колоссальной эпопеи «Красное колесо» А.И. Солженицыным, на страницах которой мы находим совершенно удивительные образы священников — философов, героев, подвижников. Нет в них буквально ни одной черточки, могущей вызвать какое-либо неприятие, ни одного неловкого слова не срывается с уст их... Хватит уж, как бы говорит нам писатель, этим-то русским людям помоев хватило выше головы, поговорим о них иначе.

Так, подбирая осколочки, рассыпанные по разным книжкам, я составляю сама для себя мозаичную картину религиозной жизни разных слоев русского народа — в семье, в школе, на службе (да-да, и там!), в тогдашней Церкви... С исповедью здесь мне, пожалуй, сложнее всего. Невольно задалась я вопросом: почему так? Почему исповедь сокрыта от глаз читателя, листающего книги из прошедшего, девятнадцатого столетия? Только двадцатый век сделал достоянием читательского сопереживания слезы раскаяния и участливое слово священника, сказанное в полумраке церкви. Неужели только понимание сокровенности этого таинства, его необходимой сокрытости не только от досужих ушей, но и от любопытствующих глаз исключало исповедь как сюжетобразующий элемент из русского романа, повести, рассказа? Дурны ли с этой точки зрения страницы Шмелева или Солженицына, обнажавшие перед читателем то, на что как будто существовало некое табу? Думаю, нет. И герои Шмелева («Лето Господне», «Богомолье») и Зина Алданская из романа Солженицына (узел «Октябрь шестнадцатого») много выигрывают своей образной полнотой в глазах читателя, перелистнувшего «исповеднические» страницы, связанные с ними.

Я предполагаю, что запретность темы церковной исповеди, ее неприкасаемость во многом была связана с некоторой болезненностью, личным и очень непростым опытом каждого конкретного человека, будь он даже и знаменитым писателем. О великом князе Олеге Константиновиче, тяжело пережившем первую свою исповедь, я уже писала. П. Милюков, известный общественный деятель России начала века, переживший в юности увлечение, как он считал, церковной обрядностью, довольно быстро охладел к ней, и в частности из-за формализации именно исповеди.

Среди трудов святителя Феофана Затворника (1870— 80-е гг.) обращают на себя внимание многочисленные письма его к духовным чадам, вопрошавшим преподобного о различных

тонкостях подготовки к исповеди, отношения к исповедывающему и, наконец, о ней самой. Эти примеры, поверьте, можно было бы продолжать и продолжать. Церковную исповедь не следует путать с исповедью литературной. Сама распространенность жанра литературной исповеди (Ж.-Ж. Руссо, Л. Толстой) была во многом, на мой взгляд, связана со стремлением дать в пику церковной исповеди, у которой есть свои, вполне определенные и жесткие правила, по которым она осуществляется, иной образец: распространенный и детализированный, не боящийся захватить страстными своими переживаниями того, кто оказывается посвящен в нее. Этот полемически нецерковный образец очень повлиял на нынешнее поколение вновь обращенных христиан, моих современников. А между тем в литературной исповеди главным является самораскрытие и призыв к сопереживанию, в то время как цель церковной исповеди иная: признание своих грехов (вот они, все пред Тобой, Господи) и раскаяние в них, надежда на оправдание во Христе и помощь в исправлении самого себя.

Как видим, непростое отношение к исповеди писателей, оставивших нам свои произведения о прошлом России, имеют много общего с нашим: тот же страх и боязнь, недоумение и неумение, а порой, видимо, та же личная неудовлетворенность. И я, держа все это в памяти и смотря на лица нынешних своих братьев и сестер, порой благодарю Бога, что Он по своему безграничному милосердию и долготерпению даровал нам, немощным, возможность молча склонить голову под епитрахиль, когда праздничная толпа делает невозможной исповедь или когда просто не знаешь, как и сказать покороче, а священник не в состоянии помочь тебе. Я знаю, что когда насущнейшим образом понадобится исповедаться, так никакая толпа не помешает и, не взирая на лицо того, к кому Бог привел, будешь говорить, склонившись над распятием на аналое.

Примерно то же самое усваивает и нынешний семи-восьмилетний ребенок, пришедший в переполненную народом праздничную церковь. Будет у батюшки возможность, он своими вопросами подтолкнет ребенка к называнию (по форме это и есть детская исповедь) своих грехов, даст ему краткое наставление. Перед матерью тоже стоит определенная задача, какой бы исповедь ни была (общей или не общей — уж что Бог дал), не сглаживать в восприятии ребенка важность этого таинства и не унижать его своими неловкими оценками да репликами. Священникам, не побоюсь этого слова, нужно нынче помочь. Порой матери следует поступить и так: оказавшись перед царскими вратами в ожидании Святой Чаши, шепнуть ребенку на ушко: «Подумай-ка, миленький, о своих грешках. О каждом из них попроси у Бога прощения». Все равно ведь слова молитв перед причащением, которые читаются в это время, он не понимает.

Вообще же говорить со мной о своих грехах мой старший сын ужас как не любит. Уразумев это, я усвоила следующую тактику. Вечером перед сном говорю ему: «Проснешься утром, встань, пока Ванечка спит, помолись в одиночку, да смотри не ленись! А потом покайся в своих грехах. Перебирай их по одному и о каждом говори: Прости меня, Господи!». Как правило, тут же отворачивается к стенке, замолкает. По дороге в церковь еще один вопрос:

— Ты вчера подумал о исповеди?

Ворчливо отвечает:

— Подумал, подумал! Не надо о моих грехах! Я их хорошо знаю. Однако после этих слов минуты три идет молча.

После исповеди сынок никогда не открывает мне, о чем его спрашивал священник:

— Сама говорила, что это таинство. А раз тайна, так и не выспрашивай.

Вот и слава Богу, что это усвоил! Господь всему научит, только бы от церкви не отставал. Камушек к камушку прикладываем мы с ним с усилием, стараясь, — что-то ведь у нас получается, раз Бог не лишает церкви Своей нас, грешных.

Глава 4. Наши молитвы

В книге об афонском старце Силуане я нашла такие слова: «Нет на свете ничего труднее молитвы». Прочитав это, я сочувственно вздохнула, но вздох этот относился даже и не ко мне лично, а к моим детям. Вот кого мне надо научить молиться, а это потруднее, чем преодолеть собственные леность, легкомыслие, гордыню, тщеславие. С детьми все становится намного сложнее, тем более если сама немощна и малоопытна.

Об Иисусовой молитве я много читала, пытаюсь писания святых отцов приложить к себе лично. Конечно же, преуспеть в этом я не смогла. Потому, во-первых, что у меня, недостойной, нет духовника, а без его благословения в этом деле никуда не двинешься. А во-вторых, от четок, даже если они у меня в кармане и я куда-то иду, начинаю просто-напросто засыпать, едва минуя границу семидесятой молитовки, и это — стоя на ногах. И без четок впадаю в то же сонное состояние, сопряженное к тому же с каким-то испугом: становится мне почему-то страшно от многократного повторения молитвы «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную».

Много облегчило меня чтение святителя Феофана Затворника. Его объяснение того, как надо хранить памятование о Боге в течение дня, приложилось к моей жизни как нельзя лучше. Доля жены, матери такова, что от кучи мелких дел, забот, слов, которые надо сказать, мельчаешь характером, погрязаяешь до самой до макушки в каком-то бездонном месиве: дела домашние делать не переделывать, и конца им нет. Стала я приспособливать к этому свою душу, стараясь держать ее повыше, и получилось это у меня так. О всех мелких-мелких домашних делах молюсь словами, по возможности самыми простыми, причем заметила, что о самых-самых незначительных вещах молитва получается едва ли не детской, какой-то очень уж простой... Суп варю — о супе молюсь, чтоб он вкусный получился, пол мою — прошу у Бога сил, чтобы домыть его до конца и не растянуться от этого в полном изнеможении (я от природы очень слаба физически — силы мои явно меряны). И не то чтобы я это делала исключительно ради собственного благополучия (хотя и на успех всех моих домашних дел я очень надеюсь и желаю его), мне важно другое. Я очень благодарна апостолу Павлу за слова о молитве, включенные им в послание к Филиппийцам: Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе. Вот этого я и ищу, вот поэтому я и молюсь над кастрюлями, магазинными авоськами да бесконечными рубашками, большими, поменьше и совсем маленькими: чтобы «мир Божий», о котором мне, женщине, невозможно и помыслить, накрепко заключил меня во Христе Иисусе. Иначе молиться я не умею. Где уж мне, грешной, творить молитву Иисусову по образцу святых отцов наших...

Есть у меня еще одна, помимо хозяйственных забот, отрадная возможность для памятования о Боге. Детки мои, поскольку мать их женщина современная, то есть работающая, должны посещать соответствующие казенные заведения: детсад, школу, начальную и музыкальную, порой и продленку. И вот никогда-то меня не покидает чувство вины перед ними... Миллион раз я с пристрастием разглядывала нашу семейную жизнь, а рассмотрев, выносила о себе оправдательное решение: иначе и быть у нас не может. И все-таки совесть не перестает упрекать меня в том, что я оставляю своих детей на чужих руках. Я не обольщаюсь на свой счет, будто бы мое материнское присутствие наиболее полезное для детей. Сколько я встретила

на своем веку удивительных педагогов, специалистов разного рода, врачей, одаривших моих детей различными умениями, познаниями, излечивших их от серьезных болезней! Все мы ходим под Богом, Который печется о детях Своих, приводя на наш путь и людей не родственных, чужих, но делающих нам столько добра. Ну, раз для меня столь заметна польза от посещения детками моими детсадов да школ, что ж так печалюсь я? Всегдашняя материнская боязнь гнетет сердце: упадут неловко, обидит их взрослый или приятель, будут плакать горько, а утешить некому... Да мало ли что может случиться! Вот и стараюсь я молитвой поддержать их, когда они вдали от меня, не рядом. Вышел ребенок за порог — я молюсь: «Господи, избави его от встречи с лютым, лихим человеком. Господи Иисусе Христе, помоги рабу Божьему, сыночку моему, через дорогу перейти благополучно. Помоги, Господи, защити его от всякого зла». Весь распорядок дня я знаю и в садике, и в школе, и на продленке, и день длится, а моя молитва сменяется другой: «Господи, да будет учение сына моего во славу Божию. Господи, сохрани дитя мое от простуды на прогулке. Господи, пошли ему крепкий сон и сохрани от грешной привычки» и далее, далее, далее — весь день. И всегда вместе с этой молитвой другая — о себе: «Господи, прости меня, грешную, и сохрани дитя мое от всякого зла».

А как научить молиться ребенка? Дело это очень не простое и в огромной степени зависит именно от матери, потому что ребенок и здесь будет повторять то, что видит перед собой. В этом деле потребно время, многие годы, поэтому надо трудиться терпеливо, готовя себя к длительному усилию. Я не буду повторять прекрасную книжку священника А. Владимирова «Молитвослов для самых маленьких» (на мой взгляд, кстати, это одна из лучших современных книжек, посвященных проблемам христианской педагогики: другие в большей степени грешат некоторой оторванностью от реальной жизни и написаны как будто специально для семей целиком воцерковленных, а таких у нас еще очень и очень мало).

Научить детей молиться можно только в ежедневном общении с ними: какие-то маленькие реплики и советы матери, сказанные как бы кстати, между делом, жизненные примеры, различные случаи, разъясненные в нужном нам плане. Причем основным здесь является совет, который, несмотря на всю его простоту, нужно неизменно варьировать, дабы не надоесть своему ребенку до смерти: «А ты помолись перед началом дела, и у тебя получится намного лучше». Через некоторое время у ребенка рождается на эту просьбу такой ответ: «А я молился, но мне не помогло». Этого пугаться не следует, напротив — стоит порадоваться самостоятельности первого молитвенного опыта маленького человека. Скорее всего, ответ матери не удовлетворит умненького малыша: «Может быть, ты плохо молился? А ты не думаешь, что исполнение твоего желания по молитве могло бы быть тебе не к добру? Давай разберемся вместе...»

Нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы за один раз объяснить такое ребенку. Как это может быть, недоумевает маленький христианин, молитва — не к добру? Как и следовало ожидать, убедить его в правильности такой точки зрения не удалось. Однако, слава Богу, в ребенке столько добродушия, что он довольно скоро внутренне примиряется со своей «неудачей». Попросту забывает о ней. Пропустив немного времени, вновь возвращаюсь к этому совету: «Помолись». И так длительное время (всегда!), дабы ребенок наживал собственный молитвенный опыт.

Чрезвычайно впечатляет детей, давая новый стимул на этом пути, чтение Евангелия, причем не в переложении. Переложения, прежде чем обратиться к самому Священному Писанию, мы с детьми прочитали раза три. Причем я обратила внимание на такую закономерность: лучше всего читать детскую Библию (то есть переложение) не с начала... Странно повторилось с моим вторым сыном то, что было и с первым: хождения во время богослужения вокруг

большого распятия, стоящего за канунным столиком, так впечатляют маленьких детей, что у них возникает очень большое желание узнать об этих страшных ранах на руках и ногах Спасителя.

— Мама, а почему Иисуса Христа приколотили ко кресту? Кто это сделал?

— Хочешь, я тебе про это прочитаю в книге, в Библии?

— Хочу, — говорит ребенок, и с этого дня начинается его знакомство со Священным Писанием. Прочитав со страстей Господних детскую Библию до конца, можно теперь обратиться и к началу, причем лучше всего для первого раза взять переложение именно Нового Завета.

Чтение детской Библии чаще всего связано с укладыванием детей на ночь. Этот ритуал исключительно важен, и я взяла себе за правило не торопиться уходить от детей по вечерам. Долгое время у нас было заведено так: чтение какой-нибудь сказки, потом несколько страниц из детской Библии, наконец, вечерняя молитва. Когда дело дошло до настоящего Евангелия (мой выбор пал на евангелиста Марка), я была поражена тем, какое впечатление на маленьких детей (им было тогда 5 и 8 лет соответственно) производит подлинное, не переложенное Слово Божие. Кое-что, конечно, тут же в ходе чтения пришлось изменить. Изъяла из текста, например, о жене — «кровоточивая», причем старший, как будто почувствовавший некую лакуну, тут же переспросил: «А чем это она была так больна?» Когда же я по Марку прочитала о Тайной Вечере, Митя остался страшно недоволен:

— Мама, а почему ты так мало о ней прочитала?

Я объяснила, что у этого евангелиста о Тайной Вечере действительно написано об этом очень кратко, в другом же Евангелии (от Иоанна) словам Господа, произнесенным в тот вечер, посвящено три главы.

— Читай все! — последовал приказ. Без особого желания, думая, что дети заскучают или просто не поймут этого сложного текста, я начала чтение. Прочитала я это в два вечера, с перерывом и заметила, какое огромное впечатление на детей производит подлинное, не пересказанное и не переложенное применительно к их возрасту слово Господа. Это не идет ни в какое сравнение с материнскими призывами и наставлениями! Молитвенный опыт, который наживает маленький ребенок в самом начале своего жизненного пути, находится в сильнейшей зависимости от чтения Евангелия, поскольку слова Господа, переданные в нем, они воспринимают как непосредственный призыв, к ним обращенный, и следуют ему с большей охотой, нежели материнскому. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Вот тут мой старший сказал: «Ого!» А я удивилась: разве я ему про это не говорила? Да многократно! Но одно дело слово матери, а другое — Божие. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна.

Кстати сказать, Евангелие (не по переложению) можно читать выборочно ребенку лет с четырех. При хорошем знании Нового Завета нетрудно выбрать небольшой отрывок, предварив им наступление какого-либо праздника. Чтение это чрезвычайно важно, поскольку так начинается христианская жизнь, неразлучная с великой книгой.

Я страшно сожалею о невозможности понимания детьми Евангелия, читаемого в церкви. Приучить стоять их в этот момент смиренно и с опущенной головкой нетрудно, утешить словами вроде таковых: «Ничего, старайтесь вслушиваться и со временем научитесь понимать», тоже не сложно. Однако из моей памяти не выходит, тревожа ее, один случай, бывший с нами. Однажды мы всей тройкой забрели в церковь в неурочный час. В пустом храме священник,

видимо, по просьбе тех нескольких человек, которые стояли рядом с ним, служил молебен. Вот батюшка открыл Евангелие и я с наслаждением выслушала знакомые слова о Мариам, которая «со тщанием иде во град Иудов и целова Елисавет». И вдруг я взглянула снизу вверх на своих детей, которые (я видела это по ним) опятьничегошеньки не поняли, и в моей голове родился вопрос: «А что бы изменилось, если бы сейчас батюшка прочитал нам эту главу из Евангелия по-русски?». И сама себе на это ответила: «Изменилось бы только одно. Вместо слов «Стойте смиренно — читают Евангелие», я бы сказала: «Слушайте...». Вместо покорного исполнения материнской команды мои дети просто бы вслушивались в прекрасные, понятные и — слава Богу — уже довольно знакомые слова. Дети бы понимали то, что им читают в церкви».

В свое время я много усилий приложила к тому, чтобы приучить саму себя к церковнославянскому языку. Придя из церкви, тексты, оставшиеся непонятыми мною в пении или чтении, старалась найти в книгах, которыми разжилась к тому времени, дабы уразуметь их до конца. С церковным чтением Евангелия и Апостольских посланий у меня обстоит дело сложнее всего: ведь у нас дома нет Библии на славянском языке. В церкви для меня самое важное уловить начало — из какого Евангелия и Послание какого Апостола будут читать. Потом я стараюсь воспроизвести перед своими глазами русский текст, который знаю, и через него понять церковный.

Несомненно, определенное усилие и, главное, привычка к церкви дают свой добрый плод. Мой старший сын наделен чудесной музыкальностью, однако в церкви — я это вижу по нему — он музыкой наслаждаться не может и многое бы отдал, чтобы понимать, о чем в ней поют и говорят. Так или иначе, но постепенно дети все-таки начинают разбирать сначала отдельные слова, а потом и целые фразы, сказанные в алтаре, перед алтарем, пропетые на хорах. Колоссальное значение имеет здесь подсказка матери. Много я произнесла и пропела им, прижав к себе и низко наклонившись к ним головой. То, что детям было непонятно в чужих устах, стало доступно от меня. так, стоя где-то в уголке церкви, мы разбирали со старшим сыном «Блажени». Он меня попросил: «Повтори «Блаженства»». На хорах пели, а я просто проговаривала их, делая после каждого паузу, чтобы дать ему прослушать это в пении. По книжке же («Закон Божий») разбирать ход богослужения намного сложнее, чем объяснять это самой в церкви. Я это поняла на собственном опыте, хотя и чтение по книжке на эту тему очень полезно. Прочитать это можно с перерывами дня за три и повторить по книжке спустя большой промежуток времени.

За прошедшие четыре года нашего церковного житья-бытья мой старший мальчик запомнил с десяток молитв. Произносит он их правильно, не коверкая церковно-славянские слова. Когда-то я придавала всем этим мелочам большое значение, однако со временем успокоила свою ревность на этот счет. Детей очень утомляет такой усложненный процесс: сначала читаем молитву, потом переводим, наконец, снова читаем на церковно-славянском. Детям, по моим наблюдениям, вполне доступна внутренняя красота молитвы — она их очень впечатляет. Если же проделать манипуляцию, описанную выше, то это очарование разрушается. Заметив это, я стала поступать иначе. Время от времени я прочитываю детям в добавку к вечернему правилу какую-нибудь новую, незнакомую им молитву — не для запоминания, а просто так, потому что она мне нравится. Читаю я ее, сразу же несколько спрямляя и сглаживая: огрубляю некоторые окончания, заменяю чересчур архаичные глагольные формы на более близкие к современным и т. д. Это не перевод, и дети не замечают моей хитрости, воспринимая новую молитву как самую обыкновенную церковную. Они могут тут же, по горячим следам, не забыв свой вопрос в процессе сложных переводческих манипуляций, задать его. Я им отвечаю. И получается очень живо, как-то непосредственно! Только вот мое недоумение (зачем коверкать таким образом два языка — славянский и русский?) становится чем дальше, тем более тяжким...

Таким образом дети — я держу эту цель перед собой — набирают в свою память маленьких молитовок, учатся обращаться к Богу, раскрывать перед Ним свое сердце. Учатся этому на высоких молитвенных образцах.

В деле воспитания детей нет ничего простого, и вечерняя молитва не представляет здесь исключения. Были времена, когда я просто садилась на постель рядом с маленьким тогда старшим сыном и просила его прочитать молитвы: сначала «детские», коротенькие, потом «Отче наш», «Богородице дево», «Достойно есть». Потом подрос младший, и вот на меня уже устремлены две пары пытливых детских глаз. Я привыкла к этим глазам, смотрящим мне прямо в лицо. И все-таки иногда на молитве становится от них как-то не по себе, но, припомнив, что я — экспонат, который детям нужно сохранить в своей памяти, смиряюсь. До сих пор не могу приучить детей стоять со мной рядом на молитве: то, как они это делают, вертя руками или приседая на пятки, выглядит так неблагопристойно, что я поскорей загоняю их в постель. Оттуда они читают по моей просьбе некоторые молитвы из вечернего правила. Старший знает все, что я читаю вечером, а с младшим мучаюсь, сбиваясь и в «Отче наш», и в «Богородице дево, радуйся». Зато хорошо поем праздничные тропари и величания (на Рождество, Сретение, Пасху), воскресную молитву, и дети это очень любят. «Символ веры» тоже просто так пели-пели и, в конце концов, запомнили.

Мой старший сын, как я заметила, любит ту часть моей вечерней молитвы, которую я произношу своими словами.

— Мама, а кто это — Иоанн, Александра?

— Это мои бабушка и дедушка. Они умерли, когда я была еще школьницей.

— А воины Константин и Александр? Это кто?

— Это мои родной дядя и двоюродный дедушка. Они погибли в последнюю войну. Дядя Константин пропал без вести, ему было лет двадцать. Ты понимаешь, что это такое — пропасть без вести?

— Не понимаю...

— Это когда никто не знает, когда и где человек убит, где он похоронен. Может, его косточки так и остались поверх земли... Это грех, сынок: не знать могил своих родных, не знать дней их поминовения. Об упокоении их душ крепко молиться надо, со слезами. Вообще та война была такая страшная! 50 лет прошло, а я чем дольше живу, тем мне все горше и горше от памяти о ней. Столько мук, столько погибших, не оплаканных, не замоленных! Жалко мне их да и нас, грешных, жалко... А дядя Александр погиб в штрафных ротах, тоже не знаем, как и где.

— А что такое штрафные роты?

— А кто это — иерей Фотий?

— А кто младенец Татьяна?

— А почему ты о Варваре молишься и называешь ее несчастной?

И течет наша неспешная беседа — из одного вечера в другой, и зависит она от того, что своими чуткими ушками выхватили в моей молитве дети.

— Мой двоюродный дед был священником, настоятелем храма. Его арестовали в тридцатых

годах, и он пропал... Может быть, отца Фотия убили, а может быть, он умер, замученный голодом, побоями, болезнями. За что, спрашиваешь? О, вина его была велика: он во Христа веровал, служил Ему. За это и убили! Так было всегда, и во времена апостольские: убивали за имя Христово. По слову Господа: «Да и все, верующие в Меня, будут гонимы». А дед мой, Иван, служил у Фотия в храме дьячком. Он бежал, скрывался, переименовал фамилию. Так что фамилия, которая была у меня до папиной, не настоящая, выдуманная. А родовая-то наша фамилия вот какая — Соколовы.

И рассказываю, рассказываю — словами по-возможности проще, чтобы быть понятой ребенком.

— А младенец Татьяна — это моя родная сестра. Ей был годик, когда она умерла, это было еще до моего рождения. Она не была крещена. Молиться за некрещенных церковь не велит, но я ее очень жалею, потому и молюсь. А еще — я чувствую какую-то вину перед ней. А была раньше такой черствой, жестокой, ни одной слезиночки о ней не пролила, могилку ее в глаза не видывала. А потом вдруг начала так жалеть ее, маленькую! Стыдно мне стало, что я ее мало любила, и вот, через почти сорок лет после ее смерти, я вдруг заплакала о ней. Что же можно сделать, если человек уже умер, чтобы эта вина, эта мучительная жалость вышли из сердца? Только помолиться, и Бог облегчит тоскующее сердце.

На вопрос о «несчастной Варваре» я ответила сыну так:

— Это моя подруга. Она была больна — сошла с ума, а потом погибла в огне, сгорела. Церковь запрещает молиться за самоубийц, однако есть маленькая надежда, что это был все-таки несчастный случай. Доктора, выпуская ее из больницы, просили родных не оставлять ее одну. Вот, оставили, и сразу же случился этот пожар. Чья тут вина, чей это грех, лишь всеведущий Господь может рассудить. А суд Его праведен.

— Мама, а почему нельзя молиться за самоубийц?

— Самоубийство — страшный грех. Любой грех Господь волен простить человеку, если он сумеет от сердца покаяться в нем. Если безропотно снесет все Божие наказание за тяжкий грех свой. Самоубийца же покаяться не может, поскольку жизнь для него уже кончилась. А после такой страшной смерти — лишь расплата, воздаяние, конец.

— Мама, а Мария со чадом — это кто?

— Твоя учительница.

— А ты, что ли, и за нее молишься?

— Конечно. Она добрая и столько для тебя хорошего сделала. Я ее очень люблю. А кого любишь, за того молись обязательно. Это и есть любовь. Мне хочется сделать что-нибудь доброе твоей учительнице, чтобы не чувствовать себя должной. А что я могу? Только помолиться о ней и о ребенке ее. Вот я и молюсь о них, каждый вечер.

— А о моих воспитательницах молишься? — спросил сонный Ваня.

— А как же! И о них молюсь, и о нянечке твоей, и о логопедке, с которой занимаешься.

— А зачем?

— Апостол Павел учил: Носите тяготы друг друга. Вас, непосед, учить не так-то просто, я

думаю. Вот я и хочу, чтобы моя молитва хоть немного вашим наставникам помогла, если не в их служении, так в житейских тяготах. А потом какое это счастье, когда о нас кто-то молится! Бог все молитвы слышит, и они возвращаются к нам благом. И вы не забывайте о своих учителях молиться. За всякое добро нужно стараться отплатить добром. А если кто-то из ваших наставников и зол с вами, все равно молитесь о нем. Дется от такого человека некуда, раз уж он попался вам в жизни. Надо его перетерпеть год-два-три. Помолитесь о нем, и Бог защитит вас от злобы такого человека.

Позднее всего старший сын расслышал и уразумел группу имен, произносимых в конце моей вечерней молитвы.

— Мама, а ты что, и за священников наших молишься?

— Да как же за них не молиться! Ты подумай, какая через них нам радость дается Богом! Священники в церкви отпускают нам грехи, подают совет, допускают нас, грешных, до причастия. Из их рук мы приобщаемся Тела и Крови Христовой. Ведь никто, кроме них, это сделать не может. А на церковь нашу посмотри! Ты вот ее не помнишь ободранной да почерневшей, а я хорошо помню. Какая теперь в храме нашем красота! Ты, Митенька, в других церквях почти не бывал, а я тебе так скажу: чище, чем в нашей церкви, нигде нет. Беленькая вся, ухоженная, красавица ненаглядная! Зайдешь в нее — сердце отдыхает в молитве, глядеть вокруг радостно. Как же за такое счастье не благодарить! Им, священникам, и всем, кто в храме нашем служит, сил много для их служения надобно, оно ведь очень трудное. Вот я о них и молюсь. И ты молись!

Память детская короткая. Сказала: «Помолитесь», — детки помолились, а на следующий день и не помнят об этом. Ну, ничего: придется к слову — напомним и раз, и два, и три... Вспомнится когда-нибудь все, и, даст Бог, будут исполнять то, чему их учила. Лишь бы молитвы детей не прекращались, хоть помалу, хоть какой-то молитвенный опыт прибывал бы и прибывал в них. Господь всему научит. Я-то, грешная, такая неумелая да неловкая, а Бог деток моих не оставит, соблюдет их в Себе.

Вот и пришла пора главной моей молитве. Она у меня одна: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, даруй детям моим и мужу моему веру, соделай их участниками Царствия Небесного, не отвергни их, немощных, соблюди в Себе. Прости меня, грешную мать. Грехи мои прости в детях моих». Об этой молитве ребята никогда меня и не спрашивают, верно, думают, что я ее выучила по молитвеннику. Твержу ее многократно в течение дня, потому что не знаю более важного молитвенного прошения, возносимого мною, матерью и женой, к Богу.

Молитва за детей, материнская молитва должна быть крепкой — на века! Недаром в старину русские люди говорили: «Материнская молитва со дна моря достанет». И достает! Я это чувствую по себе, а иначе откуда в нас, советских людях, неумершее зерно веры? Я ощущаю его не как вновь насажденное, а как бывшее во мне от рождения. Кто молился обо мне, еще не рожденной, в каких страданиях и мучениях? Кто совершил подвиг, распахнув дверь перед стучащим в нее Господом, голодным, нагим, изнемогающим от ран? За чью добродетель и долготерпение вознаграждена я от Господа начатком веры в Него? О, сколь сладок плод в наследниках тех, кто надеялся, верил, любил, кто молился Христу! Все это я ощущаю как благодарность к тем, кто своей жизнью сделал для меня возможной молитву с верой к Богу.

Живых, с которыми соединена кровно, и умерших, всех, чьи имена сумела узнать, вспоминаю в вечерней молитве с признательностью и благодарностью. Причем с ее началом стала меняться моя душа — все они как бы приблизились ко мне, стали понятнее их боли и невзгоды. Молитва врачует, и вот оставило сердце «окамененное нечувствие», которое, оказывается, так сдавило

его. Всех умерших перебрала в своей памяти, всех пожалела и, наконец, оплакала. И «несчастную Веру», о которой не могла думать без отвращения (бесноватая, сошла с ума от страсти к недостойному человеку!), с началом молитв о ней смогла пожалеть от всего сердца. Все, что любимо Богом, должно быть любимо и нами.

Грех нелюбви к какому-то конкретному человеку можно исправить и после его смерти, и это не поздно, если иметь в виду искреннее раскаяние, поэтому мне очень жаль тех христиан, которые с воинственностью отrekliсь от молитвы за умерших.

Я много читала об истинно христианском отношении к смерти. О том, с какой радостью христиане апостольских и последовавших за ним времен встречали смерть святых, воссоединившихся в другой жизни со Христом. «Не плакать, а молиться надо за умерших», — призывают многие духовные авторы. Иногда говорят и о прямом вреде слез для их сорокадневных мытарств и восхождения. Однако мне хотелось бы привести и пример другого рода.

Вот поэт Жуковский. Многое в его наследии может быть представлено как образец отношения истинного христианина к смерти родных и близких. Создается такое впечатление, будто он о них никогда и не плакал, а только светло и нежно радовался их переходу в мир иной. Жуковский любил всматриваться в лица умерших людей и по их выражению разгадывать некую великую тайну.

Так он смотрел на Пушкина: «Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти». А вот его «Воспоминание», дышащее не обыкновенным покоем:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Казалось бы — какое светлое христианское чувство! Однако есть в нем что-то излишне легкое и чего-то в нем не хватает... Не слез ли?

Вот эта недостаточность скорби об ушедших из жизни людях отомстила поэту жестоко. Смерть научила его уважать себя, но — на смертном одре. Он сильно мучился именно страхом смерти, боялся ее и горько плакал. Так свидетельствовал о смерти Жуковского его духовник, бывший при нем в течение этого времени.

К чему я это пишу? К чему оправдываю слезы, которые так часто не соединены с молитвой? Мое поколение в силу условий, которые его сформировали, многое «пропустило» в своей жизни. Огромен помяник тех, кто ушли от нас неоплаканными и незамоленными. Молиться за них нас не учили. Надо это восполнить и всех, отдаленных уже десятилетиями, оплакать и молить Бога простить им и нам, детям их, все множество грехов наших.

Я наследница всего, что сделано моими родителями, дедами и прадедами, и дети мои также унаследуют мое, как и я свое взяла упреждающих десятилетий и веков. Поэтому и молиться о них, детях, нужно матерям крепко, горячо, со дерзновением. Не пропадет у Бога, не забудется материнская молитва. Вот мы, казалось бы, с такой любовью всматриваемся в родные черты, но Бог, сотворивший неповторимость драгоценных черт, любит это лицо неизмеримо громаднее, нежели мы. И этот душевный склад, когда человеку даровано единственным образом, не похожим ни на кого другого, любить, верить, молиться, Он знает и

любит сильнее немогущей, грешной матери. Однако и эту любовь, материнскую любовь, надо в себе умножать и не давать ей иссякнуть! Уж, казалось бы, куда больше? Но эта аксиома («Мать любит дитя свое») мнимая, потому что и она, любовь эта, куда-то исчезает, когда усаживается мать перед телевизором, отправляет детей в садик или на улицу погулять. И у этой любви также есть вспышки, затухания, приливы и отливы... Но так не должно быть! Если уж мать перестает молиться о своих детях, кто будет это делать? Материнская молитва о детях учит любить их, и нельзя отдавать себя разного рода развлечениям, вроде телевизора да легкого чтива. Детей жалко...

Куда бы ни отправлялись мои дети — в школу ли, на прогулку или к соседскому мальчику в гости, я обязательно благословляю их с краткой молитвой. Старший и сам уже привык перед выходом за порог креститься на иконку, висящую в прихожей.

Про себя я думаю: «Невозможно всюду сопровождать детей. Да и какие они вырастут, привязанные к материнской юбке? Сильный защищает себя сам, а слабого — Бог. Крест Христов оградит их от лютого человека, от неосторожности на улице, от похабной картинки, которую протянет им приятель, вытащив из кармана, от дружеской драчки, когда детей порой так жестоко бьют. Меня рядом с ними не будет, а Господь крестом Своим защитит их от зла. Царица Небесная сокровит их под Своим покровом. Это моя непостыдная надежда. Потому и благословляю их перед выходом за родной порог».

А как нужно детям благословение матери перед сном! Чтоб дурные сны не снились, чтоб нечисть ночная бессильна оказалась в своем желании поиграть невинной детской душой...

Глава 5. Наши Праздники

Праздновать с Церковью праздники — дело чрезвычайно сложное. Может быть, более сложное, чем жить ее буднями. Как их праздновать? Перечитала я много книжек, удивительно красочно повествующих о праздничной церковной жизни старой России. Ну что мне из них взять? То, что на Рождество я должна вытащить из чулана (то бишь стенного шкафа) ковер белый, с голубыми розами, а на Пасху пунцовый? Еще и занавеси сменить к Рождеству, повесив беленькие, с голубыми узорами... И не перепутать бы сервизы — на Рождество с голубенькими цветочками, а на Пасху с красивыми яркими розами, самый роскошный! И вот еще что: сочиво (кутью) в рождественский сочельник вынести в сени и поставить на солому...

Гм-м... У нас все, слава Богу, поскромнее. Ковров запасных не имеем. Шторы одни и те же в будни и праздники. Сервизов полтора, правда, тот, который целехонек, с голубыми цветочками, я вообще никогда не достаю из серванта, дабы не располовинить. Кутью готовлю с изюмом и каждое Рождество, вздохнув над новой нераспечатанной (ну как на зло!) баночкой меда, вздохнув, кладу ее на место с неизменной думой: «Вот заболает, не дай Бог, кто-нибудь, тогда и открою». Мой старший сын недавно блеснул остроумием:

— Мама, а разве бывает мед нелечебный?

— Бывает, — сухо ответила я.

А какой это? — удивился он. Разговор этот я замяла и сама припомнила недавно прочитанные мной воспоминания Е. Рачинской: у них под лестницей в доме всегда стояла бочка меда...

Итак, то, что рассказывается в старых книжках о церковных праздниках в России, нам явно не подходит. Именно поэтому в обустройстве наших домашних небудничных дней я решила рассчитывать только на свой здравый смысл и выдумку. В самом деле, что создает праздник в

доме? Отбросив в сторону ковры, сервизы и солому в сенях, остаемся при трех составляющих праздник компонентах: небудничная одежда, вкусная еда и праздное препровождение времени. Вот это и есть праздник в кругу семьи. А раз так, то кто, кроме хозяйки, жены и матери, может его устроить? Кто переоденет в чистое, нарядное или даже новое детей? Кто настойчиво попросит своих домашних переменить будничную домашнюю одежду на более приличную? Кто догадается с утра на весь день постелить нарядную скатерть на обычный пластиковый кухонный стол, который как будто в этом и не нуждается? Наконец, от чьей праздности придет в семью не занятое разными домашними заботами, по-настоящему праздничное времяпрепровождение? Конечно же, только от одного существа в доме — от хозяйки, жены и матери, и более ни от кого! Сознание, что от меня целиком и полностью зависит завтрашний праздник, как правило, удесятряет мои силы, когда, казалось бы, нужно совершить невозможное, перевернув грудку домашних дел.

Торопиться в этот день мне есть куда: нужно хотя бы ненадолго сбегать с детками в церковь, успев к помазанию на всенощной, а потом быстренько вернуться домой, чтобы накормить всех ужином и чтобы никто, придя со службы, не мучился голодом в ожидании хозяйки. Я не могу себе позволить, чтобы кто-то сказал, порицая мою Церковь: «Вот, все побросала, убежала в церковь!...» Я ничего не бросаю в доме и кормлю свою семью из собственных рук.

Я была страшно рада, откопав в далеком словаре чудненькую поговорку из старой русской жизни: «Или к обедне идти, или обрядню вести». Значит, и в те времена у женщин существовала та же проблема, что и у меня: посещения церкви в праздник (всенощная, обедня) требуют «тесноты» хозяйственной жизни, ее сдвигов и изменений, внутреннего напряжения. В предпраздничные дни нужно очень разумно расставить свои домашние дела, чтобы закончить их накануне хотя бы часов в пять. Это трудно, и я с годами все с большим уважением и даже завистью всматриваюсь в сильных женщин «некрасовского» типа. Впрочем, к своей физической слабости я все-таки сумела приспособиться, поставив перед собой цель: моя семья не должна страдать оттого, что я не в состоянии много и напряженно трудиться. Впрочем, у меня есть критерий или, правильнее, планка, выше которой я стараюсь не подпрыгивать: если муж доволен, значит, у меня в доме все в порядке. А что сверх того — то от лукавого. Свои силы я тщательно экономлю, «размазывая» домашние дела, которые можно сделать за один день, на полтора или даже два. Стараюсь, чтобы два или три трудоемких дела не оказались втиснутыми в один день. Если меня спросить, ради кого я это делаю, я отвечу не задумываясь: не ради себя, не ради своей лени, но ради детей. Посмотрите на многих женщин, у которых ухоженный дом и обеды просто чудо гастрономического искусства. Они убиваются на службе, в магазинах, на кухне, в ванной над корытом. Все у них хорошо, вот только с собственными детьми не о чем разговаривать. А почему? Да потому, что нет ничего проще (да, да!) тяжелой домашней работы: ушла на кухню или в ванную и паши там на здоровье, считая, что ты на совесть исполняешь свой семейный долг. Самая трудная домашняя работа — это общение с детьми. Я это поняла давно и, заметив за собой, что, устав, прихожу к детям раздраженной и злой, стала себя лелеять и холить. Все хорошо в меру, и раз уж мне не дано быть суперхозяйкой, лучше подсокращу кое-какие домашние дела, но зато приду к детям в комнату веселой и довольной жизнью.

Когда-то в роддоме, где я произвела на свет своего второго сына, я услышала от одной женщины такие поучительные слова: «Слава Богу, есть у меня теперь дочка, которая только мне и нужна была. Вот у меня семилетний сын. Мне уже сейчас не о чем с ним разговаривать. У папы есть общие темы для разговоров с сыном, а у меня нет. А что будет, когда он вырастет?» Эти слова меня озадачили, и, несмотря на то, что одному моему мальчику было тогда три года, а другому три дня, я решила, что уже сейчас мне надо закладывать основы нашего будущего общения. Надо научиться рассказывать друг другу о своей жизни — я им, а

они мне — о себе. О чем же с мальчишками говорить? На том раннем этапе я стала внедрять в нашу жизнь такую тематику. Со старшим Митей говорила о маленьком Ване, рассказывала ему различные поступки малыша, его смешные словечки. При огорчающем меня недостатке любви старшего к маленькому старалась это исправить так. Рассказывала Мите что-нибудь из жизни Ванечки, присовокупляя к этому свой любимый рефрен как некий неопровержимый вывод: «Посмотри, как он тебя любит!»

Вообще смешливость моих детей я в этом нашем общении стараюсь использовать на всю катушку, и дети ужасно любят слушать веселые истории из моей жизни, вроде этой: «Выхожу я, ребята, из метро и вижу за стеклом в ларьке какого-то странного вида мясо. Читаю на ценнике: «Копченые коты» и думаю: «Боже мой, уже котов коптят и продают». Снова вглядываюсь и наконец читаю правильно: «Копченые кости»». Такие рассказы, как правило, я повторяю по многочисленным просьбам трудящихся раз двадцать и в ответ слышу от детей подобные же смешные случаи. Причем маленький рассказывает намного больше, чем старший. Уж не потому ли, что я потеряла первые три года его жизни, когда лишь наставляла да развивала сына?

Да, простое, неторопливое общение с детьми — вот что им нужнее всего! Но где среди хозяйственных хлопот взять для этого время? Я внимательно приглядывалась в книжках о старой русской жизни к тому, как велось хозяйство в семьях различных сословий, и пришла вот к какому выводу: труднее, чем жилось еще недавно и живет нынче русской женщине, похоже, никому не было. Когда в семье нет бабушки, но есть маленькие детки, то ноша на женских плечах оказывается почти невыносимая. Причем самое тяжелое, что с детьми носишься сама без передыху — с утра и до вечера. Да я все дела в доме переделаю, приготовлю и постираю, что нужно, только посидите вы с моими детьми хоть пару часиков, чтобы не путались они в это время под ногами, не выхватывали из-под ножа сырую картошку, не брызгались водой в ванной и не вопили при этом истошным голосом! Да, русские крестьянки таскали своих детей на пожню, где работали. Это мы знаем из трогательного стихотворения Некрасова. Но в больших крестьянских семьях такой необходимости не было: малыши оставались дома под присмотром бабушки да дедушки или старших детей. Практически у всех были в старину няни! У жен квалифицированных рабочих и зажиточных крестьян, у мещанок и чиновниц, уж я не говорю о дворянках и купчихах — словом, у всех! Потому что это совершенно несовместимые дела — ведение хозяйства и уход за маленькими детьми. А вот мы, современные женщины, это совместили! А итог? Нервы наши напрягаются до предела, потому что параллельно с хозяйственными хлопотами идет так называемое общение с детьми: уговоры и разговоры, плач и капризы, объяснения и угрозы, шлепки и поцелуи — все вперемешку. Страдают от этого больше всего, конечно же, дети: им не хватает уравновешенной, спокойной, любящей мамы. Что же делать? Нанимать няню? Где уж нам за буржуями тянуться... Выписывать бабушку? А в квартире и так тесновато. Значит, остается только терпеть, крутись как белка в колесе.

В этот страшный городской омут когда-то попали из деревень наши матери (1940— 50-е годы). Их никто в деревнях не воспитывал: незачем было, поскольку труд и участие в общих семейных заботах сами формировали человека трудолюбивым и достаточно уравновешенным. Обосновавшись в городах, наши матери отдались привычному и любимому ими труду (производство, домашняя работа), не особенно вглядываясь в то, какими растут их дети. Они следовали тому, что видели сами в детстве: главное работать на совесть, принося в дом трудовую копейку, да накормить всех, да обстирать, да обшить. Все сделали и себя не жалели, а вот что же с детьми-то случилось? Просчитались наши матушки в одном: «в городе» дети сами собой хорошими не растут, нет у них здесь естественной трудовой и природной почвы. В городе вроде как жить легче и интереснее, но воспитывать детей намного сложнее, потому что

это надо делать непосредственно рядом с собой, в постоянном общении и близости с ними. Так что куда ни кинь, а ноша городской мамы ох как тяжела, и вроде бы оправдано ее стремление в качестве поощрения за труды праведные усесться перед телевизором да посмотреть парочку-другую серий какого-нибудь фильма, только вот не проглядеть бы за этим своих детей! Ведь по сравнению со своими матерями мы уже и не так трудолюбивы, и не так терпеливы, и не так добры...

Все мы какие-то ныне нервные! Грубость, которая царит в общении современных матерей со своими детьми, просто поразительна. От слов, употребляемых иной приличной с виду мамашей, оторопь берет: «ты меня заколебал», «не ори», «олух», «заткнись», «кретин». Забыты старые ласковые словечки, обращенные к деткам: ангел мой, голубчик, голубушка, душенька. В вологодских деревнях старушки и по сей день так мило обращаются к совсем маленьким ребятам: матушка, батюшка. Какая красота! Жаль, что такая манера общения с детьми как будто совсем ушла из жизни, зато прочно утвердилась в ней ведьмоватая Мери Поппинс, насмешница и грубиянка. Зачем-то в юмористическом ключе подается в детских книжках, наиболее часто читаемых ныне, вековая проблема отцов и детей, вывернутая наизнанку как якобы изначально присущее взрослым непонимание такого особого, такого не похожего на них «мира детства». Сентиментальное закатывание глазок по этому поводу по сути своей очень поверхностно, и вот странная картина открывается глазам моим: семилетний ребенок, шалун и непоседа, сидит и слушает «Маленького принца» Экзюпери, доверчиво вбирая в себя мысль о какой-то своей детской непонятости этими ужасными взрослыми. По моим наблюдениям дети, которые благополучны в своем общении с родителями, не сочувствуют такого рода комплинтам в адрес «чудесного мира детства» и спокойно, не сопереживая, минуют эти страницы. Они их просто не понимают.

Впрочем, разговор о детских книжках и вообще о чтении детям чрезвычайно сложен и может увести нас далеко от церковных праздников, о которых я хотела рассказать. Да и упомянула я об этом потому, что подготовка к праздникам, весьма хлопотливая в хозяйственном отношении, не снимает самой главной материнской обязанности: любовно и терпеливо говорить со своими детьми, замечая и подмечая за ними все.

Вот священник А. Ельчанинов воспроизводит в своем дневнике разговор с Х., который имеет некоторое отношение к предпраздничным дням:

— Я никогда не видел прислугу в таком раздраженном состоянии, как в последние дни Страстной недели. Очевидно, пост очень дурно действует на нервы.

Ответ.

— Вы совершенно правы; но пост есть дело совершенно внешнее, техническое, подсобное и, если оно не сопровождается молитвой, усиленной духовной жизнью, то дает только повышенное раздраженное состояние. Естественно, что прислуга, которая постилась всерьез, и которую заставляли на Страстной усиленно работать, не пуская в церковь, злилась и раздражалась.

Вот я и есть та самая «прислуга», которой на Страстной приходится очень много работать! Есть обо мне трогательные слова и в другой книжке — о воспоминаниях о московском священнике Сергии Фуделе, написанных его сыном. В одной из газеток, издававшихся им в своем приходе, было помещено объявление, в котором настоятель призвал своих прихожан дать возможность прислуге поговеть постом. «Больно слышать на исповедях, — писал священник, — о том, что люди многие годы не говели, потому что хозяева не пускают их в церковь». Прочитав это, я вздохнула: «Про меня бы кто написал такое».

Каждый пост (в особенности Великий) знаменует для меня генеральную уборку дома, которую я старательно растягиваю на всю его длину (вот это, кстати, я с удовольствием взяла себе на заметку из книжек о старой России). В Великий Четверток обязательно веду детей к причастию, службу в Великую Пятницу пропускаю и лишь во второй половине дня привожу детей поклониться плащанице. Великую Субботу провожу на кухне у плиты, и лишь часам к трем мы с детьми выбираемся в церковь святить куличи и яйца. Детям это нравится ужасно! Они с удовольствием разглядывают то, что принесли другие, еще раз любуются плащаницей, наблюдают, как служительницы украшают перед праздником храм. Причем я в очередной раз, в одиночку (дети почему-то не разделяют этих моих чувств) восхищаюсь вышивкой на тех полотенцах, которыми в этот день украшены иконы.

А дальше? Утро начинается с поцелуев и радостных приветствий: «Христос воскрес!»». На столе лежат пасхальные подарочки, на стульях — праздничная одежда, а на кухне... То, что вчера мама ни за что не дала попробовать! На красивой скатерти расставлены тарелки с пасхальной едой. Это, конечно, не то изобилие, которое описывал Шмелев в «Лете Господнем». Но что уж нам за тем баснословным богатством тянуться! Для детей праздничной является та еда, которую они не едят в будни: крашеные яйца, куличи и, скажем, немного ветчины — этого вполне достаточно для праздничного завтрака. Для старшего сына это и разговены, поскольку Страстная неделя — единственная постная в его жизни: на это я выпросила у себя дома разрешение. Больше он никогда не постится — запрещено отцом. Перед тем как приняться за еду, поем с детьми пасхальный тропарь — столько раз, сколько захочется.

В праздник я ничего, кроме разогревания еды и мытья посуды, не делаю и вся в распоряжении своих домашних. Что хотите, то и делайте со мной. В шахматы? Хорошо, будем играть в шахматы. Включить проигрыватель? Давай! Сделать аппликацию? Пожалуйста. А гулять — куда хотите? В парк? На залив? В лес?

Это большой праздник. Но есть в году праздники и поменьше — те, радость которых не вполне понятна людям нецерковным. Например, Никола — зимний и летний, Петр и Павел, храмовые престольные праздники... Как их праздновать, если они зачастую посереде недели и представляют собой дни будничные, рабочие? И праздновать их как-то не хочется людям нецерковным... Однако и этонежелание можно обернуть его противоположностью. Каким образом? Да самым простым и естественным для женщины: взять да и напечь пирогов! Кто решится в ответ на это хмуро проворчать:

— Что еще за праздник выдумала! Знать его не желаю!

Наоборот — услышав еще с порога пирожные запахи, усталый человек радостно удивится:

— У, да у нас пирогами пахнет! А какой завтра праздник?

И вот тут я торжественно объявляю что-нибудь вроде следующего:

— Сретение Господне!

— Ну хорошо, — слышу я в ответ, — значит, будем праздновать Сретение.

И вот мы всей семьей вступили в церковный годовой круг, и мы все уже не чужие Церкви Христовой. Во имя этого я и пол перед праздником мыла, и еду повкуснее готовила. Воцерковление семьи — вот то, чего больше всего жаждет сердце мое.

Перед сном мы с детьми выясняем важный вопрос:

— Митя, ты завтра куда — в церковь с нами или в школу?

— Мамочка, я бы хотел в школу...

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

С детсадовцем Ванечкой дело покамест обстоит проще, но я, предвидя будущие трудности, уже сейчас частенько нашептываю маленькому:

— Ванечка, хоть ты-то меня не бросай. Вырастешь и ты, будешь не в церковь ходить по праздникам, а в школу. А мне одной, знаешь, как скучно без вас в храме!

— Я тебя никогда не брошу, — шепчет мне в ответ Ванюшка. — Я всегда с тобой по праздникам в церковь ходить буду». Не знаю, так ли будет или иначе, но завтра-то мой младшенький пойдет со мной в церковь встретить радостный праздник.

Глава 6. О послушании жены верующей мужу неверующему

Последнее время много я думала о послушании, и связались мои мысли в такой веночек. Вот жена верующая и муж неверующий. Идет женщина по своему духовному поприщу, и мысли ее дwoятся. Уставов церковных она не исполняет — ни в отношении себя, ни в отношении супруга, ни в отношении детей (муж не позволяет). Да и возможно ли их исполнить? Вся надежда на милость Божию. Но вот перед глазами ее две-три благополучные христианские семьи, они для нее — как живой упрек: у нее-то все не так, как надо бы! На исповеди глаза разбегаются у женщины на свои грехи: что грех, а что не грех в жизни, далекой от уставной христианской? Идут годы, а в ней все крепнет комплекс какой-то вины: не сознание своей греховности, а будто бы она кому-то что-то должна. Не Богу, нет, а людям, — может быть, батюшке в церкви, а может быть, прихожанам, с которыми встречается она в храме. Душевная подавленность, постоянное неудовлетворение своей жизнью не приближают к Царствию Небесному, поскольку творит все это фарисейская закваска, цепляющая границы того, что доступно самому поверхностному взгляду.

Что ей делать? Муж не верует, не дает ей жить так, как ей хотелось бы. Слава Богу, если встретится священник, который подбодрит такую женщину и поможет ей сфокусировать взгляд на собственную душу, показав, где главное, а где мелочи. Хуже, если будут ей говорить:

— Что ж вы хотите? Муж в Бога не верует, в церковь не ходит, какое может быть добро? А вы поступайте так, как учит вас Церковь. Муж разрешает? А вы что, и на Страшном Суде Богу на мужа будете кивать? Кто главнее — Бог или муж?

Женщина опустит голову ниже и замолчит. А что тут скажешь? Только вот она-то ощутит то, что батюшка, сказавший такие правильные слова, не почувствует: страшный камень, похожий на могильную плиту, положен ну хрупкие плечи жены, матери. Согнется под ним бедняжка, и если не облегчит Господь эту ношу, погибнет, задавленная неподъемной тяжестью.

А в самом деле: кто главнее — Бог или муж? Не вопрос, а богохульство какое-то! Ответ нам все-таки известен: «Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом ...» Все мы рабы Божии. Что же из этого следует? Что нам позволено в горячке своей веры искромсать жизни данных нам Богом людей, ввергнув их своими поступками в пучину хулы и противления всем заповедям Его? Нет на это воли Божией, потому что Он не желает смерти ни единого из детей Своих.

Что же тебе делать, сестра моя? Попробую я ответить на этот вопрос. Вот тот путь, который

дал тебе Господь во спасение: ты должна слушаться своего мужа. Вне послушания спасения души не бывает. Послушание — это универсальный, воистину золотой ключик, открывающий едва ли не все двери на духовном поприще, которым следует человек, и взаимоотношения неверующего мужа и верующей жены не составляют исключения. Послушание жены-христианки мужу — вот первое условие ее успехов в духовной жизни. А ты слушаешься ли его, сестра моя? Если да, то подними повыше свою голову! Не думай, что нет тебя хуже, раз муж твой, в отличие от мужа подружки твоей, не верует в Бога и в Церковь не ходит. Если ты и хуже ее, то совсем по другой причине. Твои грехи — они твои, плачь, сокрушайся о них, но знай о своей беде: никому ты не задолжала — кроме Бога и вверенных Им тебе чад, у которых из даров Божиих и малого ты отнять не имеешь права, потому что они, дары эти, не тобой им даны.

И первый дар от Бога твоей семье — ты сама. Любовь Господа к детям Своим, верующим и неверующим, столь огромна, что сколь ни была бы самоотвержена, как бы не любила свою семью женщина, она не может воздать мужу и детям так, как от нее ожидает Господь. В этом осознании — источник глубочайшего покаяния, сокрушения и возможность безграничного самосовершенствования для женщины, жены и матери. Идя по этому пути сбиться почти невозможно, и иго Христово будет на нем легко и радостно. Наша любовь к мужу и детям несовершенна, она постыдно мала. Так люби же их сильнее, сестра моя, и не стыдись любви своей. Если ты будешь держать перед глазами высочайший образец (любовь Господа Иисуса Христа к чадам Своим), то грехи твои, связанные с отступлениями от уставов церковных, Господь покроет и простит тебя. Простит за любовь во имя Его...

При этом нужно помнить: если свои отступления от чистого учения о спасении души, которое преподает Церковь, ты оправдываешь простой отмашкой руки: «А! Господь милостив, и так простит меня», то это очень опасный путь. И слушаясь мужа, можно погубить свою душу. В своих неверующих домашних нужно видеть образ Божий и благоговеть перед ним. На этом пути предела послушанию почти нет — есть только возможность «гасить» на себе грехи своей семьи, распинаясь за нее каждый день. И вот еще что: посмотри внимательно, сестра моя, на десять заповедей Божиих, перечти их! Ведь слушаясь мужа, ни одну из них ты не нарушаешь: стараешься любить Бога всем сердцем и только Ему молиться, благоговеешь перед именем Его, радуешься воскресному дню, почитаешь не только своих родителей, но и мужа, не убиваешь, не прелюбодействуешь, не лжешь и не завидуешь. А раз так, то что же может воспрепятствовать тебе быть послушной женой своего неверующего мужа?

Вот конкретный человек и вполне конкретная, единственный раз данная ему жизнь. Этот человек не верует, но Господь сказочно одарил его. Огромное счастье быть отцом своих детей, так какую же совесть мне нужно иметь, чтобы последовать совету молодого, очень молодого батюшки:

— Вы христианка, и обязаны воспитывать своих детей как христиан. Сейчас пост? Значит, и дети ваши должны поститься. Постарайтесь объяснить это своему мужу!

Получается, что я должна ему сказать буквально следующее:

— Видел ли ты наших детей? Хорошо посмотрел на них? А теперь отойди в сторонку, да смотри мне не перечь! Я буду их воспитывать сообразно со своими убеждениями, а ты полюбуйся, как это у меня получится.

Но я не могу произнести подобных слов!!! Это же огромное счастье — быть отцом и воспитывать собственных детей! Дети — это дар Божий, и не только мне, не могу я покуситься на него, совесть не позволяет. Не отниму ни единой из щедрот, которыми осыпал моего мужа

Бог, встану справа и, не вылезая на передний план, буду подправлять, осторожно наставляя с молитвой своих детей, но не оттолкну, не оскорблю за неверие, не опорочу в глазах детей их отца. Нельзя наказывать человека за его неверие — это может сделать лишь долготерпеливый Господь, а Его милостью надо дорожить как святыней.

Есть у неверующего мужа и еще один дар от Бога — любовь жены. Если что-то здесь отнять, то кто же восполнит это? Господь хочет, чтобы и этот сын Его был счастлив, потому что единственным оправданием брака является любовь супругов и их взаимное счастье. Но и эту любовь, не почитая ее совершенной, можно преумножить в себе, причем такое духовное делание угодно Богу. Как же это сделать? Вот что мне рассказала одна женщина:

«Много лет я мечтала о венчании со своим неверующим мужем, и вот, наконец, уговорила его. Хотелось мне ощутить на себе то богатство даров, которыми осыпает Господь благословенную Им супружескую пару. А после венчания сказал нам батюшка несколько слов, пронзивших мое сердце:

— Узы, которыми сегодня скрепили вы свой союз, не только для этой жизни, но и для другой, ожидаемой нами за смертным порогом.

Как молния блеснула во мне мысль:

— А ведь я жду собственной смерти с надеждой избавиться в другой жизни от своего мужа! Он для меня, христианки, как кандалы, которые не дают мне идти вперед.

Как же стыдно мне стало! Оказывается, я так мало люблю его... Прошел год в тайной, невыразимой в словах работе над своей душой, и вот однажды я сказала самой себе:

— Я готова разделить посмертную участь моего мужа — куда он, туда и я. Я не хочу с ним расставаться нигде и никогда. Я буду там, где будет он. Это не противление воле Божией: ведь я знаю, что Господь волен разделить на Страшном Судилице Своем мужа и жену, родителей и детей. Кто посмеет противиться суду Его? И я не противлюсь, но стараюсь приклонить свое сердце к готовности претерпеть страшную казнь за всю мою семью — вплоть до лютого ада.

«Держи свой ум во аде и не отчаивайся», — так научил Господь старца Силуана. Мне кажется, что эти слова приложимы не только к жизни монаха, но и к любой другой жизни».

— Значит, ты хочешь сказать, что сумела как бы возрастить в себе любовь к мужу? Но, может быть, все объясняется гораздо проще: ты просто привыкла к нему, наконец.

— Нет, это не привычка. Это совсем другое. Здесь есть дуновение Духа Святого. Мы с мужем обвенчаны, а какое из церковных таинств творится без Его участия?

— И все-таки не могу я тебе поверить до конца. Как можно увеличить в себе любовь к мужу, если ее так мало или совсем нет? Ведь не секрет, что выбирая спутника жизни, мы порой страшно ошибаемся. Над любовью вроде бы как и не властен никто.

— Я почему-то думаю, что властен. У Бога есть такая власть.

— Слушай, а может, ты много молилась?

— Ну, молилась, но я много молиться не умею. А вот насчет стыда — этого было много. Стыдно мне было оттого, что я холодной своей душой отняла у мужа целую часть его единственной жизни. Другой-то жены, надеюсь, у него не будет, а вот я такая плохая. Бог сжалился надо

мною и исправил мое сердце, добавив в него каплю любви к мужу. И я Его поблагодарила за такую милость.

Так вот оно что! Значит, не только можно, но и должно взращивать в себе любовь к мужу, и это не должно быть в связи с тем, верует он в Бога или нет. Господь учил, что солнце равным образом светит и праведным и грешным. Так и любовь жены не должна зависеть от веры-неверия супруга. Да она и не зависит! Просто время у нас в Церкви сейчас такое: мы как будто забыли то, что народ Божий знал всегда. Припоминаем-припоминаем, а вспомнить не можем. Ну, а раз так, та какая же супружеская любовь без послушания?

Сейчас о послушании жены верующей мужу неверующему говорят там, где ощущается большой духовный опыт. Молодость же, то ли пренебрегает этим, то ли боится научить своих духовных чад чему-то, якобы, противоречащему учению Христианской Церкви. Но, как говорится, исследуйте все Священное Писание: что оно говорит о жене? Только одно: жена должна быть послушна своему мужу. «Если она не ходит под рукою твоею, — писал, обращаясь к неудачливому мужу, сын Сирахов, — то отсеки ее от плоти твоей».

Весь Ветхий Завет пронизан призывами к обращению в послушание жен, но, может быть, в Новом Завете иное? Да там то же самое! Об этом многократно писал апостол Павел, который указывал, что в основе положенного от Бога неравенства жены и мужа, что собственно и оправдывает послушание первой второму, лежит разность их творения: «...он (т.е. муж — А.С.) есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа». Но может быть это имеет отношение лишь к целиком христианской семье? Да нет же, «ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим».

«Освящается» — вот какое удивительное слово сказано апостолом Павлом! Не так-то просто понять... Сколько женщин, теща свою гордыню, вообразили себе, будто они кого-то могут «освятить» своей персоной! Едва ли. А вот Господь все может освятить, приуготовляя путь ко спасению преданной ему души, послушливой и любящей. Она живет и будет жить среди неверных, которым Господь ради нее преизобильно ниспошлет Свою милость, и это будет их освящение. Церковь Православная признает святость брачного союза, а раз так, то следует прямо сказать измучившейся современной женщине, которая не знает, за что ей и хвататься в своей неверующей семье: ты должна слушаться своего мужа. Без твоего послушания добра в твоей семье не будет.

А то ведь у нас как иногда бывает? Пастырь Христов из страха потерять пришедшее в церковь чадо боится напомнить о послушании мужу.

Поэтому приободришься, голубка, и не бойся своего интуитивного желания послушаться мужа, уступив ему право распоряжаться тобой. Это не та широкая дорога своеволия, по которой, услаждая себя, идут напрямиком в ад. О нет! Это воистину «огненное искушение», здесь слезы, мука, раскаяние, страх гибели невозвратной. Это — крест, но и какой же это благодатный путь!

Послушание ради Господа Бога — нет на свете ничего проще и радостнее этого. Вот, скажем, смирение. Долгий путь нужно пройти, чтобы однажды, где-то далеко впереди замаячил перед чей-то контур, вроде бы и неясный, но внезапно узнанный тобой: так вот ты какое, смирение Христово! И тут же, едва ты угадаешь, что этой красоте имя — Господь, Он отпустит твою измученную душу на свободу. Можно всю жизнь стремиться, идя по разведанной дороге, к смирению, но не стяжать его. А вот послушание — с ним намного проще: на этот путь можно встать сейчас же, не медля ни минуты! И самое поразительное, что все у тебя может получиться с первого же раза.

Как-то зачастил к нам домой один восьмилетний мальчик с очень тяжелым характером. Родители жаловались на его непослушность, и пареньку этому частенько от них попадало. Попросту — били его, да и не шуточно. И вот однажды, заметив у него очередной синяк на лбу, я сказала ему:

— А ты попробуй стать послушным, и тебя будут меньше ругать. Это ведь страшно просто — быть послушным. Хочешь научу?

— Хочу.

— Надо привыкнуть к тому, что тебе размышлять о просьбах родителей, просто-напросто нельзя. Нельзя! — и все тут. Сказали тебе, а ты тут же встал и сделал. Медлить тоже нельзя, нужно все делать без раздумий и не откладывая. Своего рода навык, привычка. Вот ты, например, когда есть хочешь, что делаешь? Идешь тут же на кухню и берешь что-нибудь погрызть. Ты же не откладываешь это, и желудок твой не повторяет свою просьбу десять раз? Вот также и с послушанием родителям — без раздумий и не медля! Они ведь у тебя хорошие и плохому тебя не научат.

Путь послушания радостен и необременителен. Дело в том, что на этом пути дары послушливому от Господа преизобильны. Даже силы физические, которых от рождения мало, будут на этом пути умножены. Вот я иногда думаю: «О Господи! Да я буду трудиться, не покладая рук. Я не присяду отдохнуть и возражать-то никогда не буду. Я буду угадывать желания своих домашних, служа им. Только дай мне снова и снова тот мир душевный, который я знала, ту мысль благую, которую мне так интересно рассматривать со всех сторон, ту прилежную молитву, которой я молилась, бродя с пылесосом по квартире. Ты милостив ко мне, Господи, потому что я мужа слушаюсь. Я буду послушной женой, и как же много за такую малость Ты дашь мне!»

Радости послушания можно научить и детей. Ведь они должны быть послушны не только потому, что прочитана им заповедь Божия о почитании родителей. Задача состоит не в постоянном занудном напоминании о ней и не в строгости родительской, о которой многократно напоминает нам Ветхий Завет (ветхозаветные рассуждения на темы педагогики нужно очень глубоко осмыслить тем, кого они затронут за живое, чтобы добраться до запрятанной в них изюминки). Самым важным является вот что: нужно показать ребенку добрые плоды послушания. Может быть, следует однажды сказать ему так:

— Посмотри, чадо, как бы все изменилось в наших с тобой разговорах по вечерам, если бы ты вдруг стал послушным. Из уважения ко мне ты не стал бы заставлять меня повторять просьбу об элементарнейшем деле по десять раз. Вот, например, сегодня: я повторила ее многократно, и ты, наконец, сделал то, о чем я тебя просила, только после моего окрика. Но я не собака, чтобы лаять, а ты не скотина, чтобы на тебя кричать. Убрать в комнате, почистить зубы и разобрать постель можно за пятнадцать минут. Эти минуты не увеличатся и не уменьшатся от того, что ты из-за непонятных каких-то занятий отложишь свои вечерние дела до моего окрика. А что бы получилось, если бы ты сделал все сразу после первой же моей просьбы? Да одна радость: те же пятнадцать минут уйдут на приготовление ко сну, но я-то буду тебе улыбаться да шутки пошучивать, а потом, раз ты улегся вовремя, почитаю тебе перед сном на две страницы побольше. Ты с легким сердцем помолишься и заснешь радостный: я маму слушался, я ее радовал, значит, я хороший. И это будет правда. На каком же пути нам становится хорошо? Когда мы слушаемся друг друга. Вот этому доброму делу и учит нас Господь Бог.

Эти поучения можно варьировать до бесконечности применительно к различным семейным ситуациям: жена слушается мужа (а иногда и наоборот, но — без бабьей наглости!), дети —

родителей, младший — старшего, а старший — младшего, подстраиваясь его под его младенческое неразумие. И в этой работе пройдут годы, и вот однажды — как знать? — может быть, посчастливится женщине услышать из уст собственного мужа такие слова, которыми и он будет поучать малыша:

— Ты почему не послушался старшего брата? Ты должен был поступить так, как он тебе говорил. Разве ты не знаешь, что в нашей семье все друг друга слушаются?

Мир послушания во имя Господа прекрасен и трудно не покориться этой красоте. Именно поэтому жена-христианка, покоряющаяся мужу-атеисту, поступает, на мой взгляд, правильнее, чем та, которая без разрешения мужа, поплеывая на его недовольства, бегаёт да бегаёт без конца в церковь (дескать, ревность моя такова, что никто меня не остановит!) или, не считаясь со вкусами супруга, меняет нормальную современную одежду (тут я не имею ввиду уродливые мини да штаны в обтяг) на длинную юбку с бесформенной курткой, а изящные туфельки на небольшом каблучке — на какие-то тапки. Не стоит с поспешностью менять одну моду на другую. Пожалуй, правильнее будет носить ту одежду, в которой жена нравится своему мужу, и это — тоже послушание, и тоже от Бога.

Иногда я думаю, что желание быть послушной — это просто какой-то инстинкт женской христианской души. В этом меня убедила та чудачка, которая когда-то рассказывала мне о своем венчании. Вот еще один очень и очень странный рассказ:

«Недавно слушала я радио, и вот один мудрый и смелый священник сказал своим слушателям:

— В наше время найти духовного отца сложно.

Верно, но как же тогда мне, неразумной женщине, угадать волю Божию о самой себе? Вот например, нешуточный вопрос: как часто нужно причащаться? В моем сознании этот вопрос принял такую форму: почему именно в этот день, а не в другой какой-нибудь необходимо приобщиться Святым Даров? Был бы у меня духовный отец, я бы у него спросила и сделал по его совету. Но у меня его нет, и этот вопрос я вынуждена решать самостоятельно. Попробовала я, начитавшись о. Александра Шмемана (знаешь такого автора?), причащаться часто, и сама себе при этом страшно не понравилась. Какой-то суетной, несобранной оказалась я в такой ситуации. Пусть другие причащаются каждое воскресенье, а я до этого не доросла. Ну а когда же конкретно мне можно причаститься? Думала я думала об этом и решила вот что: мне нужно спрашиваться у своего мужа. Именно он должен дать мне разрешение идти к причастию».

— Ну, ты меня просто уморила! Он же у тебя не верует, он же в церковь не ходит! Какое он может иметь отношение ко всему этому, к Святым Дарам?!

— Да самое прямое. Муж ведь видит меня каждый день, он знает, хорошая я или плохая.

— И в какой же форме ты просишь у него разрешение?

— В самой простой: «Разреши мне в такой-то день причаститься, мне очень этого хочется».

— Ну, а если начинает возражать?

— Во-первых, стараюсь не обращать внимания на форму первоначального отказа (например, насмешка). Немножко (чуть-чуть) поугovarиваю и если опять встречаю тот же отказ, стараюсь тут же задавить в себе всякую обиду: значит, я не заслужила Святым Даров. Нет на то воли Божией. А вот если муж разрешил, тогда начинаю готовиться к причастию.

— А вот когда ты просто так в церковь ходишь, ты что же, у него всегда разрешения спрашиваешь?

— Почти всегда. И если по его реакции понимаю, что он бы не хотел моего исчезновения из дома, то и не иду в церковь. Раньше так было очень часто. Но теперь он привык и старается не огорчать меня. Я ведь тоже стараюсь его радовать! Долгий путь пришлось нам с ним пройти, чтобы достичь этого согласия. В моей жизни был период (года два), в течении которого я месяцами не видывала литургии целиком, а лишь ее маленький кусочек, когда приводила к причастию своих детей. Чтобы дети не возненавидели церковь, я их водила туда не часто, а сама ходила в храм лишь по воскресеньям, к вечерне послушать акафист. Если б ты знала, как я старалась заслужить разрешение пойти в церковь на эту самую коротенькую из служб, в течение которой моему мужу не было бы в тягость мое исчезновение из дома! Да я в субботу-воскресенье, когда он отдыхал после трудовой недели, по одной половице ходила! И едой я старалась ему угодить, и своим хорошим настроением, и заботой о детях... И вот вечером в воскресенье я просила отпустить меня в храм на полтора часика, а муж хмурил брови! Какие же слезы текли у меня из глаз, как я, грешница, попрекала его за невнимание ко мне! Теперь прошло то трудное время, и я благодарна своей совести, которая не позволила мне воцерковление собственной персоны обратить в неподъемную губительную тяжесть для моего мужа. Его ведь вполне можно было понять. Вот жена начала бегать в церковь — что из этого получится? Может быть, она станет для мужа некуда негодной. Но вот хуже-то не стала, а наоборот. И неверующий человек делает правильный вывод: значит, Церковь Православная плохому не учит, значит, можно ей доверять.

— А как ты думаешь, твой «метод» применим в любой семье?

— Уверена, что нет. Ты же знаешь, какой хороший у меня муж?

— Знаю.

— А сколько женщин живут рядом с пьяницами, гуляками, тунеядцами! Не знаю как в таких ситуациях можно почувствовать себя послушной женой. Не мне, неженке, учить таких горемык.

Забавное откровение! Трудно сказать, можно ли хоть что-то взять себе на вооружение в рассказе этой молодой женщины, но вот, чтохотелось бы мне подчеркнуть. Пророк Исаия, всматриваясь в чудесную даль, которая и есть нынешняя наша Церковь Христова, донес такие сказанные ему Богом слова: «Всякую гору сделаю Я путем». Вот для меня лично эта «всякая гора» и есть любая и каждая семья, в которой Господь призвал кого-то одного к святой вере. Путь к Нему пролегает на этой «всякой горе», Сам Бог заботливо проложил его, поэтому не стоит пугаться видимой крутизне пути.

Как-то прочитала я Мите с Ваней житие Алексия человека Божьего по прекрасной книжке, изданной для детей аж в Париже, и очень удивилась их неожиданной реакции:

— Мама, а почему он хороший, если он папу и маму бросил, да и невесту свою? Они так плакали, горевали о нем, почему же он хороший?

Скажу прямо: ответить тогда на эти простенькие детские вопросы я не смогла. Это заставило меня крепко задуматься и не могу сказать, что я быстро разрешила вставшую передо мною задачу. Думаю так: не то страшно, что сумел человек Божий достичь личной святости. Вера его была огромна, как и любовь к Богу, которую не смог он насадить среди своих домашних, требовавших от него своей частички любви. Странно другое — то, что, выйдя из семьи, сумел

он, как истинный гигант духа, не потерять а обрести спасение. Потому что самый естественный и простой путь ко Христу пролегает там, где Он призвал человека к Себе — среди родной семьи.

...Вот заговорила я об Алексии, человеке Божьем, и знаю, что не уйти мне от такого вопроса. Как согласовать все, что я понаписала в этой главе с такими словами Господа нашего Иисуса Христа: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Как согласовать это с моими призывами к духовным компромиссам с домочадцами? Я не знаю как. Сколько я ни вслушивалась и не вчитывалась в толкования этой должной ненависти христианина к своим родным, а все уяснить для себя в этом вопросе не смогла. У меня есть такое предположение, что понять это можно лишь опытно, но ни в коем случае ни на словах. Однако уже сейчас я уверена, что та досада, которую испытывают порой женщины на своих родных, мешающих им часто ходить в церковь, поститься как бы им хотелось, да читать длинные молитвенные правила, не имеет никакого отношения к непонятной для меня ненависти, о которой говорил Господь Своим ученикам.

— Не знаешь ли ты, где можно обрести ненависть к своей семье, если я изо всей силы стараюсь исполнить заповедь Божию о любви к ближним, а значит к своим родным? — спросила я все ту же молодую женщину, заинтересованно отложившую для разговора со мной привычную свою книжку.

— Знаешь, иногда мне кажется, что я понимаю, о какой ненависти говорил Господь. Христианская душа, так рвущаяся любить своих ближних, в какой-то момент своей жизни начинает вдруг соприкасаться со странным одиночеством, совершенно безысходным, ну, просто тупиковым. С этим одиночеством, не похожим на то, которое испытывает человек в трудной психологической ситуации, душа-христианка встретится даже в том случае, если она будет буквально купаться в любви своих родных и близких. Это немножко похоже на усталость... А впрочем — может ли душа устать любить? Если она будет стараться делать изо всех сил, казня себя за все отступления от этого пути, то, наверное, да, может. Это странное одиночество рождается из сознания, что, любя, и стремясь к совершенству, ничего-то грешная душа достичь и не может! Даже преодолеть границы, ограждающие личность ее собственного детища, она не в состоянии! Ты знаешь, какое чувство испытывала я, рождая своих детей? Страшную жалость, что они ушли от меня навсегда. Зачем? Почему я не могу быть с ними одним существом всегда? Это блаженство — иметь во чреве ребенка, когда он весь мой. Младенцев я держала на руках и думала: вот сейчас я его крепко-крепко обниму и успокоится мое сердце, потому что он снова будет только мой. Я обнимала его, смотрела в лицо, и тоска переполняла меня: нет, это не ошибка, ты не мой, ничего уже не вернешь... Вот так же и в любви ко всем-всем-всем: не сможет душа-христианка утолить мучающую ее жажду любви. Есть в любви к своим детям, мужу, родителям какой-то страшный тупик — невозможность перешагнуть к ним, туда, чтобы слиться с ними совсем, навсегда, неотрывно. Оказавшись в этом тупике, душа вдруг обнаруживает, что здесь почему-то ничегошеньки нет — ни милого мужа, ни родных детей, ни отца с матерью, никого! Тут есть лишь двое — душа-христианка и Господь, безгранично любящий ее. И вот здесь нет уже никакого предела, никакой границы, и ничто уже не отделяет их друг от друга. И уголяет Господь жаждущее любви христианское сердце так, что оно уже и не жаждет любви иной.

Видишь, как хитро я тебе ответила, постаравшись избежать этого страшного слова — ненависть. А между тем, в этом одиночестве она, несомненно, присутствует... Впрочем, не принимай все, сказанное мною, близко к сердцу. Пусть уж нас, как и встарь, учат жизни во Христе мужчины. Ведь они так хорошо знают, как материнское сердце может вдруг

возненавидеть собственных детей!

Глава 7. Дети и Апокалипсис

Однажды в деревне мы стояли с двумя моими подружками около церковного дома и беседовали на темы Апокалипсиса. Говорили мне эти женщины о признаках приближающегося конца света, о Православной Церкви, кознях экуменистов, о судьбах России и пророчествах, с ней связанных. Слушала я их, слушала, а сама все смотрела и не могла оторвать глаз от цветущего луга, расстилающегося у наших ног. Что-то не давало мне покоя в картине, открывавшейся моему взору, находясь в явном противоречии с тем, что я слышала от этих женщин. Наконец я не выдержала и сказала им:

— Посмотрите на наших детей. Как они весело играют среди цветов! Как они счастливы и какая у них жажда жизни! Они очень хотят вырасти, все узнать, увидеть, испытать. А раз так — значит мир по-прежнему прекрасен. Также прекрасен, как и во времена, когда жили дети Адама и Евы. Ничуть не меньше.

Осеклись мои подружки и с каким-то сожалением посмотрели на меня, неразумную. Больше на темы Апокалипсиса мы не говорили.

Дети — это то в мире, что целит меня и примиряет с окружающей действительностью. Когда уж чересчур бранят время, в котором мы живем, я как-то даже обижаюсь за него. Я заметила, что и дети таких пессимистических разговоров не выносят. В детях Богом заложено огромное желание жить, выражающееся в их стремлении к тем милостям, которые рассыпаны щедрою рукой на предлежащем им пути. Я не хочу быть понятой так, будто на глазах у меня розовые очки. Смею надеяться, что их нет. Но я люблю время, в котором живу, потому что именно сейчас, здесь, Господь любит меня, помнит, знает. Другой возможности знать милость Его у меня, грешницы не будет. Этому стремлению вперед, к жизни, я учусь у детей. Какое это счастье — ходить по земле живых пред Лицом Бога!

Дети научили меня любить жизнь. В молодости я не раз пыталась покончить с собой. Один мой приятель, также несостоявшийся самоубийца, выпущенный после лечения от депрессии из психушки, однажды решил расспросить меня о том, что я думаю о жизни. Поговорили мы, и он ужаснулся:

— Не понимаю я, чем ты живешь. Я, по сравнению с тобой, просто богач.

Тогда уже в душе у меня было темно и пусто, хотя попытки самоубийства, одна за другой, были еще впереди.

Я родилась странной девочкой — во мне не было стремления к замужеству, не было и желания иметь детей. Одно мне нравилось — думать о том, как устроен мир. В восемнадцать лет в Троице-Сергиевой Лавре я увидела двух монахов и подумала, что предо мною ангелы. Спустя годы, на краю гибели Бог смилостивился надо мной и дал мне желание иметь семью, а вскоре дал и мужа. Любовь к детям я родила вместе с первым сыном и была поражена богатством переживаний, нахлынувших а меня. А когда родился второй, со мной произошла странная перемена. Стоило мне взять его на руки, как я тут же начинала молиться: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе». Потом я заметила за собой, что я молюсь, глядя на лица своих детей. Я стала останавливать себя: правильно ли я делаю? Может быть, сыновья — это нечто вроде моих идолов? «Нет,» — решила я, поразмыслив. Останавливаться мне на этом пути не следует. Это самое естественное для женщины состояние: молиться от счастья Богу, глядя на лица своих детей. И теперь я знаю, что нет ничего на свете лучше двух вещей — думать о Боге и ласкать

ребенка. Та духовная сладость, которая дается при этом, одного рода. Иногда даже я думаю, что это одно и то же.

На этом пути исцелилась моя, ненавидевшая когда-то жизнь, душа. Дети взяли меня за руки и ввели в храм Божий, куда, по слову царя Давида, входят со славословием. Поэтому я люблю время, в которое все мы живем. Я сочла бы за счастье жить в самые последние времена — в канун Второго пришествия Господа Иисуса Христа. Это было бы слишком большой удачей. Я готовлю себя, да и детей своих, к долгому пути, на котором будет все: и горечь, и страдания, и одиночество, и болезни, и иссушающая душу суета, и разного рода материальные недостатки, а, может быть, и войны. Все! — но больше этого всего будет счастье знать милость Божию.

Поэтому не надо шараться от жизни, бояться ее, запирайтесь перед нею накрепко дверь своего дома. Я так люблю время, в котором имею счастье жить, что иногда даже сама себя останавливаю, пытаюсь подправить эти свои эмоциональные переживания. Открываю послания Апостола Павла, читаю в них о том, какими станут люди в последние времена, и говорю себе: «Вот видишь! Не благодумствуй!». Однако, от радости Христовой куда денешься? А время бушует за окнами трудное! Как же воспитать в нем детей христианами, любящими Господа, исполняющими Его заповеди? Я очень горюю о тех обескураженных женщинах, которые с добрыми намерениями приводят в храм своих детей, а уводят их оттуда недовольными, капризными, раздраженными, с насмешливыми и грубыми словами на устах. Я знаю, что многие матери хотели бы приучить своих детей к церкви и ходить туда вместе с ними. Но не получается у них... Почему? Разумения не хватает? Опыта? Терпения? Или любовь их к Церкви недостаточна? Думаю, что не в этом главная причина их неудачи. Не хватает этим матушкам одного — молитвы к Богу. Приохотить нынешнего ребенка к Церкви — это едва ли не чудо. Свершить его своими руками мать не в состоянии. Это может сделать лишь Господь наш Иисус Христос.

Когда я вижу мою хорошую знакомую, трудолюбивую и добрую женщину, которая со слезами на глазах уводит из храма дочь, отказавшуюся подойти к Чаше, в душе у меня рождаются такие слова: «А ты поплачь пред Господом! Ты плачь об этом громче, ты жалуйся Ему, проси у Него помощи. С вечера, перед тем, как идти в храм, помолись покрепче. Всего у Господа выпрашивай: и чтоб не поссориться вам дома с утра, и чтобы по дороге в храм Господь был с вами, и чтобы в церкви дочери твоей было хорошо, и чтобы дал ей Господь Тело и Кровь Свою, и чтобы день этот она пребывала в мире и покое, и чтобы у тебя хватило терпения на весь день, и чтобы никто из домашних не обидел ее. И целый день молись. Вот вы утром собрались в церковь и все было у вас мирно, а ты подумай, выйдя с ней за порог: «Слава Богу!» Подводишь дочку к церкви и снова — благодарение Богу, что преодолели вы этот трудный путь. Вымаливай у Господа Иисуса Христа свое дитяtko, неотступно проси, и Он не подаст тебе камень вместо хлеба». Вот это и есть единственный путь, которым входят нынешние дети в Церковь, — материнским плачем и молитвой. Кричи же, плачь о детях своих, мать Россия, пусть вопль твой не смолкает в ушах у Господа! Вымоли их, бедных, Христа ради вымоли...

Великая Заступница есть у нас пред Господом — Его Мать. Мы залили всю Россию кровью своих нерожденных детей, и как же мы поднимем глаза на лик Ее? Но молитвы о детях, которых родители хотят воспитать в любви к Ее Сыну, Богородица любит, и мы можем смело смотреть в очи Пречистой Девы, прося угодного Ей. Как радостно видеть в храме иную матушку, которая знает, куда ей надо идти с раскричавшимся младенцем: она подходит к иконе Богородицы, молится пред Ней, и дитя постепенно успокаивается на ее руках. Многие в материнской молитве объяснила мне книга о старце Силуане. Вроде бы и речи в ней о матерях и детях не идет, однако, по моему убеждению, книга эта вся, от начала до конца, о материнском сердце. В житии старца Силуана, написанном о Софронием, есть такие слова:

«Путь христианина вообще есть мученичество; и кто проходит его должным образом, с трудом решается на проповедь. Душа его полна желания видеть брата своего причастным вечного света, но страдания хочет понести лишь он сам и потому прежде всего и больше всего обращается он к молитве за мир».

Именно поэтому в материнском деле молитва должна быть огромна как море. От проповеди Христа детям нам не уйти: мы первые Его проповедники в семье. И вот мать, когда не хватает ей знания, разумения, отваги говорить детям о кресте Христовом, уходит в молитву о них. Иногда от малодушия, но чаще — от понимания, что облегчить путь человека, которого она увлекает на этот трудный путь, может лишь Господь.

Однажды в церкви я увидела молодую женщину с полуторагодовалой дочкой на руках. Женщина была одета в простую длинную одежду, а на руках у нее были намотаны четки. Заметив их, я почему-то сильно обиделась за ее девочку: «Вот,— подумала я,— Бог дал ей дитя, то есть лучшие в мире живые четки. Зачем же наматывать на руку мертвые? Перебирай ты свои живые четки да молись Богу: кормишь ли дочку, спать ли укладываешь, больна ли она, здорова. Вот дело, угодное Богу, — молиться о своем наследии, Им данным, да славить Господа». Грустно было мне смотреть, с какой неразумной жестокостью заставляла эта женщина свою дочку встать на колени перед Святой Чашей. Зачем? Любовь младенца к миру подобна любви Божией: эта девочка зла еще не видит, его для нее как будто в мире и нет. Зачем же ей стоять на коленях?

Трудно деткам в Православной церкви. Жалею я детей, на лицах которых написано, как бы им хотелось убежать из храма на улицу. Жалею крикливых, капризных, хнычущих. Детям в храме сейчас труднее всех — я убеждена в этом. Иной взрослый стоит, переминаясь с ноги на ногу: то у него голова болит, то спина, то скучно ему, то долго, то еще что-нибудь. А уж детям-то каково! Тут еще, как на беду, взрослые докучают разными строгостями. Видывала я, и как шлепки в церкви маленьким бедолагам поддают, и как по губам лупят, едва они отойдут от Чаши.

Была у нас в церкви одна суровая старуха. Так шугала ребят, что они, бывало, плакали от нее. Ребятишки же наши церковные ужас каклюбили собираться около канунного столика и ухаживать за ним. А бабушка эта все их оттуда прогоняла. Однако так бывало не всегда. Частенько в том углу стояла другая старушка, трепетно любившая детей. Иногда сделает она им замечание, а потом подойдет ко мне с извинением:

— Вы не думайте, я ваших детей не гоню. Я просто переживаю, что они курточки свои засалят, вам потом не отстираться будет.

Однажды она сделала то, на что никак не могла решиться я: вступилась за детей перед той суровой старухой.

— Что ты детей все время оговариваешь? — спросила она. — Детей в церкви гнать нельзя.

Та только огрызнулась да пошла к своим сверкающим подсвечникам.

А вот конец этой поучительной истории. В тихий неслужебный день пришла я с детьми как будто совершенно случайно в церковь. Оказалось, что очень кстати: одновременно со мной пришел туда один наш прихожанин со своими двумя детьми, приятелями Мити и Вани. Позвал он священника, жившего при храме, и началась панихида. Умерла старая Екатерина, любившая наших детей. И вот в пустом храме встали мы за спиной священника — двое взрослых и четверо детей. Стою я и слышу, что говорят между собой о покойной наши

ребятишки:

— А та бабушка была самая добрая у нас в церкви. Она нас никогда от Распятия не гнала.

И подумала я: «воистину золотое слово сказали дети. Вот она — «чаша воды для малых сих во Имя Мое». Не забудется это и на Страшном Суде».

Не гоните детей от Распятия! Как видите, такое бывает даже в церкви. Тяжелые бремена возложены на всех нас и, в особенности, на детей. Перстом одним никто не может помочь мне да и многим-многим другим понести это бремя: ни книги, ни воскресные школы (все опробовано мною) не дают результата, который бы удовлетворял меня.

О чем я говорю? О языке богослужения моей Церкви. Я хотела бы дожить до того времени, когда Русская Православная Церковь заговорит по-русски. Я молюсь об этом. Хочу, чтобы наши дети понимали не только проповеди, но чтобы им открылась красота псалмов, ветхозаветных чтений, молитвословий святых отцов, акафистов — всего богатства, которое сохранила Церковь Христова для нас. Всем трудно со славянским языком в храме, а уж детям-то! О, они будут себя вести там совсем иначе, когда услышат понятные слова!

Я завидую француженке и англичанке, которые приводят своих детей в православный храм, и они слышат там родную речь. А я чем хуже их? Чем плох родной русский язык и время, в котором мы живем пред очами Любимого Господа? Почему ими так пренебрегают? Не отталкивайте же детей от Распятия. Не спешите к своим сверкающим подсвечникам древнего благочестия. Они мертвые, а мы живые. Мы едва стоим на ногах, колени наши подкашиваются. Пожалейте нас, освободите от этого бремени! Это мой стон, и я хочу, чтобы он был услышан. У кого о ком болело в Церкви нашей сердце: кого заботили зыряне, кого — самоеды, а у меня вот — наши русские дети. Нам с ними жить да жить в Православной Церкви! [\[1\]](#)

Глава 8. Русские Матери

Священник Александр Ельчанинов где-то во Франции в далекие довоенные годы писал: «...все почти юноши унылы, мрачны, тяжелы. У всех девушек — легкость, простота, лучистость какая-то. Им все дается легче, в обращении их к христианству им легче дается сердечность этого обращения. Для юноши надо преодолеть гораздо больше — прежде всего рассудочность, самолюбие и т. д. Поэтому в будущем русском церковном обновлении женщине предстоит, верно, немалая роль...»

Пророческие слова! Вот я смотрю на тех, кто привел в храм детей. Почти исключительно это женщины — такие же молодые, как и я, или уже почтенного возраста матушки. Редко-редко можно увидеть в храме христианскую семью в полном составе: дети с отцом и матерью. В основном это все-таки мамы и бабушки.

На своем опыте я убедилась, насколько труден путь воцерковления семьи. Всей душой работаешь над этим, и не может быть момента, когда бы женщина могла сказать себе: «Вот — я все сделала, и нечего больше прибавить к этому». Какую же ношу вновь взяли на себя наши русские женщины! Опять наши женщины, трудолюбивые и верные в деле, впереди всех и, впрягшись в этот воз, потащили его. Я удивляюсь терпению русских женщин, их верному чутью на благо, готовности все претерпеть ради своих семей, их великому трудолюбию. А еще я восхищаюсь их красотой и хочу запечатлеть ее на бумаге хотя бы в портретах двух женщин, которыми я имела возможность любоваться в наших храмах.

...Юную девушку с таким современным, ничего не значащим для русских ушей именем

Кристина я заметила сразу, едва она появилась в нашей церкви. очень удивилась, заметив рядом с ней трехлетнюю девочку, как оказалось, дочку Кристины. В лице было смятение, в движениях — некая суетливость и излишняя резвость. Она с чисто юной готовностью исполняла все-все, что положено делать в церкви: крестилась, кланялась, вставала на колени. В церкви Кристина начала бывать очень часто, однако внимание на нее я обращать перестала, лишь однажды очень удивилась, рассмотрев ее взволнованное лицо в толпе причастников.

Потом я заметила ее с новорожденным ребенком на руках, сидящую в самом укромном уголке церкви. Это была для меня новость, но то, как в дальнейшем они все трое (Кристина и две ее дочери) буквально жили в церкви, явило передо мной такой сюжет, какого я и в книжках о старой России не читывала. Она причащала своих детей раза три в неделю и за миновавшие два года, в течение которых я ее видела, помню лишь один день, когда, придя в церковь, не заметила их в толпе прихожан. С новорожденным ребенком она приходила в церковь к началу службы, была ли это обедня или всенощная, и уходила в самом ее конце. Ее дети очень мало плакали и капризничали в храме, а голос самой Кристины я слышала считанное число раз. Никогда я не видела ее разговаривающей во время богослужения, и она ни с кем в церкви не подружилась.

Об этой юной женщине мой старший сын спросил меня как-то:

— А та, у которой маленькая Надя сидит на руках, это кто ей?

— Мама.

— А разве бывают мамы-девочки?

— Бывают, — кратко ответила я, не став развивать этой темы. Как-то удивительно ловко, грациозно и очень тихо делала все в церкви Кристина. Долгое время на нее обращали сугубое внимание, но потом перестали, и это, по-видимому, было то, к чему она стремилась всей душой: стать незаметной в толпе. Эта ее скромность особенно бросилась мне в глаза и покорила собой, поскольку мамы с детьми порой бывают так нарочито картинны в церкви. Подолгу Кристина с ребенком на руках простаивала на коленях, опустив глаза, не видя вокруг никого и ничего. Частенько я видела ее буквально распростертой на полу и знала тогда: значит, ее ребенок заснул в коляске где-нибудь в уголке. А заметив маленькую Надю на чужих руках, тотчас понимала: Кристина на исповеди.

Она очень часто причащалась сама. И я, заметив это, постаралась разглядеть как следует ее правую руку. Странно — кольцо есть. Как же ей, будучи замужем, удается так часто причащаться?

Мой старший сын до сих пор просит меня приводить его в церковь не к началу обедни, которую ему стоять тяжело, а чуть попозже. И вот как-то в Рождество я, поддавшись такой «вражеской агитации» да и убоявшись праздничной толпы, привела детей в храм минут на десять позже обычного и, рассчитывая на большую толпу исповедников, просчиталась. Едва войдя в храм, я увидела уходящего батюшку в епитрахили, с крестом и Евангелием в руках. Исповедь закончилась, и мы на нее опоздали! Такое с нами случалось и раньше, и что же в подобном случае я испытываю? Досаду на себя, на ребятишек, которые нестерпимо долго возились дома со своей одеждой, на их капризы, на домашних, каким-то образом задержавших меня... Со словами «Видно, Бог нам с тобой сегодня не судил причаститься, Митюша» я повернулась назад и буквально застыла от изумления: сзади стояла Кристина и горько плакала. Плакала она молча, не закрывая лицо руками и только пониже опустив голову.

Я в ужасе подумала: «У нее что-нибудь стряслось с детьми!» Посмотрела вниз: в коляске спокойно сидела малышка, посмотрела вбок — другая стояла себе рядом. Снова взглянула в лицо плачущей женщины с намерением спросить: «У вас что-нибудь случилось?» И вдруг все поняла! Румяная с мороза, в верхней одежде, которую она обычно в церкви снимала, Кристина явно, как и я, опоздала с детьми к исповеди. И вот теперь она плакала о «Хлебе насущном», который в этот праздник Рождества Христова пронесут мимо нее! Я молча, не потревожив ее, отошла со своими детьми подальше и оттуда, спустя некоторое время, видела, как Кристина добралась-таки до батюшки, вышедшего из алтаря исповедать ее. Они были хорошо видны со ступенек придела, где стояли. Однако я, грешница, туда не поспешила, лишь отправила к исповедующему батюшке своего старшего сына, да он не смог пробраться к ним сквозь праздничную толпу прихожан.

— Не судьба нам сегодня с тобой, миленький... Надо вовремя к обедне ходить. Это нам урок, — сказала я расстроенному Мите.

На этом я и закончу рассказ об этой удивительной красоте женщине и расскажу о другой.

С ношей выполосканного белья я шла по цветущему лугу к дому, где мы гостили, и вдруг увидела на его крыльце незнакомую мне женщину. Подошла и — обомлела: «Анька!» Она стояла на невысоком, в три ступеньки, крыльце и, может быть, поэтому показалась мне выросшей на целую голову. А может быть, ее новая одежда так поразила и буквально «возвысила» в моих глазах: черная широкая юбка до самых пят, белая блузка с серенькими цветочками, туго завязанный, с подобранными концами светлый платок. Еще год назад Анька была цветущей мужней женкой, а нынче это — горькая вдовица...

Мы вошли в дом, уселись, как и положено бабам, на кухне и стали неспешно беседовать. Говорили об общих знакомых, вспоминали прошлое, рассуждали о настоящем. Ведь мы с ней знаем друг друга давно, больше десяти лет! У Аньки очаровательный подбородочек — остренький, торчащий вперед, и оттого всегда кажется, будто бы голову она держит, гордо подняв кверху. Глаза ее смотрят на собеседника смело и прямо. Говорила Анька о погибшем муже, детях, нынешнем своем вдовьем житье-бытье. Припоминала, что о вдовах говорил святой Иоанн Златоустый и другие отцы Церкви, объясняла верность сказанного ими на собственном примере. Я молча слушала, и вдруг как будто кто-то шепнул мне на ухо: «Это юродивая. Смотри и запоминай. Увидишь ли еще такое в жизни?»

Разговор наш тек неспешно, потому что маленький сынок ее, с которым Анька приехала, спал в соседней комнате. Но вот зазвонили ко всеобщей, и Анька, взяв ребенка, ушла в церковь. Часов через пять я встретила ее выходящей из церкви и отругала, как могла:

— Ты вот по-русски одеваешься, юбку длинную надела, так будь ты русской бабой по сути, а не по одеже! Где это видано — ребенка ко всеобщей не кормленным вести? Пять часов его, трехгодовалого, там держала! Зачем? Хоть бы пожалела голодное свое дитяtko! И вообще, имей в виду: я тебе свекровь. Спуску не дам. Еще раз увижу такое — отругаю снова.

Анька не обиделась, лишь добродушно засмеялась:

— Глядите-ка вы! Мужа нет, а свекровь есть».

В десятом часу вечера по белой дороге, ведущей из монастыря, уходила от меня вдаль женщина, ведя по зябкому августовскому холодочку мальчика в легкой летней рубашке и синих трусах. «Ох-хо-хо», — только и сказала я, покачав им вслед головой.

Снова эту парочку я увидела на следующий день, в полдень. Они зашли к нам после обедни. Анька принесла с собой мешочек с едой, переданный ей прямо в церкви хозяйкой, у которой она ночевала: сама Анька о еде для сына позаботиться не могла... Посидели они немножко и стали собираться на автобус. Анька что-то надела на себя в сенях и пошла, взяв ребенка за руку. Увидев их в окошечко, я побежала прощаться с ними на улицу. Выскочила за калитку, посмотрела и — застыла от удивления. На белой дороге, ведущей в монастырь, стояла женщина в черной длинной юбке, большом синем, с мужнего плеча свитере, подпоясанном ремешком, в туго затянутом светлом платке. За плечами — скромный рюкзачок, а в руках... Я ведь прекрасно помню, что никакого посоха у нее в руках не было, но, вновь и вновь разглядывая ту картину, не уходящую из моей памяти, я вижу у нее в руках страннический посох. Она держала за руку беленького мальчика с тихими светлыми глазами. На нем была розовенькая новая рубашка (как же — он нынче причастник!) и синие застиранные трусы. И эти спокойные лица. И готовность идти куда-то. И бесстрашие этих вечных русских глаз... Их покой. Их грусть. Их любовь.

«Не умерла ты, Святая Русь! — думала я, глядя на них широко открытыми глазами. — Как же возможна для тебя смерть, если щемящая красота твоя тревожит наши сердца, исторгая из них слезы умиления, жалости, любви? Вечно зовешь ты нас, тянешь к себе тоской и мукой невыразимой. Не суждена тебе смерть, потому что этой красоте жить вовек! И всегда будут сердца, тоскующие о тебе, зовущие тебя, Святая Русь!»

Ушли они. Остались досужие разговоры о странной женщине, неумехе, лентяйке. А я ходила, слушала и думала свою думу. Ох, как трудно найти благочестивую женщину, по-особому горячо любящую церковь, о которой бы не только внешние, но зачастую и церковные люди могли бы сказать: «Вот уж хозяйка так хозяйка! Везде-то у нее чистота. А как готовит! Детки у нее ухоженные, а уж рукодельница — поискать таких!» Никогда не забуду, как один мужчина сказал мне в деревне: «А у нас в приходе нормальных баб только одна и есть (такая-то). У нее и корова, и огород, и варенья-соленья, и с детьми-внуками все хорошо, все при деле. Вот праздник, стоит она у свечного ящика, а я твердо знаю: ни одного дела у нее дома не брошено. Все успела и в церковь пришла. А у других что? Какой-то кавардак, а не дом!»

Долго я размышляла над этой «хозяйственно-психологической» загадкой, а потом взяла да и решила ее для себя очень просто. Эти женщины, горячо любящие свою церковь и так много сил отдающие ей, они и есть «нищие духом», о которых говорил Господь. А ведь, по слову Иисуса Христа, таковые блаженны. Они нищенки! Их, по сравнению с удачливыми, процветающими «мужними женками», Бог обделил многими свойственными их полу талантами да умениями. Однако в душе у них есть некое разряженное пространство. Я-то уж знаю тот беспорядок, который зачастую можно найти в доме, где живет такая благочестивая женщина! Пирогамы, как правило, их дома не красны: печь или не умеют, или некогда. Однако в душе у них есть некое разреженное пространство, куда призывается благодать Божия, ибо если эту пустоту не заполнять ею, то начинает там ныть и посасывать от чисто духовного голода. Покоя себе не найти вне церкви! А ведь такими, нищими да убогими, если сравнивать их с преуспевающими в миру женщинами, церкви наши и стоят. Так было всегда: и в старой России, и в советской, и сейчас. Ведь мы-то туда не пойдём дни и ночи простаивать там на молитве да обихаживать Божии храмы. Мы совсем другие. Мы люди с достоинством. Нам много чего от жизни надо, а прежде всего — славы от людей, которая нам нужнее Божией. А они вот такие: нищие, убогие. Не все, конечно. Немало среди благочестивых женщин хороших хозяек. Не хочу на них наговаривать и брать грех на душу. Могу лишь сказать, что среди молодых верующих женщин едва ли не большинство бесхозяйственных. Наши матери были великими труженицами, и мы почему-то сильно отстаем от них на хозяйственном фронте.

Частенько мне приходится защищать от разного рода нападков своих сестер: то у них дети слишком бледные, то сами не так одеты, то еще что-нибудь. Однако мы с ними, как говорят в вологодских деревнях, одинокие, и я хорошо знаю ту алчбу и жажду, что томит их. Знаю, что ищем мы одного и идем одной дорогой. И люблю я их, всей душой люблю сестер своих во Христе! Глаза люблю... Что в них, отчего они так особы и почему пронзают душу мою? Нынешняя Россия такова, что можно не без пользы для себя пообщаться с христианами разных конфессий, да и с нехристианами, не скрывающими своей веры. Пришла пора и мне говорить и с иудеем, и с лютеранином, и с евангелисткой. У них, крепких в вере, не смогла я разглядеть этих глаз. Отчего же я узнаю эти глаза в толпе, не будучи знакома с человеком, не зная о нем ничего? Долго размышляла я о потрясении, которое зачастую испытываю от глаз христиан, и мужчин и женщин, встречаемых мною в православных храмах. И решила сама для себя так: Кровь Христова, доступная им в таинстве приобщения Святых Христовых тайн, омыла эти очи изнутри, сделал их по-особому чистыми, печалующимися и радующимися за меня, грешную, любящими меня, недостойную. Тихие это очи. Светлые. Бездонные, как тайна Христа... Глядеться не наглядеться мне в них.

Любит их и целует

раба Божия Александра

Часть II. Дочь Иерусалима

Прошло три года... Мама-автор встречается с новыми вопросами: дети подрастают, в процессе воцерковления они сталкиваются с новыми непростыми ситуациями. Так родилась «Дочь Иерусалима», повесть о роли женщины-христианки в нашем сложном, меняющемся мире.

В настоящем издании мы объединили эти две книги, предполагая, что предлагаемая диалогия станет хрестоматийным пособием для мам-христианок, ищущих золотую середину в воспитании своих чад под благодатным покровом Церкви Христовой, жен-христианок, ищущих мира и взаимопонимания в своих семьях, в которых столь разных и непохожих близких нужно не только «потерпеть», но и (что, наверное, труднее всего) по-настоящему возлюбить.

Глава 1. Как Ваня на Исповедь пошел

Месяца за два до Ваниного семилетия странные вещи начали происходить в нашей жизни. Бывало, нашалит сынишка, до хорошей трепки у нас дело дойдет, и вот вам, пожалуйста, — вечером очередной необыкновенный концерт. Начинался он, как правило, так. Читаю я вечернюю молитву и слышу: кто-то скулит. Замолчу я, и этот кто-то замолчит. «Отче наш, иже еси на небесех...» читаю я дальше, только этот кто-то опять скулит, тихо так, тоненько. Наконец повернусь к Ване, проведу рукой по его лицу, а оно все от слез мокрое. И вот тут сдавленное рыдание прорывается, наконец, наружу, плач горький-горький, безутешный:

— Мама, я плохой, я грешник! Накажи меня, мама!

Сяду рядом с Ваней на диван, начну утешать:

— Да я не сержусь на тебя, Ванечка, я давно тебя простила. Успокойся!

Но куда там успокоиться! Слова мои скользят мимо, не задевая сына, и он плачет, плачет, повторяя:

— Я плохой, плохой, я хуже всех! Поставь ты меня в угол, накажи меня, мама!

Старшему Мите этот концерт уже надоел. Он поднимает с подушки свою сонную голову и спокойно так говорит:

— Мама, да поставь ты этого дурака в угол! Раз ему так хочется.

Зареванный Ваня вылезает из-под одеяла, которым я его уже укрыла, сует ножки в стоптанные тапки и, несмотря на все мои попытки удержать его, идет в прихожую, в темный неудобный угол. И вот мы уже здесь вдвоем, в полумраке, по своим углам. Я сижу на табуретке, бессильно опустя руки и молча, уже не пытаюсь возражать, выслушиваю горестные детские слова:

— Я грешник! Ты думаешь, главное в жизни — пятерки получать? Нет! Главное в жизни — это не грешить!

Некоторое время (ну, раза два) я выводила сына из этого состояния с помощью совсем простых слов: «Тебя, Ванечка, Бог простит». Ребенок затихал, услышав благую весть, и покорно шел спать. А потом и эти слова перестали ему помогать. Он плакал совершенно безутешно. Все мои ласки, объятия, нежные слова падали в пустоту. Я, мать, не могла утешить своего маленького сына! Когда у него начинался этот плач, я совершенно терялась от сознания собственного бессилия. Сидела и молча ждала, когда у него это кончится. Наконец, силой укладывала Ваню спать. Но странно мне было видеть тот отчаянный, безнадежный взгляд, который ребенок, засыпая, устремлял куда-то вверх. А засыпал он неутешенным, непримиренным с самим собой. Также в пустоту Ванюшка смотрел и тогда, когда сказал мне однажды:

— Я не могу сегодня молиться. Мне нельзя. Я очень плохой. Я грешник.

А потом бывала ночь и крепкий детский сон. Проснувшись, Ванюшка по-прежнему смеялся, боролся с братом, шалил, одевался по часу и дольше, капризничал, и ничего-то он не помнил из того, что было с ним вечером. Все забывал — до следующего раза...

А я не забывала. С первого же Ваниного припадка отчаяния во мне зародилась такая мысль: «Хоть бы он скорее к Исповеди пошел, что ли! Может быть, ему от этого полегчает». Вот бы как надо было мне поступить: отвести Ваню к батюшке в церковь и попросить исповедать его, не дожидаясь наступления семилетия. А я зачем-то ждала его дня рождения, не понимая смысла того отчаянного плача, которым выражал человек внезапное осознание им ужаса и тяжести греха. И вот по моей вине ребенок мучился целых три месяца! Но как же я ждала его первой Исповеди: скорей бы, скорей бы отвести туда сына, дабы поправилась душа его! Сказали бы мне года три назад, когда мой старший сын входил в исповеднический возраст, что я так буду ждать Ваниной первой Исповеди, — не поверила бы. А тут — еле дождалась...

Вот так, в канун семилетия Вани одарил меня Бог лицезрением еще одной мистерии. Первой была та, когда он, совсем маленький, душу свою полагал за мать, крича ей с плачем: «Да иди же ты в церковь, мамочка, иди!» А я тогда не понимала, о чем так горько плачет младенец на первом году своей жизни. Он надрывался до тех пор, пока я не причастилась. Ваня и успокоился: мамочка в церкви. Ценой своего здоровья он выкупал для меня это: увидеть, что значит в Церкви Святая Жертва. И теперь, на пороге своего семилетия, Ваня явил мне еще одну мистирию: я узнала, что вхождение в исповеднический возраст — это страшная реальность жизни человека в Церкви. И опять я по своему неразумию мучила сына, не понимая смысла его надрывного плача: «Я грешник, мама, грешник!»

В день Ваниных именин проснулась я рано-рано, и вместе со мной проснулась моя привычная

материнская боязнь: все ли я хорошо сделала, готовя детей к Причастию? По-доброму ли отпустят нас сегодня в церковь? С этими мыслями начала я свои привычные дела, заглянув предварительно к детям: спят... Поздним утром стала будить именинника и услышала от него:

— А я уже и помолился и покаялся!

— Когда это ты успел?

— А когда еще все спали! Я помолился и покаялся, как ты меня научила. А потом снова лег спать.

Посчитала я, и оказалось, что для молитвы мальчик просыпался часов в пять утра. Вот как, оказывается, его душенька ждала первой своей Исповеди!

...До сих пор это видение не дает мне покоя. Серебристое июньское утро. Самая ранняя рань. Кто разбудил в этот час мальчика? Он просто услышал чье-то прикосновение и открыл глаза. На пол слезать не стал, а устроился на коленях прямо в своей постельке. Накинул на плечи для тепла одеяло и повернулся лицом к иконам. Молился, конечно же, путая по своему обыкновению слова молитв, а потом каялся: «Господи, прости мне...» Что творилось в эти минуты в комнате? Уж, наверно, Ангелы-то со всей округи слетелись тогда к нам в дом... Все углы были заполнены ими. Мальчик помолился и лег спать. Ангелы встали вокруг него и замерли в молчании...

Веселый, радостный шел со старшим братом в церковь Ваня — как большой. И вот встал он перед батюшкой, посмотрел ему прямо в лицо своими большими голубыми глазами и твердым голосом произнес:

— Я пришел на Исповедь.

Удивился батюшка:

— Да какой же ты вдруг стал большой! Неужели тебе семь лет?

— Да, — гордо сказал расцветший Ванюшка.

А дальше... А вот что было дальше, я не знаю. Старший сын научил маленького: «Мама у нас хитрая. Ей бы все знать! А ты ей ничего об исповеди не рассказывай, а то это грех».

Вот и не рассказывает. Да и не надо! Плакать-то отчаянно, безутешно, как бывало, Ванюшка перестал. Поэтому, когда веду его из храма домой, всегда думаю: «Как все прекрасно устроено в Церкви Твоей, Господи! Есть в ней Исповедь, исцеляющая наше беспросветное, мучительное отчаяние, которое, оказывается, может знать даже ребенок».

Глава 2. Прощание с младенчеством

Вот народная пословица: «Маленькие детки — маленькие бедки. Большие детки — большие бедки». Все это, несомненно, так. «Маленькие бедки» связывают в моем сознании младенчество с представлением о непрекращающемся, каком-то совершенно особом жизненном счастье. Младенец сладок. Вся «простая пятерница» чувств буквально блаженствует, прикасаясь к нему. Взять хотя бы зрение. Помню, как я не могла насмотреться на своего Митю в первые дни его жизни. Сесть бы рядом с кроваткой и смотреть, смотреть на него, не отводя глаз, но стыдно: в доме полно работы, а баба уселась, сложа ручки.

И все-таки я на него насмотрелась! Посоветовали мне: «Как ребенок утром проснется, клади его на постель рядом с собой, чтоб покормить. Так и спите дальше вместе. Будете оба, и выспаться и отдыхать хорошо». Сначала было страшно: вдруг придавлю ребенка во сне. Однако вскоре я успокоилась на этот счет. Оказалось, что рядом с младенцем я сплю точно каменная: ни рукой, ни ногой во сне не пошевелю!

Было тогда светлое время года. Шторы в комнате мы оставляли на ночь распахнутыми, поскольку некому было заглядывать к нам. Лишь кудрявая рябина шелестела за окном своей весенней листвой. В светлые утренние часы лежал рядом со мной спящий младенец. Лицо его было совсем близко, и я смотрела на него неотрывно. Прошел месяц, и я насмотрелась-таки на своего первенца.

А вот еще одна радость, связанная с младенчеством. Можно уткнуться носом в ребенка (в его грудку, шейку, головку) и вдыхать нежный, неповторимый, легкий младенческий аромат.

Вот захожу я в комнату к своим спящим детям. Пришла сюда за элементарным делом: найти, наконец, в нашей грамотной семье, где-то пишут, хоть какую-нибудь ручку или, на худой конец, карандаш. И встречает меня этот родной запах — запах моих детей. Запах моего счастья.

Так просто отсюда мне уже не уйти. Присяду в темноте на ковер. Помню, как мы делали здесь ремонт, превращая бывшую спальню в комнату для подростков детей. Купили два ковра: один на стенку, другой на пол. И вот: все расставили по своим местам, и я, вымыв пол, развернула на нем веселенький красный ковер. А потом позвала детей: «Смотрите, как уютно здесь стало!» Мы сели на новый Ванин диванчик и стали любоваться чистой красивой комнатой. И я сказала детям:

— Знаете, что это за комната? Это устланная коврами горница, в которую придет Господь со Своими учениками праздновать Пасху. Это из Евангелия. Вы помните?

— Нет,— ответили дети.

И я им прочитала: «Учитель говорит: где комната, в которой бы Мне есть пасху с учениками Моими? И... покажет вам горницу большую, устланную, готовую, там приготовьте нам».

— Мне кажется, что это и есть та самая комната.

И старший Митя согласно кивнул мне в ответ.

Я поднимаюсь в темноте с ковра, и опять во мне звучат слова, которые я никак не могу объяснить даже самой себе:

— Это мой храм. Здесь живут мои дети.

Ну вот, вдохнув полной грудью любимый запах, я вновь предаюсь воспоминаниям о младенчестве моих детей. Это мне насущно необходимо. Ведь в новой книжке я попробую говорить о своих «больших бедках». Для того чтобы вынести все, что связано с взрослением детей, нужен огромный запас счастливых, нежных, радостных воспоминаний из той поры, когда «бедки» детей были еще такими маленькими.

Что же еще из «простой пятерницы» чувств осчастливили во мне собою дети? А вот что: дай ручку, дитя мое. Я «забуду» ее в своей ладони и, когда ты засмотришься очередной «ну-погодишкой», поцелую с благодарностью. Ты этого даже и не заметишь. А я поскорее отверну

свое счастливое лицо.

Прикосновение к тельцу младенца! Щечки. Мягкий носик. Губки, касание которых так радует, когда дитя, играя и смеясь, кусает зубками материнскую ладонь. Всегда с грустью смотрю на человека, несущего на руках ребенка. Как легко это получается у других и как тяжело было некогда мне! Через силу, с надрывом, до ломоты во всем теле я таскала когда-то крикуна Ванюшку на руках. А теперь вот завидую.

Дитя на руках матери. Неудержимое стремление женщины взять еще одного младенца на свои руки... Когда-то я слышала такой разговор:

— Ну, вот что у меня? Так я и умру матерью двоих детей. Блаженна пора беременности, о ней я вспоминаю как о подлинном счастье своей жизни. Вот я ныне одна, и меня одну любит Бог. А если нас двое? Какая лавина любви обрушивается тогда на женщину! В те времена я не раздирала свою душу в сомнениях: правильно ли живу? Я думала: все хорошо, и меня любит Бог. Я иногда говорю своему младшему: «Ну, зачем ты растешь? Остайся маленьким!» А он мне отвечает: «Мама, ты, что ли, на машине покататься не хочешь?» Это он так мечтает о своей взрослой жизни.

Материнская любовь... Где я это видела? В храме на иконе, изображающей Богородицу с Младенцем на руках. Однажды я задумалась: интересно, а почему на иконе представлен момент младенчества Господа Иисуса Христа? А почему бы не взять другую ситуацию: Богородица, а рядом Ее взрослый Сын? Вот просто рядом, и все тут. Смотрели бы на нас с иконы. Это же очень красиво, когда возле матери идет сын, взрослый, сильный, разумный. Или вот еще: Воскресший Господь. А где-то рядом — Его Мать. Красивые сюжеты, но не они вошли в сердце Божьего народа. Нужно ему другое: Мать, а на руках — Младенец. Да только ли народу? А разве Богородице это не нужно? Это Ее воля: пусть люди в храме видят самый счастливый момент жизни Девы, когда Она держала на руках Сына.

Мы любим говорить о скорбном иконописном лике Богородицы. Но эта скорбь — о народе, о нас, а о Сыне, прижатом к сердцу совсем Молодой Матери, — о Нем может быть только радость. Материнство, относящееся к младенчеству, сочетается лишь со словом «счастливое».

Богородица, жизнь Которой вместила в себя и гонение, и поношение, и нужду, была очень счастлива в Своем Материнстве. Мне все кажется, будто Она Сама не захотела стереть этого из памяти людей. Чтобы они помнили: «Благословенна Ты в женах...» Именно это помнили.

У Богородицы был только Один Сын. Она взяла на руки весь мир. Всех приняла в Свое сердце... И самый благословенный из даров Ей от Господа — дети в Церкви. И все это открыто Православной Церкви, зовущей к себе ребяток в Богородичные праздники. Особенно на другой день Рождества Христова — в Собор Пресвятой Богородицы. В этот день в храм приходят Ее маленькие дети.

Судьба земная и судьба небесная. Сокровище любви — всюду любовь. Вот Одна из Насельниц Царства Небесного. В этом царстве, где Царицею Божья Мать, святые не спят, упокоенные до Страшного Суда в Господе, а живут, видя всех нас, и мир, и Бога в Духе Святом. Шествует по храму Своими босыми ногами чудная Жена в белой одежде, и на руках у Нее — Дитя. Легко и сладостно Жене нести Его: тело Ее не болит от тяжести растущего Ребенка. Святой этой Жене Младенец — дар от Господа: насладись им, прижми к Себе невесомое тельце. Поиграй Младенцем, полюбуйся Им, приласкай Дитя! Обласкано ли Оно было на земле? Не отрекся ли кто от Него? Не убил ли? Не отпускай же Дитя со Своих святых рук, не отдавай никому: Оно стало Твоим навсегда.

...Что же еще из «простой пятерницы» чувств осталось мною неупомянутым? Агукание младенца. Топот его косолапых ножек. Ни с чем не сравнимый, издалека узнаваемый мною смех, переливающийся от нежных детских тонов к чисто мужской низкой ноте. Быстрый утренний бег, неизменно пробуждающий меня ото сна: «Ну, не дойти человеку по нужде чинным шагом! Обязательно надо бегом бежать».

А вот смешные детские словечки:

— Наступила весна, — говорю я играющему в песке мальчику, — растаял снег...

— И выпал песок! — подхватывает с готовностью Митя.

Или еще:

— Вкусная каша? — спрашиваю Ваню.

— Вкусная, только навоз попадается.

— Что???

Посмотрела я в тарелку и засмеялась:

— Это, Ванечка не навоз, а овес.

И такое:

— Пить хочется! Ни капли воды в животе нет. Совсем оскелетился.

— Мама, а у нас с тобой правая рука с одной и той же стороны!

— Мама, представляешь, а у Витьки брат — это сестра.

— Отчетный концерт в музыкалке — это когда нашего Митьку отчитывают, а он ноет.

— Пап, а я знаю два однокоренных слова: пригород и придурок.

— Опять я околзился! — это глядя на очередную тройку в тетради.

— А мне зимой и с воронами хорошо, — это о перелетных птицах.

И, наконец:

— Интересно, а где на президента учат?

— Ты что, Митька! На президента не учат. Туда лезут.

* * *

...Младенчество осталось позади. Перелистнем же эту яркую страницу. Глядя на своих детей, я радовалась, думая, что так будет всегда. Но я ошиблась. У человека есть крест, и его надо нести. Период отрочества, в который вступили мои дети, наложил на меня свой противоречивый отпечаток. Все у нас уже не так просто, не так радужно, не так легко. Впрочем, не я первая, не я последняя переживаю подобное. Старая, как мир, неизбывная мука материнства... Евина мука.

Глава 3. Сказка про Еву

*И нарек Адам имя жене своей: Ева,
ибо она стала матерью всех
живущих.*

Бытие, 3, 20

Ева поднялась на свой любимый холм и оглянулась вокруг. Какой восторг охватывал здесь ее душу! С ней было так всегда. Стоило Еве окинуть взглядом голубеющую ширь небосвода, и эти благоуханные рощи, и манящее раздолье лугов, как вся ее душа прикипала к этой земной красоте. Бессильная удержать в себе славословие, Ева начинала говорить:

- Прекрасен мир, Тобою созданный, Отче! Я, дочь Твоя, не могу насладиться его красотой, живя на земле.

Ева шептала эти слова и глядела, глядела на творение ее Отца. Ева не могла оторвать глаз от того, что она любила, ей всегда было это трудно.

Ева присела на траву и ласково провела по ней ладонью. Кружевным своим рисунком она приковала к себе глаза матери. Цветы, листья, стебли, колоски переплетались столь причудливо, что Ева долго, очень долго разглядывала это сказочное разнообразие.

А день начинал гаснуть, и вместе с вечерним светом вошла в сердце матери ее всегдашняя печаль. Эта печаль была о детях. Для того чтобы предаться ей, приходила сюда Ева. Здесь она думала о своих сыновьях – Каине, Авеле, Сифе. Были у Евы еще и дочери, но о них ей думалось гораздо меньше. Дочери были похожи на нее, а себя Ева не любила. Когда-то давно, утратив Эдем, Ева в первый раз сказала своему Адаму: «Как ты похож на Отца!» И это было правдой. Адам был больше, чем она, похож на Бога, и поэтому Ева легко приняла господство над собою мужа. Она очень любила смотреть на Адама, радуясь его сходству с Богом. А Отца Ева помнила хорошо. Это было то, что она унесла с собой из рая, — знание Единственного Отца. И Он не отнял этого у своей согрешившей дочери.

И вот — первенцем Евы был сын! Когда он родился, Ева сказала самой себе: «Приобрела я человека от Господа». Радость переполняла ее. Жена, созданная из праха, оказывается, может быть причастна к созданию человека! Такая ни с чем не сравнимая драгоценность, как человеческая жизнь, зависит и от нее! Адам и Ева были детьми Бога и, похожие на Него, стали еще более подобны Ему в той власти, которую получили над своим детищем. Адам, доньше звавшийся лишь сыном и мужем, стал еще и отцом, а она, Ева, — обладательницей имени, не слыханного во Вселенной: она стала матерью человека.

«Что же это такое — быть матерью?» — мучительно раздумывала Ева. Чувство материнства было как бы знакомо ей. Где-то она переживала уже нечто подобное, какой-то уголок ее существа был сроднен с ним... Но где? Когда? Ева отвела глаза от Каина и взглянула на мужа. И припомнились Еве его ласки и чувство, однажды пережитое ею в объятиях Адама! Теперь оно вернулось к ней странным вопросом: «А может быть, и этого человека родила на белый свет я?» У колыбели Каина ответить на него Ева не смогла. Как и многие Евины дочери, усвоившие от нее материнскую любовь-нежность к своим мужьям...

И все-таки прамати будет дан ответ на этот вопрос! Она была единственной на земле женщиной, доподлинно знавшей, что из сынов человеческих нет (и не будет!) ни единого, кто бы не был рожден ею, Евою, к греху и смерти. Даже безгрешного Праведника будет ждать на

земле страдание и смерть, поскольку Он не избегнет чрева одной из ее дочерей. О Своем Спасителе Ева раздумывала часто: «А может быть, это будет рождение как у истинного Сына Божия, а не роды как у всех сынов человеческих?» На этом мысль Евы успокаивалась, поскольку она твердо знала, что роды — это начало жизни, ведущей лишь к смерти, а рождение — это только для вечности, только для Бога. «Самое простое и естественное дело в мире, — думала Ева, — это рождение сына от отца или сотворение сына отцом. А вот когда его рождает жена...» С недоумением останавливалась мысль Евы перед этим вселенским событием. Она чуяла здесь какую-то страшную трагедию, но уразуметь ее не могла.

...Со стесненным сердцем, в предчувствии будущей, не ясной для матери муки замерла Ева над своим первенцем. Новый человек родился в мир маленьким и слабым. Это было дитя. С удивлением Адам и Ева смотрели на жизнь самого необыкновенного творения их Отца. Детство явилась перед ними как тайна, которую надо было разгадать. И вот стал расти прекрасный первенец Адама, невиданный цветок Вселенной, человеческое дитя! Звезды и зори, все стихии мира прислушивались к его плачу и крикам радости. Прелестные бабочки на своих узорчатых крыльях уносили куда-то ввысь его первые разумные слова. Сын человеческий встал на ножки, и шелковая травка целовала его розовые пяточки.

Ева много размышляла об отношении Отца к их милому ребенку. Она чувствовала, что Он любит его иначе, нежели ее и Адама.

— Если бы я был как Бог, — сказал однажды Адам, глядя на Каина, — то гордился бы именно этим своим созданием. Вершина премудрости в творении Божиим — это когда человек рождает человека. Но как же надо было умалить Каина, чтобы он родился! Раньше я и представить себе не мог, что такое крошечное создание может именоваться человеком.

— Да-да, — ответила Ева. — А я до сих пор не могу поверить, что из него вырастет муж, как ты, — прекрасный и разумный. И он скажет Богу: Отец...

Как сладок был этот первый под солнцем младенец! Детство Каина наполнило Еву счастьем, но с днями, прибывавшими в нем, стало расти и крепнуть непонятное ей самой страдание. Откуда оно взялось? Из новизны невиданных на земле открытий? Из слез болящего младенца? Из томительных часов, проведенных матерью у его ложа?

С рождением сына Ева познала тяжесть материнских трудов. Сила жены была несоизмерима с мощью мужа, однако по своей сути материнские труды были подобны тем, которые нес Адам, в поте лица своего добывавший пропитание для семьи. Воспитывая дитя, Ева никак не могла прийти в состояние довольства собой. Ребенок так часто плакал, он был столь требователен к присутствию матери, он хотел даже большего — завладеть всем ее свободным существом. Это было настоящее рабство! Власть Адама — это Ева понимала, но сына?.. В ответ на его притязания в Еве рождалось раздражение, усталость, злость. А еще — порой детская жизнь Каина была столь непонятна ей, что Еву начинало мучить недовольство. Материнский труд тяготил тело и душу, и это было бы невозможно вынести, если б не сладость детства.

И все-таки не в этих трудностях коренился источник страдания Евы. Страшная догадка мучала мать, неотрывно глядевшую на своего первенца: в чем-то Каин был не похож на Адама, да и на нее тоже, и эта его непохожесть пугала Еву. Острым своим умом мать пыталась осознать ее и — не могла. Из неведомой ей душевной глубины Каина смотрела в Евины глаза опасность. Она угрожала сыну откуда-то изнутри. Что же это? Что?!

Пока Каин был мал, Ева не решалась сказать правду даже самой себе. Младенец, родившийся от нее, был так чист и невинен, что Ева и поверить не могла, будто он — грешник от чрева

матери! Ева думала о сыне: «Я научу его добру, и Каин, пришедший в мир столь невинным, не согрешит подобно мне и Адаму». Но сын рос, и мать явственно видела печать зла на его делах. «Откуда это?» — мучительно раздумывала Ева, пытаясь своими словами и делами стереть злую отметину, но она проступала вновь и вновь. Ева становилась то строгой, то ласковой, но лишь сильнее запутывалась в том, что делала.

— Один исход у ласки и наказания, — думала Ева, — но последнее хуже первого. Не хочу я огорчать душу Каина. Как-то Отцу далось решение покарать нас, детей своих... Нет в мире дела тяжелее суда. Кому оно под силу? Только Богу. Вот я и отдам Ему суд, потому что не хочу брать на себя непомерную эту ношу. Я и Адам наказаны, а где же у этой муки благой исход? Так и с Каином. У меня с ним всюду беда — в улыбке и гневе, в молчании и наставлении. Откуда она? Я так стараюсь!

И вот однажды, когда, замерев от ужаса, Ева встала над сыном, растерзавшим птенчика, она взглянула в его детские глаза и вдруг все поняла: в душе Каина — живое зло, и оно было там всегда! Со злым семенем сын родился, и вот — оно стало прорасти. «Нет, это не я! Не я его бросила в душу Каина, нет!» — так думала Ева, не находившая сил узнать себя в грехе сына.

В тот день праматерь Ева впервые поднялась на этот холм, чтобы побыть пред Богом в одиночестве. Ужас сжимал ее сердце, прозревшее вдруг непреложную правду: все ее дети, которым суждено придти в мир такими чистыми и невинными, будут рождаться во грехах. Они все, все до одного, будут грешниками, и грех, который есть в ней и Адаме, будет множиться, потому что будет расти ее семья, ее род. Мать не может запретить греху войти в души детей, как не может и воспрепятствовать им выйти из ее утробы.

С этого дня горестная мысль о потомстве не оставляла Еву. Временами она погружалась в беспросветное отчаяние. Ева учила Каина добру — и не могла научить его. Какая-то граница отделяла Еву от сына, и она не могла перешагнуть ее. Еве хотелось сделать решительный шаг и взять, наконец, в свои руки душу Каина. О, уж она-то ее пригладит, приласкает, сделает доброй и хорошей! Никак не могла понять Ева, почему душа Каина не в ее, материнской, власти. Наконец, Ева стала догадываться: за гранью, отделившей от нее сына, скрыто то, что принадлежит только Господу Богу, и вот над этим-то она не властна. Но что же это? Душа ли живая, дух ли его? Ева не знала, но чужла драгоценность того, что скрыто за чертой, положенной между матерью и ее детищем изначально.

И вот отчаялась мать в своих усилиях! Все было лишь суета и плач в труде ее души, которая не могла достигнуть добра. Так и назвала Ева второго сына, данного ей Богом: Авель, то есть плач, суета. Взяв Авеля на руки и взглянув в его крошечное лицо, Ева повторила свою любимую молитву: «Ты похож на моего Отца». И вновь в сладость младенчества погрузилась душа матери. Надежда ожила в ее сердце, и Ева с новым рвением стала учить сына добру. Теперь-то уж она знала о пределе своей власти, и ее душа, видевшая Бога повсюду, в каждой травяной жилке, от боли, от стона, от тупого материнского отчаяния стала разлеплять в муке уста свои, чтобы прошептать, попросить, вымолить для детей благое у Господа Бога... Нужда учила Еву находить слова для молений к Нему. О себе стоит ли просить? Разве есть в мире из достойного Евы то, что Отец не дал бы ей? Нету такого под солнцем. Но дети... Что ей делать с ними? И от вечной материнской заботы заговорило ее сердце, а вслед за ним и уста зашептали простые слова, прося Бога образовать то, над чем она власти не имела: души ее с Адамом детей.

Была у матери и еще одна забота, проснувшаяся в ней от светлого взгляда рыженького Авеля: она начала рассказывать детям о Боге. Как путалась Ева в своих речах! Как мучалась, замолкая порой на половине пустого и скучного слова! О самом милом и родном, о Том, Кого

душа ее знала лучше собственных детей, Ева рассказать и не могла.

— Отец... Он очень похож на нас. А вас Он любит больше, чем я. Сравните вон ту огромную гору с крошечным муравьем, ползущим по этой тропинке. Так ничтожна и моя любовь в сравнении с любовью Отца.

Каин и Авель в смущении отводили глаза от лица своей матери. Они ей не верили. Мать добра, она кормит их вкусной едой, а Бог... Ведь в Его мире им бывало и голодно, и холодно, и страшно. Где же Он?

— Где? В Его мире, который больше этого. Там Он всюду виден и слышен. А еще — в мире Отца ничего не меняется.

— Как это — не меняется? — удивился Каин.

— Ну, например, там нет ни восхода, ни заката, ни дня, ни ночи.

Опять отвернулись от Евы дети. Кареглазый смотрит в одну сторону, светлоглазый — в другую.

— Но это ведь, наверно, скучно, когда ничего не меняется? — спросил Авель.

— Совсем не скучно, — ответила Ева. — На Отца смотреть радостно.

— Ну, так какой же Он, мама? Какие глаза у Него?

— Бог, наверно, очень-очень большой?

— Я не видела Его глаз, — тихо сказала Ева, — и не могу сказать, большой ли Он.

— Зачем же ты говоришь тогда, что видела Бога-Отца? — удивился Каин.

— Я видела Его не глазами, — ответила в растерянности Ева.

— А как же тогда?

— Я не знаю как...

Помолчали.

— Ну, а голос? Голос Отца ты слышала? Он как гром, да?

— Нет... Голос у Отца скорее тихий, чем громкий. Его слышишь как-то буззвучно. Это когда Он говорит одной твоей душе, когда лицом к Лицу.

И опять отвернулись дети. А на закате, засыпая, Авель тихо спросил у матери:

— Где живет Бог?

— В Своем Доме. Этот Дом недалеко от нас. Он близко.

— Там, где облака? За ними?

— Нет, не там.

— Где звезды?

— Нет-нет, Авель, совсем не в этой страшной пустоте. Дом Бога близко, но — не здесь. Я не знаю, как сказать об этом.

— Дом Отца сияет?

— Нет. Я не видела сияния. Там ничего не видно.

— Как же ты видела Дом Бога?

— Не знаю как, но я, поверь же мне, Авель, видела этот Дом!

— Отец живет в нем Один??

— Рядом с Ним Кто-то есть, — оживилась Ева. — Он одесную Отца, и я не могу забыть Его. Смотреть на Того, Другого, очень трудно. Он любит нас странной любовью — не такой, как Отец. Мы почему-то страшно, до муки, нужны Ему. Он любит нас вот так!

И Ева в порыве, описав руками полукруг, крепко прижала их к своей груди. При этом она как бы захватила ими все вокруг себя.

— А Отец — вот так...

И Ева медленно развела свои руки, будто одаривая ими окружающий мир.

— Кто же этот Кто-то? — спросил Авель.

— Я не знаю...

Авель заснул. Он рос совсем не таким, как Каин. Самое странное и почему-то обидное для Евы было то, что Авель и родился с этим отличием. Это было внесено в его душу не Евой и не Адамом. Какое-то особое знание было дано этому беспокойному и вовсе не благообразному младенцу. Авель был жалостливее Каина, проще, совестливее. И еще — он был совершенно бесхитростным.

— Каин, кого ты больше любишь — маму или папу?

Маленький Каин опускал глаза и, помолчав, тихо отвечал:

— Обоих.

— А ты, Авель?

И малыш, глядя отцу в глаза, тут же выпаливал:

— Маму.

Конечно же, и Каин, как все на свете маленькие дети, любил мать больше отца... Однако он, будучи совсем крошкой, умел это скрыть, просчитав возможные последствия своей искренности (неогорчить бы папу). У Авеля так не получалось никогда, да он и усилий к этому не прикладывал.

Каин был необыкновенно умен, причем ум его проснулся до странности рано. Адам, впервые увидевший лицо своего новорожденного сына, был поражен именно его разумным взглядом. Впоследствии ум и возможности дитяти вступили в нем в какое-то противоборство. Сильный ум

маленького Каина был вынужден сосредоточиться на крошечной пяди семейных взаимоотношений и заботы о пропитании. Он изощрялся и оттачивался в этом тесном земном мирке, постепенно преобразуясь в хитрость. Применения для всей мощи умственных возможностей Каина не находилось — что ж, он научился искать для себя выгоду во всем. Потом к этому добавилась и зависть. Человек, не умеющий поступать попросту, а иногда и по вдохновению, не может не ценить своих умственных усилий. Каин ставил их очень высоко. Ева потом говорила:

— Каин стал себялюбцем, потому что ему некуда было девать свой ум. А ум съел душу Каина...

Вечно рассеянный, забывчивый, нескладный Авель не обладал столь сильным, как у Каина, умом. Да и в доме проку от него было гораздо меньше. Авель был большим мечтателем. Где бродили его мысли, в каких таких звездных далях?

Иногда Ева говорила с Авелем о Боге. Это были очень странные разговоры. Они не приносили удовлетворения ни той, ни другой стороне. Детские вопросы заставляли Еву напрягать всю свою мысль в попытке выразить словом жизнь Отца. И Ева чувствовала, что ей это не удавалось. Она не могла рассказать Авелю об Отце! Не понимал Еву и Каин. Попробовал говорить об этом Адам, но и его постигла неудача.

— Каин и Авель нас не понимают. Почему же это так трудно — рассказать детям о Боге? — удивлялась Ева.

В муках открывались у матери глаза на тайну духовной жизни ее детей! Ведь родив Каина, она и не подозревала, что детям нужно рассказывать о Боге. Зачем? Разве взирающему на этот прекрасный мир Бог не видим? Можно ли не знать Бога, видя Адама? Да и ее, наконец? Как это может быть в мире — жить в нем и не знать Бога?! Из сил выбивалась Ева, пытаясь понять это, и не могла. То чувство к Богу, которое жило в ее детях, не могло обмануть Еву. Смятенной своей душой мать чуяла: это не то, не то! Они не знали Его как Отца! Ведь Евино знание Бога было таковым, что если бы весь мир обрушился на нее, если бы пучины морские, сокрыв, не дали ей дыхания жизни, если бы огонь Вселенной сжег ее, она умерла бы с мыслью о том, что Отец благ и милосерд. Ева помнила Отчую любовь и не могла забыть ее. А вот дети были какими-то другими. Без конца спрашивали о Боге, получив же ответ — вот странность! — не верили ему. Они принимали в себя какие-то мелочи — что-то об Эдеме, о чудесах и ангелах, еще о чем-то не столь важном. Правда об Отце была детям недоступна... Долго мучалась в раздумьях, глядя на них, Ева. Наконец, она сказала самой себе слова, от которых душа ее загорелась как в огне: «Мои дети не знают Бога».

Ева решила сказать о своем открытии Адаму. О, каким печальным взглядом посмотрел он в глаза матери! Оказывается, Адам понял все давным-давно и только не говорил ей об этой беде. Слова о ней заслонили бы от матери весь мир кровавым заревом. Они были бы подобны известию: «Женщина, а слышала ли ты когда-нибудь весть о смерти детей твоих?»

В день разговора с Адамом Ева пошла на свой холм молений и не смогла дойти до его вершины. Где-то в сухой расщелине она рыдала в одиночестве, и утробный крик ее не достигал небесной вышины. Ева теперь понимала: не быть ее детям похожими на Адама. Материнской душой она начала прозревать пучину греха, ожидавшую ее род, ее детей, от которых Бог сокрыл Самого Себя. Ева начала жить в ожидании неведомого ей ужаса...

... О дне, когда Каин убил Авеля, Ева вспоминать не могла. Тогда она впервые в жизни увидела мертвого человека и, послушная голосу Бога, не понимая и сама того, что делает, с помощью Адама закопала убитого в землю. Авеля не стало, но праматерь Ева всегда думала о нем как о

живом. Она не ведала, где сейчас Авель, но твердо знала: тот, кто создан похожим на ее Отца, бесследно исчезнуть из мира не может. Это был человек, и, значит, он есть. Убийцу Каина Ева не вычеркнула из своего сердца. Как Отец не забывает на земле своих детей, так и она, родившая это чадо, должна помнить о нем. Так решила праматерь, и страшная вина за убийство Каином Авеля согнула ее плечи. Ева не оттолкнула ее от своего сердца. Она лишь сказала: «Я не боюсь этой муки, Господи. Пусть раскаяние за моего сына Каина войдет в мое сердце. Дай мне покаяние!» И эта мука вошла в нее. С тех пор Ева никогда не отводила глаз, когда слышала Каине. Она смотрела смиренным тихим взглядом и знала, что он — ее вина, ее мука, ее любовь.

У Евы и Адама родился третий сын, и ему было дано имя Сиф, то есть основание. Ева вновь утешалась его младенческой порой, учила сына добру, неумело и косноязычно рассказывала о Боге. Когда она поднималась на эту гору, то молилась пред Богом обо всей своей растущей семье, обо всем человеческом роде, которому суждено наполнить землю.

Однажды, плача здесь среди прекрасных цветов, Ева вдруг почувствовала Приближение. Она закрыла в муке глаза, а когда открыла их, пред ней был Ангел. Он сказал ей: «Не плачь, Ева. Не все твои дочери будут рождать грешников. Среди них будет одна, и от нее родится Праведник. Грех не коснется Его. Та же, Которая станет Матерью Единственного Сына, по усению Своем, усыновит твоих детей. Она будет им матерью, способной давать в Боге лишь доброе. Ты же — прах, и не в твоей власти благое для детей твоих. Не плачь же, Ева!» Ангел исчез, но пока Ева смотрела Ему в глаза, ее мука, ее раскаяние, ее плач растворились в радости, подобной той, которую она знала в Эдеме. Ева пошла вниз, к своему дому. Навстречу ей выбежала маленькая дочка. Ева взяла ее на руки. Она посмотрела в ясные детские глаза и, прижав к себе дитя, пошла вперед — туда, где ее ждала жизнь.

...Я открыла глаза и взглянула в темное окно. Опять в моей голове пронесся ураган мыслей о праматери Еве. Опять в каком-то полусне мелькали предо мной чьи-то образы, слова, слезы.

Не было на свете женщины, которую бы я жалела как Еву. Она первая пережила трагедию материнства, дав имя ей на века: плач, суета. В этом слове сосредоточен первоначальный материнский опыт, до боли подлинный, настоящий, невыдуманный. Думаете, это только про Еву? О нет! Дитя, пришедшее в мир, — это всегда суета и плач матери. И первой на земле осознала это именно Ева. Жаль мне ее, бедную. У Евы ведь не было матери, и ее никто не учил уходу за детьми. И опыта воспитательного у Евы не было совсем. Ни капельки не было! И все эта женщина решала в жизни сама: как унять плачущего ребенка, как его развеселить, как припугнуть, как выкормить, как на ноги поставить. А потом смотрела она на своих детей и видела, что же у нее, непутевой, в конце концов, получилось... В эти минуты некому было утешить Еву, сказав ей: «А ты, доченька, потерпи». Эти единственно нужные в жизни слова может произнести только мать. Но ее у Евы не было...

В жизни праматери были моменты страшного отчаяния, знала она и подлинную трагедию. Вынесла ли любовь Евы жалость к своему первенцу? Я не знаю. Но, видимо, какой-то урок Ева вынесла из этого, назвав своего третьего сына Сиф. Все началось для праматери сызнова: да — суете, да — плачу, но это надо было принимать и терпеть до самого своего смертного конца.

Я часто размышляю о Еве. Я люблю думать о том, как она была красива. Ее красою я просто горжусь! Ева была очень умна и глубока душой. Она обладала совершенной любовью к мужу. Есть, однако, в Еве одна особенность, вызывающая во мне странное чувство.

— О праматерь Ева, почему же ты не смогла рассказать детям о Боге? Ведь ты знала Его! Ты видела своего Отца. Слышала Его! Как же могло случиться, что ты не сумела передать детям

свое знание Бога?

Ева молчит, а между тем как мне необходимо ее слово! Кому же в мире дано просветить своим материнским духовным участием мою суету и мой плач о детях моих?

— О праматерь Ева, не можешь ты помочь мне в нужде моей. К Другой, удочерившей меня, обращаю я слова свои: «Взгляни же, Пречистая Дева, на еще одну неразумную дочь Твою. Что сделала я с детьми своими! В сердцах их нет огня любви к Богу. Да и вера-то есть ли в них? Помоги же мне, Госпожа моя! Попроси у Сына Твоего частицу этого огня. Хоть одну искру! Кроткий Сын Твой услышит мольбу Своей Матери. А меня пожалей, Госпожа моя. Проведи Материнской рукой по белеющим волосам моим. Возьми за руки и подними из праха... Я — духовная неудачница, так помоги же мне в духе Ты, о Всемиловитая Царица Царства Святых!»

...Вновь открылись светлые глаза Авеля:

— Мама, а там, где Отец, нет ли у меня еще одной мамы?

Ева печально покачала головой:

— Нету, сынок. Ни у тебя, ни у меня матери на небе нет. И никогда не ищи ее там, Авель! В Доме Отца моего нет никого, кто походил бы на жену. Человек обретает мать только на земле, а вместе с нею — и грех, и страдание, и смерть.

Авель заснул, не дослушав речей своей матери, а я — я вновь открыла глаза и посмотрела в ночное окно:

— Не забыть мне тебя, праматерь Ева! Первую трагедию материнства — не забыть. О Ева, вечная Ева, не умеющая помочь в духе детям своим...

Глава 4. Отодвинуть шкаф

Чедаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?

Так начинается третье, последнее послание Пушкина к Чаадаеву, написанное в 1824 году. В нем опровергается мысль, выраженная в более раннем, 1818 года, чаадаевском послании, где Пушкин писал о своих вольнолюбивых надеждах, связанных с падением русского самодержавия:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Видите, как просто поэт рассказывал о своем духовном пути: я был некогда таким-то и таким-то, но теперь стал иным. Посмотри, друг, на меня нового! Вот и я, перетряхивая свою старую книжку «Две моих свечи», признаю, что сейчас для меня тогдашние мысли о детской молитве кажутся весьма странными. Надо было учить детей молиться иначе. А вот как? Мое нынешнее убеждение таково: маленькие дети должны молиться Богу своими словами, и так должно быть у них долго, очень долго, и молитвы большие, взрослые, им почти не нужны в это время

совсем. У моих детей такого жизненного этапа в итоге не оказалось. Почему же это произошло?

Если скажу: от недостатка опыта, то это будет только часть правды. Ошибка моя заключалась в другом. Я исходила только из своих склонностей, из своего «хочу» и «нравится», мало сообразуясь с тем, что в данный момент понятно детям, к чему льнет их душа. Вот я, например: молитва для меня — это всегда некий текст (ну, что тут поделывать? — профессия у меня такая), вроде стихотворения, таящего в себе бездну смысла. С этой точки зрения мне интересна любая молитва, любой акафист. Чтобы понять молитву, нужны годы раздумий. А вот это-то мне больше всего в жизни и нравится — думать. Молитва дает моему уму пищу, которая не позволяет ему съесть самое себя.

Молитва из книжки интересна прежде всего тем, что она говорит о Боге. Мои недоумения, связанные с ней, — это как некие слоистые облачка, закрывающие от меня нечто важное. Это просто не выражаемое словами настроение, которое постоянно сопровождает молитву. Вот иду-иду по знакомому тексту, вдруг как бы замедлила шаг, вздохнула («не понимаю») и — дальше пошла. У меня такое чувство, будто эти недоумения прятать от Бога не надо. Их нужно оставлять на поверхности. Тут собственно и мысленной-то работы совсем не много. Простые недоумения. Но они есть, и это сознаешь. И вот однажды вдруг оказывается, что одно из твоих недоумений исчезло. Причем обнаруживается новое так: его как будто кто-то тихонько вложил в твою душу. Когда это произошло и как, не замечаешь. Только дивишься: а может быть, эта жемчужинка всегда была во мне? Очень уж она родная, очень уж своя. Ну, вот, одно недоумение рассеялось, но ведь осталось-то таких вопрошений море!

Вот молитва «Отче наш» — с виду проще не бывает, но на самом-то деле как она сложна и многослойна! По одной этой уму непостижимой простоте можно было бы догадаться: здесь Бог говорит о Боге. С самого начала эта молитва вся была «издырявлена» в моем сознании провалами немых вопрошений. Несмотря на это я знала: ее надо читать медленно, внимательно, постоянно. Молитву эту дал Господь Иисус Христос, значит, нужно исполнять то, что Он повелел.

Как же обрадовалась я, когда вдруг заметила: провалы моих недоумений начали, наконец-то, заполняться пониманием. И в один прекрасный момент я решила: «Все! Молитву Господню я поняла. Как она красива!» Прошло немного времени, и я опять начала спотыкаться в «Отче наш»: один провал, другой, третий... И вот я вижу: от возведенного мною здания не осталось и следа. Опять в моей голове одни вопросы. Но они уже другие, выросшие на моем более раннем понимании. Я пошла по второму кругу. Снова на место моих недоумений стало вдруг приходить понимание, и снова все начало собираться в чудную картину. И я подумала: «Ну, уж теперь-то я поняла в молитве Господней все». Но это была ошибка. Опять под моими ногами начала осыпаться зыбкая почва. На этот раз провалы «издырявили» чудную молитву лишь в нескольких местах. Кое-что осталось в моем понимании незыблемым (может быть, лишь на время). И вот теперь я шагаю по этому кругу в третий раз. Сколько же у меня ушло на все это времени? Считая с момента Ваниного крещения — восемь лет, а я все еще в пути, и есть ли у него конец, не знаю.

...Стоит человеку о чем-то написать, как это что-то буквально испаряется из его души. Захочешь вернуть назад и — не сможешь. Молитву, которую вынесла на базар, обратно в свою душу не возьмешь. Об этом и Господь говорил: «И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Один на один с Богом, втайне надо молиться, а не на глазах у десятков тысяч. Боюсь, боюсь вконец обнищать. Ведь есть же у нас Молитвослов! В нем христианскому народу дан хитрый такой намек: свои молитвы таи как наидрагоценнейшие, а чужие — вот они, почитай. По моему убеждению, молитвенные книги в Церкви дают Божьему народу возможность сохранить духовное целомудрие. Как-то уверенней себя чувствуешь, когда, взяв Молитвослов под мышку, ускользаешь с глаз долой в свою тайную маленькую келию.

Вернусь к картине вечерней молитвы с детьми, воспроизведенной мною в «Двух Свечах». Что здесь неверно? Да почти все. Зачем детям знать много молитв? Мой Митя обладает роскошной памятью, на которую все ложится само собой. Ну, и что? Много ли он в этом понимает? В моей голове такие вопросы тогда не задерживались. Я была углублена в саму себя. Мне интересно, а детям?

Да, я им что-то объясняю в молитвах, рассказываю, читаю по книжке. Ну, запоминают дети. Могут что-то сказать об этом сами. Много ли это? Мало, очень мало! Я хочу другого. Мне надо, чтобы в их душах горел маленький молитвенный огонек. Чтобы дети к будничным делам и нуждам прикладывали свою простую немногословную молитву, взятую не из книжки, а из души. Зачем мне это нужно? А затем, что если в них — рано или поздно — разгорится молитвенный огонь, то они останутся в Церкви Господа навсегда. И ныне и присно и во веки веков. Аминь. По слову пророка Иоиля: «И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Вот центр кружения моего материнского сердца: пробудить, пробудить к молитве детское сердце! Но у меня это не получилось. И не получается. А почему?

Дети были совсем маленькими, а сколько больших, взрослых молитв они услышали! Слава Богу, у меня хватило ума не ставить их рядом с собой на молитву: лежите, слушайте, смотрите. Вплетите в то, что я произношу, свой нежный детский голосок. От неумения так можно было делать: это нетрудно, нескучно, ненадоедно. Здесь есть даже один маленький плюсики (Митин детский вопрос: «Мама, а почему плюс — это всегда крест?»). Мимо детей человек каждый день пронесет рассыпающий искры огонь. Одна из них может затаиться и в детском сердце. Только при одном условии: если это был живой огонек. Тогда, по прошествии какого-то, возможно, очень длительного времени давняя искра разгорится и станет пламенем. Значит, надо ждать. Но вот сейчас-то я смотрю и думаю: есть ли в моих детях маленькая искорка молитвы?

Я пришла вот к какому выводу: молитвенное внимание детей нужно экономить. Это очень краткие, драгоценнейшие минуты. Так к ним и надо относиться — как к драгоценности. Самой жизнью я была подведена к необходимости введения жесточайшей молитвенной экономии. Если много-много хвороста сложить в одну кучу, а потом поджечь, то костер, скорее всего, сразу не загорится. Растопочка должна быть маленькая, сухонькая, аккуратненькая.

Мысленно я перебрала множество молитв и, скрепя сердце, отказалась почти от всех. Сквозь мое сито не смогли проскользнуть только две: «Отче наш» и «Богородице Дево» (в этом решении, знаю, я не оригинальна). Почему детям нужны именно эти молитвы?

Во-первых, им необходимо звание к Той, Которая по-Матерински лелеет росток духа в душе человека. Когда я думаю об этом счастье — о возможности обращения к Святой Деве, одаренной от Бога совершенной Материнской любовью, то всегда почему-то начинаю горевать о ветхозаветном Израиле. Как он жил без материнской духовной помощи? Трудно было Иакову. После Рождества Христова мир изменился. Постепенно он стал похож на горницу, обихожную женской рукой. Хотя ведь женская рука построить-то эту горницу не может, а вот обиходить ее, приукрасить, почистить — это ей вполне по силам.

Что еще влечет меня к молитве «Богородице Дево»? Когда дети слышат каждый день слова, благословляющие «плод чрева» Богородицы, то это, как я надеюсь, должно удерживать их мысль в представлении о святости того, что связано в жизни с деторождением. Среди современных мерзостей, «просвещающих» детей, непонятным для меня образом сохраняется чистота их сердец. И не потому, что они о чем-то не знают. К сожалению, знают. Их удерживает что-то другое.

Молитва «Богородице Дево» мне лично дает надежду на то, что я сумею воспитать в детях правильное отношение к их будущим семьям. «Плод чрева» — он от Бога. Это источник радости, это плод спасения, говорить о деторождении хульно, нечисто, — нельзя.

Вот мы идем по лесу и слышим пение птиц. Я говорю детям:

— Птицы поют, когда ищут свою пару, выют гнездышко, выводят птенчиков. Это дело молодое, веселое. Вот они и поют.

Смотрим по телевизору польский свадебный обряд, заключающий забавный детский сериал под названием «Четыре танкиста и собака»:

— Видите, как весело поют на свадьбах! И понятно почему. Вдвоем-то намного веселей, чем в одиночку. Потом двое будут строить свой дом. У них родятся детки. А детки — это же так здорово! Вот посмотрите на самих себя. Вы у нас хорошие, славные. Без вас мы бы с папой просто умерли от скуки!

И еще:

— Вы девочек не обижайте, а то вам Бог хороших жен не даст. А уж о тех мальчиках, которые при девочках грязными словами ругаются, я и не говорю. С ними, наверно, так и случится. Будут у них жены пьяницы, гулены, нахалки.

Мир семьи для меня — это мир молитвы «Богородице Дево». Для меня это так.

С молитвой «Отче наш» все обстоит намного сложнее. Иногда мне кажется, что ее глубина не может быть доступна детям. Но так ли это?

В нашей семье существует тетрадь под названием «Сам себе режиссер». В нее мы записываем разные смешные случаи с детьми. Попадает туда и нечто трогательное, поучительное и даже героическое (например, чистый подберезовик высотой двадцать пять сантиметров, найденный некогда Митей). Недавно я обнаружила в этой тетради запись о событии, совершенно забытом мною: «У Мити заболел дружок, и ему сразу стало скучно: играть-то не с кем.

— А ты помолись о нем, чтобы он поскорее выздоровел.

— Хорошо, — ответил Митя. — Я помолюсь о Пашке молитвой «Отче наш», потому что она самая добрая».

Если ребенок способен понять это, значит молитва Господня открыта и ему. Она ведь, действительно, самая добрая. В ней нет «страшилок» («и от этого избавь, и от того»), которые сами по себе могут испугать маленького человека, еще и не ведающего о подобных страхах. О зле всего мира сказано в молитве Господней несколькими словами: «И избави нас от лукавого». Сатана даже назван здесь как-то нестрашно: лукавый. Будто эта молитва специально выговаривалась и для маленьких и для больших.

Что потребно ребенку в духовной жизни? Нужен Отец. А еще: материнская поддерживающая рука. И память о Господе Иисусе Христе, в Церкви Которого он живет. Вот эти потребности и должны определять, как мне кажется, вечернюю и утреннюю молитву маленьких детей.

Изменения в молитве — это один из показателей перемен, происходящих в духовной жизни человека. А вот как он растет в духе? От Апостола Павла мы знаем, что в человеке есть некое духовное тело. Это выражение удобно, когда приходится вести речь о его духовном росте. Как же это происходит у ребенка? А вот как: медленно, очень медленно растет дитя в духе.

Господь вопрошал Своих учеников: «Да и кто, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» То же самое можно сказать и о духовном теле человека. Вот давайте все вместе соберемся вокруг одного-единственного ребенка. Зачитаем его молитвенными правилами донельзя. Из церкви на улицу совсем не выпустим. И что получится? Вред, несомненно, будет, а вот духовного роста на волос не прибавится. А что если попробовать мне? Вдруг я удачливее, разумнее, речистее? Начну твердить, притопывая от нетерпения ногами: «Деточки мои, растите, растите духовно. Кому говорю!» А они не вырастут от моих слов ни на мизинец. Потому что это не в моей власти — духовный рост человека. Духа дает ему только Бог. Дает не мерою. А как дает? И за что?

Мне скажут: «Ну, если ты пришла к выводу, что духовный рост ребенка вроде бы как не зависит от усилий матери, то зачем же ты пишешь эту книгу? Вот мы все сядем на диван и, любуясь на своих деток, будем ждать у моря погоды. Так, что ли?»

Так, да не так. Когда-то я думала, что в духовной жизни дети кругом зависят от меня. От моей молитвы. От желания приучить их к Церкви. От моего покаяния. Наконец, от моего просветительского (о, как громко звучит!) слова. А оказалось, что есть еще что-то, не учтенное мною. Это мера духа, которая — у Бога. Его замысел и Его воля. Рождение ИМ человека. Здесь речь идет о любви, исполненной жгучей ревности: кому принадлежит это дитя и кто спасает его? Я или — Господь...

Немыслимо красива человеческая душа. Я хотела бы прикоснуться к ней, потому что догадываюсь: это прикосновение нежнее нежного, милее милого. Ходит дьявол вокруг красавицы-души. Он может ее изувечить, испоганить, убить. Только вот обручиться ей он не может. Красавица «Песни песней» создана для Другого. О душе каждого из людей пропета эта чудная библейская книга, любимейшая из любимых мною.

Моя материнская любовь ревнива. Мне трудно делиться с кем-то. Я хочу любить и жалеть, миловать и спасать. Но ведь так же, как и я, и более ревниво, чем я, любит моих детей Господь Бог. Он хочет спасти их Сам. И чтоб я знала: Господь Иисус спас их. Кому-то такое открытие дается просто, а вот мне — кровью сердца. Оказывается, дети мои принадлежат только Богу, который и может спасти их. Или... Не могу говорить дальше. Здесь мое женское сознание отключается, и я как бы уже ничего не вижу впереди себя. Потому что дальше — край адской пропасти. И, отворачиваясь от нее, я беру в ладони свое материнское сердце и кладу его к подножию Креста: «Господи, спаси Ты детей моих. Ты можешь, и Ты хочешь этого. И я бы хотела, но я не могу».

Смирение матери. Если кто-то думает, что отсюда начинается благостный покой, тот ошибается. Крест мой со мною. Я несущу его, робея перед волей Божьей, которая, как оказалась, в этом мире — ВСЕ.

Красота Невесты Единственного Сына Бога восхищает меня. Я хочу, чтоб она была так же красива, как и ее Жених. Все самое прекрасное в мире мысленно отдано мною Ему. Только вот

какое отношение может иметь к этой красавице моя душонка, не знаю. Иногда я начинаю смотреть на свою особу каким-то сторонним взглядом. В такие минуты я готова собственной рукой вышвырнуть себя с брачного пиршества, приуроченного для Жениха в Его чертоге. Ну, эту-то грязную чернавку мне не жаль, а — детей? Я хотела бы встать на свои ноги пред Богом истинной красавицей, но не знаю, как ею стать. Это — о себе, а о детях-то что я знаю? Как я могу приукрасить их? Мне ответят: «Вот — ты ходишь в церковь, водишь туда детей, молишься о них. Вы исповедуетесь, причащаетесь. Не бросаете Церковь. Что же ты еще ищешь?»

Да вот — что-то еще мне нужно. Я смотрю на детей и думаю свою непростую материнскую думу: «Мои дети должны стать красивы и вожделенны для Бога, чтобы Он захотел их оставить Себе навсегда. Они должны вырасти в духе сами». Вот именно — сами! Человек физически ли, духовно ли растет всегда только сам, и никто не может сделать этого вместо него. Даже мать родная не в состоянии занять его место под солнцем. Вот как об этом рассказывает библейская Песнь песней: «Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам будет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее? Если бы она была стена, то мы построили бы на ней палаты из серебра; если бы она была дверь, то мы обложили бы ее кедровыми досками. Я — стена, и сосцы у меня, как башни; потому я буду в глазах его, как достигшая полноты». Видите: если в духе человек не созрел для любви, то как бы и подправить что-либо в нем уже невозможно. Все человеческие ухищрения оказываются тогда напрасны.

Духовно каждый человек вполне самобытен. Одна давняя моя собеседница сказала об этом так:

— Однажды я думала о Царствии Божиим. Размышляя о нем, люди всегда смотрят вперед — на Начальника жизни, а я вот почему-то оглянулась назад. И просто ахнула от восхищения! Какое разнообразие красивых лиц! Все они и узнаваемы и единственны. Как же счастливы будут люди, живя среди этого прекрасного народа!

Даже единственный момент, когда душа была вполне прекрасна пред Богом, не может изгладиться из духовной судьбы человека. А когда это было? И что было прекрасно тогда — одежды рукотворные, выпретенные слова и чувства? Да нет — просто человек, выросший из самого себя. Как та незрелая дева, о которой вздыхает возлюбленная героиня Песни песней: только из своего собственного духовного тела, только из самого себя, только из того, что дал человеку Отец.

Как же растут в духе дети? А как во сне: «Заклинаю вас, дочери Иерусалимские, сернами или полевыми ланями, — говорит в Песни песней Жених, — не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно». Какой кроткой любовью дышат эти святые слова! Не наше неумное беспокойство и не наши крики разбудят эту убаюканную в Господе душу. Пока она тянется к солнцу, еще и не подозревая, что ей придется искать Бога. Что-то особое связано с Ним. Любовь, о которой ребенок и не подозревает: «Я сплю, а сердце мое бодрствует; вот голос моего Возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!..» Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел. Души во мне не стало, когда он говорил; я искала его и не находила; звала его, и он не отзывался мне». И побежит тогда вслед за Ним влюбленная душа по улицам Иерусалима. Будет ночь. Ее встретят побои и насмешки стражников. Даже самой себе она покажется нелепой в растрепанной одежде, без покрывала на голове. Чьи-то голоса будут окликать ее: «Чем Возлюбленный твой лучше других возлюбленных?..» И она будет отвечать им. У Иерусалимской странницы не будет провожатого, и она добежит до брачного чертога своими собственными ногами.

Для чего я все это написала? А чтобы женщины наши не зазнавались. Да, мы водим своих деток в церковь, молимся с ними, но наиглавнейшее дело своей жизни делают дети сами. И спасаем их не мы и даже не молитва наша, а Господь, если есть на то Его святая воля. На страже красоты возлюбленной невесты Сына стоит Отец: «...да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Небесная Невеста Сына будет невообразимо красива, как того и желает Его Отец.

А от меня в этом мире зависит немного. Вот моя обыкновенная материнская рука. Я ею и шлепка лишнего сыночку дам, и за ухо в раздражении дерану, и приласкаю некстати, и скромное на Страстной подам, если будет на то мне указание от «домашнего начальства». Но вот я протягиваю свою руку к сыну и говорю ему:

— Пойдем, голубчик, в церковь. Нынче у нас хороший праздник. Тебя там ждет Господь. Он будет рад, если ты придешь в Его храм.

И возьму я сыночка за руку и пойду с ним в церковь. Вот и все, что я могу сделать в этом мире. А спасение его души — это другое. Оно от Господа, потому что дети мои, как и я, — грешники.

Странное название я дала этой главе: «Отодвинуть шкаф». Я взяла это выражение из книги В.В. Розанова «Апокалипсис нашего времени» (1917-1918). В ней есть мучительно бередящий душу образ современной писателю Церкви, как бы придавившей подобно шкафу живую человеческую жизнь. Она бьется под ним, бессильная сдвинуть вековую громаду... Под такой «шкаф» можно и сейчас запихнуть своих детей. Церковь — это ведь не детское дело. Она очень взрослая. Посмотрите: Православие на протяжении веков не создало ни одной специальной детской молитвы. В свое время этому очень удивлялся Розанов. В одном из писем к К.Н. Леонтьеву он рассказал о том, как готовил своих детей к поступлению в гимназию. Ее программа предписывала мальчикам и девочкам 9-10 лет знание большого количества молитв, среди которых был даже 50-й псалом, излившийся из души Давидовой после совершенного им двойного греха — прелюбодеяния и убийства. Тяжелый, покаянный настрой этих молитв поразил Розанова. Зачем они ребенку? Да упаси Бог расшатывать рефлексией неокрепшую детскую душу, без нужды углубляя ее эмоциональную сферу!

В русском веке меня страшно поражает обилие несчастных людей (я имею в виду образованное сословие). Вот вроде бы и печалиться не о чем: квартирных проблем нет, с финансами более или менее нормально, семья есть, человек не одинок, слуги есть, а все почему-то мучаются. В русской литературе, мемуаристике, эпистолярном наследии редко-редко можно рассмотреть счастливое лицо. Такое впечатление вынесли после первого знакомства с нашей классикой (Толстой, Тургенев, Чехов, Некрасов) и мои дети. Они туда, назад, не хотят. Им в наше время больше нравится. Ну, а где мои дети, там и я. Рядом с ними сошел на нет мой идеализм, приукрасивший в свойственном мне восприятии старую дореволюционную Россию. В людях XIX столетия меня вовсе не восхищает их душевная утонченность. С ней чаще всего связано тяжкое страдание. И «шкаф», о котором написал Розанов, имел отношение к этой тяготе... Если кто хочет, может нырнуть под него снова, а я — нет, не хочу. И детей своих туда не пушу! Они еще маленькие, и им 50-й псалом не нужен. Кто-то скажет, скосив на меня глаза: «Время у нас нынче секуляризованное. Люди слабые, молиться не умеют. Живут кое-как, без устава, по своей воле». А я скажу: «Знаете что, ребята, Церковь — это огромная радость. Учитесь жить в ней весело. А знать Бога — это вообще невообразимое счастье! Вот и давайте жить в Церкви радостно, посылно и счастливо».

Однажды на Светлой неделе я отпустила детей в музыкальную школу на пасхальный спектакль. Он был подготовлен протестантской миссией. Спектакль затянулся, и я пошла за детьми в музыкалку. Представление было в самом разгаре. Присмотревшись к тому, что происходило рядом с залом, я просто задохнулась от зависти и возмущения. По коридорам

музыкалки друг за другом, играя, носились красивые, здоровые, молодые парни и девчонки. Побегают, побегают, а потом юрк в артистическую и на сцену — попеть под гитару про Господа Иисуса Христа. Песенка кончается, и они опять весело мелькают перед моими глазами. Все эти ребята были с нашего и соседних дворов. В Православной церкви я их никогда не видела. Но вот — поют же о Боге, значит, им какое-то слово о Нем нужно. Или только английский язык, который они успешно изучают в этой миссии?

Когда я смотрела на этих цветущих молодых людей, мне хотелось в одном богатырском порыве взять их всех в охапку и перенести в нашу церковь. Я бы эту молодятину поставила посереде храма (ах, как бы там сразу стало красиво!) и сказала ей:

— Вот ваше место. Ну, что вы ищите в этой миссии? Там же ничего нет. Стойте лучше здесь, а станет невмоготу, так вон носитесь вокруг храма друг за дружкой. Только, пожалуйста, не уходите никуда из Православной церкви! А то у нас все старые старушки да малые несмышленные ребята. Да еще такие задумчивые особы, вроде меня. А мне хочется, чтобы православная церковь сияла молодыми радостными глазами! Самое бы время развести у нас в храме ладненьких, как вы, женихов и невест.

И почему эта молодежь не с нами? Может быть, ребята просто боятся тяжелого-тяжелого, допотопного «шкафа»? Так ведь все зависит от взрослых. Об этом и речь.

Глава 5. Знают ли Бога дети?

Он опыт из лепета лепит

И лепет из опыта пьет...

О. Мандельштам

Сажу за письменным столом, уткнувшись в книгу. Распаренный от беготни Ванюшка останавливается за моим плечом:

— Мама, а это кто такой страшный?

— Идол. Его археологи в земле нашли.

— И как это людям было интересно молиться на такого козла? Сделали бы лучше себе какого-нибудь человека покрасивее да и молились на него.

— А от этого ничего бы не изменилось. Идол он и есть идол.

— Верно, — задумчиво протянул Ваня.

А потом тряхнул своей мальчишеской головой и решительно произнес:

— Зачем что-то выдумывать? Бог ведь и так красивый.

Глянул на меня глазами, в которых я не увидела ни лукавинки, и побежал дальше, стреляя из своего любимого автомата.

Интересно, а откуда Ванька знает, что Бог красивый? Часто я задаю себе подобные вопросы, потому что слышу от детей слова о Боге, которых я им не говорила. Они приходят к ним откуда-то изнутри, из самих себя. Почему? Да потому что в Церкви Христовой Отца знают все

Его чада! Убеждена в этом. Иначе я просто не понимаю: зачем мучить себя какой-то по-особому трудной церковной жизнью? Мне скажут: в надежде на будущее блаженство. Ну, а если его у меня не будет? По грехам моим? Может ли быть так, чтобы Милостивый Господь хоть где-то да не одарил меня счастьем? Знать Бога — это ведь очень много. Таким счастьем и обладают в Церкви все люди. По слову пророка Иоила: «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения».

Иногда мне хочется подойти к человеку в церкви и сказать ему:

— Давай с тобой богословствовать.

А человек мне в ответ:

— О, это так высоко! Куда мне. Я не умею.

— Нет, ты умеешь. Богословие — это просто слово о Боге, которое можешь сказать ты лично.

Человек смешается и начнет рассказывать о бывших с ним случаях, чудесах. В основе этого рассказа будет лежать поразительно простая богословская мысль: Бог Добрый. Он Живой. Он Милостивый. Он меня видит, слышит, подает помощь. Вот истинная правда! Знать это — огромное христианское счастье, доступное, к сожалению, далеко не всем на земле.

Сколько я слышала поразительных слов о Господе от своих детей! Это бывает не очень часто и, как я заметила, в особенно отчаянные для меня минуты. Как будто кто-то подбадривает меня их невесть откуда взявшимися словами: «Ну, не унывай ты. Прибодрись! Бог помнит о тебе и твоих детях». Тихонько ступая, я отхожу немного в сторону, дабы полюбоваться открывшимся мне: «Господи, Ты — лучший в мире воспитатель». Я стараюсь посторониться, чтобы яснее видеть то, как Господь поднимает к солнцу нежные и слабые ростки.

У маленьких христиан знание Бога немногословно, просто и ясно. В идеале молитвенная жизнь детей должна была бы соответствовать их боговедению, но вот как этого достичь (и возможно ли это вообще), я не знаю. Важно прислушиваться к их разговорам, недоумениям, вопросам и — реагировать на них.

Вот один из наших самых ранних «богословских» диспутов. Сидели дети как-то в комнате за столом, рисовали и беседовали о чем-то своем. Вдруг трехлетний Ваня, ни с того, ни с сего, заявил своему шестилетнему брату:

— Я люблю Бога.

— Нет, я люблю Бога, — ответил ему Митя.

— А я люблю Его больше, чем ты!

— Нет, я больше, — не сдается старший.

И пошла перепалка: «Я, я, я!..» — «Нет, я, а не ты!» Наконец, Ваня решил обновить тему:

— Митька, а Бог — это Дед Мороз.

— Ты что, Ванька! Бог — это совсем не Дед Мороз. Это другое.

— Нет, Дед Мороз!

— Нет, не Дед Мороз!

Спорили они спорили, наконец, Митя не выдержал и закричал, вызывая меня с кухни:

— Мама, иди сюда! Скажи ты этому Ваньке, что Бог — это совсем не Дед Мороз.

Я пришла и завела свою волюнку:

— Митя прав. У Бога даров несравненно больше, чем у Деда Мороза...

Тут уж не выдержал Митя:

— Ты что говоришь, мама? У Деда Мороза намного больше подарков, чем у Бога.

Я махнула рукой и пошла смеяться на кухню. Сейчас, правда, мне уже не до смеха, потому что вопросы детей о Боге и мироздании — это чрезвычайно трудная вещь. Я бессильно барахтаюсь в них, хватаясь за любые житейские обломки. А иногда и предпринимаю хитрые маневры, чтобы хоть на время уйти от них. Вот как здесь:

— Мама, а почему Бог не уничтожит за один раз всех бандитов?

— Однажды все именно так в жизни и произойдет, и зла в мире больше не будет.

— Это после Второго Пришествия?

— Да.

— И что же, до этого времени так добрым людям и мучиться? Бог разве не может привести мир в порядок уже сейчас?

Я начинаю что-то многословно объяснять Мите, а потом вдруг замолкаю. После паузы я говорю ему:

— Я это внутренне понимаю, но объяснить тебе не могу. Я только хочу, чтоб ты знал: Бог зла не творит. Он очень Добрый. Ты помни это всегда.

— Ну, хорошо, я это запомню. Но Бог, что ли, не властен над миром во всем?

— Властен. Он сильнее всех. Он самый главный в мире. И рано или поздно это узнают абсолютно все. Потому что зло не вечно, а Бог вечен.

— Я что-то не понимаю...

— А ты думай об этом и со временем поймешь. Это, пожалуй, самый сложный вопрос: почему в мире так много зла? На это просто не ответить.

Другой разговор:

— Мама, а что Бог делает на небе?

— Вообще-то Бога в Его Доме не видел никто. Говорят, что этот Дом сокрыт от всех то ли непроницаемым светом, то ли мраком, то ли сумраком. По-разному об этом говорят. Но вот я лично думаю, что более интересной жизни, нежели эта тайная жизнь Бога, нет ни у кого. Вот возьмем тебя. Ты у нас сейчас увлекся компьютером (возможно, это со временем у тебя

пойдет). Мечтаешь быть программистом. «Мне кажется, — говоришь ты, — с компьютером невозможно соскучиться. Какой-то он неисчерпаемый». А что тебе в нем интересно? Возможность узнавать новое, делать что-то самому, видеть результат. Наконец, игра. Это, между прочим, называется творчеством. А посмотри на мир. Еще недавно ты мечтал быть физиком. Вот попробуй узнать все действующие в мире законы. Человеку это невозможно! И вот этот огромный неисчерпаемый мир создал Один — это Бог. Он знает его весь. Держит мир в Своей воле: и нас с тобой, и твой компьютер, и все законы физики, и нашу семью, и твою школу, и Ваню, и всех-всех людей. Я уж не говорю о том, как это все живет в мире Бога. Какое же это интересное явление — жизнь Бога! Одно из Его имен — Творец. А увлекательнее творчества, вот увидишь, другого дела в мире ты не найдешь.

И еще:

— Мама, а чем отличается наша вера от другой?

— Тем, что она говорит о Боге максимально возможную на земле правду. А это страшно важно! Вот я, например, начну говорить о твоих белокурых волосах и голубых глазках. Тебе это понравится?

— Нет. Я не Ваня.

— Видишь, как нам не хочется, чтобы нас с кем-то путали. Ведь ты, в отличие от Ванечки, кареглазый и темноволосый. Вот также и о Боге. О Нем нужно говорить только правду. В Евангелии сказано, что Отец ищет себе поклонников, которые могут поклоняться Ему в духе и истине. Что означает слово «в истине»? Бог ищет на земле таких людей, которые захотят Его увидеть Таким, Какой Он есть. Вот не сказочки какие-то там, не мифы и легенды о Божестве: дескать, во всех религиях говорят об одном и том же Боге. Это не так. По-разному говорят, а Бог Такой, Какой Он есть. И уж если это было открыто людям, то нечего в угоду всяким басням кривить свое слово о Боге. Нужно правду о Нем сохранить. Вот это и происходит в Христианской Церкви. Если человек живет в ней, то он может узнать Бога и убедиться в том, что слова о Нем, которые он слышит в храме, — истинная правда. А мысли о Боге человеку хватает на всю жизнь. С ней соскучиться невозможно. Уж ты поверь мне.

Вопросы о других Церквях всплывают в моих разговорах с детьми вновь и вновь. Однажды я проанализировала приятельское окружение старшего сына и с удивлением обнаружила, что в нем совсем нет православных детей. Были ребята из многодетной адвентистской семьи, мальчик-лютеранин (тут корни уходят в знаменитый на всю Россию дворянский род немецкого происхождения), евангелисты («Церковь Надежды»). В престольный праздник я как-то угостила детей-адвентистов пирогами, не удержавшись при этом от слова о чудотворной Казанской иконе Богородицы. Больше этих детей мы не видели: им запретили приходить к нам родители. А жаль, это были очень хорошие, на редкость воспитанные дети. Так что о других церквях или сектах говорить мне приходится достаточно часто. Но вот как это делать? Все зависит от предмета беседы: о добром — по-доброму, о злом и глупом как о злом и глупом. Урок такого рода был дан мне однажды старшим сыном.

Неподалеку от нашего дома находится кинотеатр, некогда бывший лютеранской церковью. Я как-то рассказала об этом детям, показав на стенах красивого здания следы сбитых распятий. Мы немножко порассуждали о том, где нам впоследствии придется смотреть кино, когда здесь снова откроют храм. И вот однажды, глядя на пышные цветочные клумбы, разбитые рядом с этим кинотеатром, Митя сказал мне:

— Мама, а я знаю, почему здесь цветы.

— Почему?

— Ты же сама говорила, что здесь раньше была церковь. А где церковь, там всегда цветут цветы.

И я тихо сказала ему в ответ:

— Ты прав, Митя. Где церковь, там всегда цветы.

Как давно это было! Суждения моих детей о вере и Церкви становятся со временем все серьезней и серьезней. Я усиленно работаю веслом, пытаюсь подгрести на своем утлом челноке к берегу, не потопив по дороге Мити-Ванины лодочки.

— Мама, а о Духе Святом нельзя говорить ни «Что», ни «Кто». Должно быть третье слово — посередине.

— А почему же нельзя о Нем сказать «Кто»?

— Потому что Он неодушевленный.

— Как это? Святой Дух и вдруг — неодушевленный?!

— Да! Именно так. Кто Отец и кто Сын — это я понимаю. А Святой Дух — Он же не такой, как Они. Для него должно быть придумано какое-то третье слово — посередине.

— Давай я тебе расскажу, как я это понимаю. Вот есть где-то в мире Дом Бога. Там, действительно, живут Те Двое, Которых ты знаешь, — Бог-Отец и Бог-Сын. Большой ли это Дом, никому не известно. Правильнее было бы сказать большой, но к тому миру, где живет Бог, неприложимы понятия «большой» или «маленький». Там даже времени-то нет! Но мы с тобой давай будем думать, что Дом Бога — огромный-преогромный. И вот Святой воздух этого Дома, его свет, тепло, то есть Жизнь Тех, Кто в Нем живет, — это и есть Господь Святой Дух.

— Ну, вот видишь! Значит, я правильно сказал: Он не «Кто» и не «Что».

— Послушай меня еще. Вот давай посмотрим на наш мир. Как людям хочется, чтобы в нем все было живое: деревья, горы, реки. Да сама земля, наконец! Когда-то давным-давно даже придумали какую-то мировую душу, которая будто бы оживотворяет всю природу вокруг нас. Помнишь, вам в школе рассказывали о том, что цветы способны влюбляться, думать, страдать. А это не так! Они растут, тянутся к солнцу, наверно, хотят жить, но это совсем не та жизнь, которую хотел бы наделить их человек. Это ведь было бы огромным счастьем: жить в мире, где все разумно, где все по-настоящему живо. Вот именно таков и есть Дом Бога...

— Мама, там, что ли, растительность есть?

— Нету, наверное. Только в этом Доме, Митя, нет и ничего мертвого и ничего неразумного. В Доме Бога все живое. Святой Дух — это жизнь Святой Троицы. Это Ее мир. Как бы природа Дома, где живет Бог.

— Вот-вот! Именно поэтому Он не «Кто» и не «Что».

— Подожди. Когда-то мы разговаривали с тобой о том, что такое счастье. И ты, шестилетний тогда, сказал мне: «Я буду счастлив, если пойму, как летит ракета». Вот представь себе: ты вырос и занялся интереснейшим в мире делом — ракетостроением. Снаряжаешь ракету, и

вдруг тебе пришла в голову идея: отправить на этой ракете к далекой-далекой звезде кусочек земного мира. Ну, принесешь ты на нее что-то из фауны, что-то из флоры, какие-то минералы... Однако много ли может рассказать этот багаж о Земле? Разве она вся тут? Однако для того, чтобы перебросить даже этот небольшой кусочек нашего мира на другую планету, нужна мощная ракета. А тут — никакой ракеты, а просто чудесным образом до человека вдруг долетает кусочек таинственного Божьего мира. Он начинает вдруг дышать святым воздухом, которого вообще-то в этом мире ведь нет. Но человек вдохнул его, и вот результат: он начинает знать жизнь Бога-Троицы. При этом у Святого Духа есть способность лнуть ко всему, что в мире прекрасно — к милому, нежному, благородному, самоотверженному. К тому, что похоже на Отца и Сына. К тому, что Они любят. Поэтому Иисус Христос и говорил: «Дух дышит, где хочет». Значит, Святой Дух обладает, помимо жизни и разума, еще и волей. Как же в таком случае о Нем можно сказать «Что»?

— Третье, третье слово должно быть! Не «Что» и не «Кто». Ты мне все неправильно объясняешь.

— Ну, думай сам. Ищи это третье слово. Я только хочу сказать тебе вот что. О Святой Троице думать очень интересно. Ты ее не дели, потому что Бог неделим. Ты просто посмотри в каждое из Трех Его Лиц и постарайся понять, что Отец — это Отец, Сын — это Сын, а Дух Святой — это Дух Святой. И запомни Их Такими, Какими они живут в Своем Доме.

Вот так я разговариваю со своими детьми о Боге. Если ученые богословы поставят мне за этот урок двойку, я не обижусь. Скажу лишь в свое оправдание, что и эта-то оценка далась мне немалым трудом.

Иногда я встречаю в церкви людей, разговор с которыми заставляет меня вспомнить слова героини из одной детской сказки: «Ты — Гудвин, великий и ужасный, а я — Элли, маленькая и слабая». Да, я — маленькая и слабая женщина, но я хочу знать Бога! Мне скажут: «Да ты не достойна этого! Ты — грешница. Как можно Его знать? Ты сначала научись молиться, очисти свое сердце, съезди к старцам в монастырь. А лучше всего думай до самого своего смертного часа, что знать Бога ты не можешь». Что мне ответить на это? Лишь одно: «А зачем же тогда Отец дал Своего Святого Духа? Зачем в Церкви все Им дышат? Чтобы люди знали Бога — вот зачем».

Некоторые думают: «Вот съезжу я в такой-то монастырь, поклонюсь чудотворной иконе, найду себе духовного отца, переменю одежду, перестану стричь косу, воцерковлюсь окончательно и — начнется моя подлинная христианская жизнь». А она ведь уже давным-давно началась. Человек в Церкви, он верует в Бога и, значит, живет Им.

Одна строгая пожилая женщина сказала мне как-то в храме:

— Я все время за вами наблюдаю, и вот что заметила. Вы с детьми уходите с Всенощной сразу после помазания, не дождавшись ни его окончания, ни благословения священника. Эх, не боимся мы Бога! Ведь Он может за это наказать и ваших детей, и вас.

А я ей на это ответила:

— За что Бог наказывает меня, это я не ведаю, а вот что Он меня беспрестанно милует, это я знаю доподлинно.

Знание Бога как Милующего и Любящего Отца доступно в Церкви абсолютно всем — как маленьким, так и большим. Это боговедение живет и в детях-христианах. И еще: может быть,

это то самое масло, от которого некогда будут затеплены в наших лампадках огоньки, способные разорвать посмертный мрак (я имею в виду Притчу о десяти девах). Желание увидеть, увидеть, увидеть Жениха! — вот для чего нужны они. Если мы знаем, что Он красив, что Он милует и любит нас, что там, за порогом брачного чертога — конец ночной иерусалимской улице, то мы добежим до Него, освещая последний отрезок пути светом наших скудных лампад. Как трудно среди горестей и скорбей земных сохранить в себе память о Милующем Боге! Поэтому и делиться-то пяти разумным девам будет нечем. Едва-едва на донышке их ламп спасительного елея... Много не накопить. А вот собирать-то бы надо его с детства, постоянно возгревая в себе память о Любящем и Милующем Отце Сына.

Глава 6. «Диоклетиановское гонение»

Как я радуюсь, что в Русской Церкви конца XX века так много наполовину христианских семей! Неверующие люди, живущие в семьях рядом с христианами, — это гарант успеха дела Церкви. Мне кажется, что им Промыслом Божиим вручено наитруднейшее дело: сдерживать излишнюю резвость столь похожих на меня людей — современных христиан, малоопытных, наивных, экзальтированных. Ведь оставь они свое неверие, в какие бы эмпирии мы вдруг залетели! В какую бы ямину провалились! Какие бы страшные увечья нанесли своим детям! Невер, живущий рядом с современным христианином (или христианкой) достоин гимна.

Вот одно из моих любимых размышлений. Опять же, вспомнив Апостола Павла, подобно ему — «в безумии говорю»: возьмет Господь Иисус Христос на Страшном Суде меня с детьми и поставит одесную Себя. Но кто же в мире, кроме нашего любимого неверующего папочки, сделал нам столько добра?! Он деньги на семью зарабатывал, кормил-поил нас, заботился, гвозди, где надо, прибывал, утюги да розетки чинил. И где же он сейчас? Это все, конечно же, как бы понарошку сказанные слова, но здесь мое глубокое размышление. Мое недоумение. И моя надежда.

Мне кажется, что в глаза неверующего родного человека нужно смотреть неустанно, надеясь именно от него получить ответ на очень важный вопрос: правильно ли я живу? Преп. Силуан Афонский писал: «Брат мой — это моя жизнь». На челе родного неверующего человека мы читаем приговор себе — жить или умереть. Если он не счастлив уже сейчас, то зачем тогда весь этот огород городить? Его, бедненького, за неверие, может быть, лютый ад ждет, а я буду ему всякие неприятности в жизни земной ковать?! О, нет-нет, не буду, не буду! Я хочу эту душу унежить (вот розановское словечко!). Приласкать. Насытить счастьем. Кто меня поставил мучить его? Что-то отнимать? Ставить на колени? Наконец, судить его?

Как легко мы порой разбрасываемся словом «мученичество»! Нынешнюю православную прессу почитать (хотя бы мою первую повесть), так в Церкви живут одни мученики. «Жизнь среди неверов — добровольное мученичество», — эти слова я прочитала в такой период своей жизни, когда они могли вызвать у меня только улыбку. И хорошо, что не прочитала их раньше, а то бы возомнила! Сейчас вот говорю себе: «Да тьфу на тебя! Дура ты, а не мученица. Самая настоящая дура!» Мученичество-то, знаете, где начинается? Где бутылку из рук не выпускают, где на игле сидят, где матом малых детей на блуд предают. Здесь ведь есть прямая связь — между матом матери и блудом, который закогтит, закогтит ее несчастных детей. Ругай, ругай их по-матерному, неразумная дочь Вавилона! Ты увидишь, как будут разбиты о камень твои младенцы. Что такое этот камень, узнаешь тогда доподлинно. И, обратившись от дел своих, ты, вавилонянка, умоешься кровью, искупая от греха своих детей и внуков.

Множество тайн сексуальной жизни человека уходят своими корнями в этот детский кошмар. Обматеренного, проклятого матерью ребенка потащит через блуд с какой-то фатальной силой. Интимная область получит печать, смыть которую будет очень трудно.

Мученичество! Имеет ли это отношение к моей жизни? Я так понимаю: мученичество — это когда человеку попадает не за что. А у меня такого никогда не бывало: я все время находила у себя какой-то ляпсус, какую-то глупость, какой-то грех. Но однажды... Расскажу-ка я об этом поподробнее.

Шла я по своей дорожке и все время как бы старалась раздвинуть те рамки, в которых живет наша семья. Посмотрю-посмотрю вокруг да и отодвину какую-нибудь жердину в огородочке: чтобы, значит, посвободнее нам всем стало. А собой-то уж как я была довольна! Вроде бы никого не обременяю, на большое не замахиваюсь. «Ценно малое, но постоянное правило», — вот как учили св. отцы. Да я так и делаю. И вдруг — бац! Сверху падает шлагбаум. Едва отскочить успела. Стою на дороге, смотрю вперед и ничего не понимаю. Откуда взялся этот шлагбаум? Почему нам вперед дороги-то нет?

Мне казалось, что все недоразумения на религиозной почве остались в нашей семье позади. А оказалось — нет. Я столкнулась с таким сопротивлением, которое мне и не снилось. Одна старушка сказала мне как-то в церкви:

— А ты, доченька, ходи да ходи в церковь. Муж-то у тебя и смирится.

— Разве это смирение? — подумала я. — Это просто привычка. А смирение — оно другое.

И я оказалась права. Человек терпел-терпел, а потом вдруг как заговорил:

— Мне все это надоело! Не таскай больше детей в церковь. Ты уже их чему-то научила. Если захотят, пойдут туда сами. Они уже большие. И не молись с детьми. Они должны это делать сами, без тебя. Если захотят, конечно. А если им молиться не нужно, отвяжись от них. И убери Библию с глаз долой. Видеть ее больше не могу! Я запрещаю тебе читать ее детям. И еще: в нашем доме поста нет. Пост — это твое личное дело. У нас же с детьми его нет. Я не желаю о нем слышать!

Шла вторая неделя Великого Поста. Конечно, легче всего было списать все наши семейные неурядицы на козни сатаны. Вот как здесь, например. У маленькой девочки, играющей у кануна, загорелась на голове пушистая шапка. Ее быстренько затушили, и набожная женщина, кивая на испорченную шапочку, со значением сказала мне: «Время-то какое у нас нынче? Великий Пост. Особое время, необыкновенное! Вот рогатый и ходит вокруг нас, строя свои козни». Только у меня на такие вещи другой взгляд: за девчонкой мать не досмотрела. При чем же здесь сатана?

Итак, что произошло в нашей семье на второй неделе Великого Поста? Подумав, я решила так. Здесь роковую роль сыграл совет, некогда принесенный мною из храма: «А вы делайте так: как бы нечаянно готовьте постом только молочные и рыбные блюда. Мясо же исключите совсем. Вот и будет у всех вас пост». Вообще-то я знаю, что всякий совет должен быть взвешен и обдуман. Вроде бы я думала, и уступки делала, а попросту: хитрила. Только оказалось, что делала-то я все это зря. Вот подала бы вовремя мужу кусок жареного мяса, он бы у нас и Библию не отнял, и в церковь бы детей со мной отпустил, и молились бы мы по-прежнему все вместе. А так — запрет. Опущенный шлагбаум. Нету дороги вперед. И все из-за чего? Из-за мяса. Как тут не вспомнить Апостола Павла? «Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. Да не хулитесь ваше доброе. Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей».

Побежала я со всех ног в магазин. Накупила кучу мясной еды. Забила ею холодильник сверху

донизу. Но «мир и радость во Святом Духе» уже ушли из моего дома. В нем бушевала буря, и сладить с нею я не могла. Нужно было отступить. Я повернулась и пошла назад. По дороге я разрушала все, что со старанием и слезами строила своими собственными руками раньше. Временами я останавливалась и осматривалась вокруг себя в надежде увидеть мирную морскую гладь. Но буря не утихала, и я снова начинала отступать, отказываясь от всех своих приобретений.

Временами бушующее море выбрасывало из себя какие-то странные осколки, которые свидетельствовали мне о том, что я, по-видимому, просто не понимаю происходящего в его страшной глубине. Вот воскресный вечер. Самая Крестопоклонная Неделя. В комнате сидим мы двое и мирно беседуем. И вдруг я слышу:

— Я очень люблю вспоминать наше венчание. Какой красивый крест мы с тобой тогда поцеловали! Мне хочется посмотреть на него еще раз. И снова поцеловать.

«Вот тебе, бабушка, и Крестопоклонная Неделя!» — пронесется у меня в голове. Человек-то ведь о ней ничего не знает, а что он говорит! О том, что подобные слова так просто не могут быть сказаны, я молчу: не та сейчас ситуация. Но не случайно же это произносится! Напряжение духовной жизни так называемых неверующих людей вызывает во мне порой не только восхищение, но и зависть. В самом деле: что для меня лично может означать Крестопоклонная Неделя? Вынесут крест. Нужно ему поклониться и — потуже затянуть пояс. И все это связано с «надо» и «должна». А вот у человека, который называет себя неверующим, совсем другие чувства: «люблю вспоминать», «хочу увидеть», «еще раз поцеловать»... Значит, сам того не подозревая, этот человек знает жизнь Церкви! Как бы сокровенно. Это дает ему Бог. А мне? Я тоже так хочу!

...Покатились, покатились дальше великопостные денечки. Бушует море вокруг меня. И пожаловаться-то мне, бедной, некому. Боюсь учительного поднятого предо мною перста. Начнут укоряюще кивать на меня головой: «Вот видишь... Вот видишь...» Волны бушуют, и я изнемогла в борьбе с ними. А в голове, как тихое «тик-так», тайная, не понятная мне самой мысль: «Я не виновата. Я не виновата...»

На Страстной Неделе я выползала из того поста на четвереньках. И удачно испеченные куличи меня не радовали, и солнце Великой Субботы не веселило. Пасхальной ночью мы пришли всей семьей к церкви. Решили просто полюбоваться праздничным шествием, встав к стенам храма рядом с крыльцом. Таким образом, мы оказались не за пределами, а как бы внутри круга, образующегося крестным ходом.

Я никогда не видела церковь такой красивой, как в ту ночь. Я смотрела на нее изнутри — глазами храма. Как просто, спокойно и мирно шли священники! На их лицах я читала: «Да, вот, иду впереди. Господь поставил сюда именно меня, и поэтому, только поэтому я иду впереди всех». Я видела пастырей, которые знали, откуда они вышли и куда идут. За ними также спокойно, мирно и доверчиво шло множество людей. Все они были необыкновенно красивы. Я видела совершенно ясно, что они шли к своему спасению. И я поняла, что в Церкви спасается много-много людей. Это только нам кажется, что таких людей мало, а на самом деле их великое множество.

Церковь обошла вокруг храма, привязав нас к нему накрепко. Потом мы толпились около крыльца, кричали «Воистину воскресе», целовались. Пошли домой. Дети, сытенки, наконец-то рухнули в свои постели, и вот тут-то я, вернувшись на кухню, вдруг услышала:

— Я хочу причаститься. Давно думаю, как бы это сделать.

Так вот, что за лихорадка трясла нас Великим Постом! Вот откуда мое настойчивое: «Я не виновата»! Только за одну мысль о Святых Дарах что учинил со всеми нами лукавый! Какая же битва разыгрывается вокруг тех, для кого разжимается Державная Десница, маня их, маня за Собой. Тот пост в нашей семье я назвала «диоклетиановским гонением» на христиан. Я чуяла, что это было самое серьезное из всех испытаний, которое связывает нашу семью с жизнью Церкви. Именно поэтому я нарекла его именем императора Диоклетиана, во время правления которого (начало IV века) разыгралось самое страшное гонение на Церковь. Вслед за ним стремительно раздвинулись ее границы, и многие, очень многие смогли переступить черту заветного круга.

Гонение, пленение, наказание... Пронесся над нами «диоклетиановский» вихрь. Умирилось, наконец, море. Что же мне теперь делать? Вот именно:

Глава 7. Что делать?

Ну, все, кажется, можно возвращаться на оставленные мною позиции. Я оглянулась назад и — ужаснулась. Дороги позади не было. То ли она, ненужная, успела зарости травой, то ли я окончательно заплуталась, то ли с глазами моими что сделалось, не знаю. Гляжу вперед — вижу тропинку под ногами. Но назад — нету дороги, нету!

Итак, нужно идти вперед, не оглядываясь на то, какими мы были тогда, когда зажглись мои «две свечи». Я стала пугливая и робкая. Нет во мне былой отваги, резвости. Боюсь «ярости прещений» и осторожничаю теперь на каждом шагу. А может быть, мне просто постоять? Нет, не такой у меня темперамент. Я все-таки пойду вперед, но медленно, осторожно, с размышлением.

Эпоха «диоклетиановского гонения» изменила и детей. Они стали какими-то другими, и к ним нужно по-новому подстраиваться... Для тебя, сестра моя, я пишу эти строки. Через силу пишу, но я должна тебе это сказать. Вот придет пора, и дитя твое скажет про Библию: «Мама, я не хочу этого». Или не скажет, а ты просто по глазам его догадаешься: ребенку скучно. Убери тогда книгу со стола. Дай Бог тебе наскрести отваги, чтобы хоть раз-то в год, хотя бы Великим Постом, предложить ребенку: «Давай, почитаем Евангелие. Или Исход. Или из Даниила». И он скажет: «Давай». Или не скажет... А ты тогда — потерпи. Читай книгу сама, а детям пока не надо. Потому что заставлять-то детей во всем, что связано с духовной жизнью, нельзя! Уговаривать — можно. а заставлять — ни-ни! Вот кашу манную доест, ноги на ночь вымыть, что другое — это пожалуйста, здесь ты правомочна на все сто процентов. А вот поставить на колени перед иконой человека, пусть маленького, родного тебе, — ни-ни, упаси Бог! Господь так не делал, значит, и нам так поступать нельзя.

Придет и другой день твоей жизни, когда дитя скажет тебе: «Мама, я не хочу в церковь. Я останусь дома с папой». А ты ответьму на это благословением. Скажи: «Ну, что ж. А Господь тебя любит. Ты это помни». И потекут долгие недели. «Я не хочу. Не хочу, мама». Потом все-таки пойдет в храм. Может быть, причащаться. А может быть, просто так: свечку зажжет, у стенки постоит. А еще лучше — посидит. Ты рядом встанешь как на страже. Чтобы никто не обругал его: дескать, сидит как-то не так. И вообще, в церкви стоять надо. Ноги вон молодые. Расселся тут!

Пусть посидит мальчик. Вот все смотрят и думают: большой парень, здоровый. Но это ошибка. Он духовно еще очень маленький, слабый. И никто ведь не знает, что над нами недавно промчался «диоклетиановский» вихрь: мы разучились ходить в церковь, молиться, читать Библию. Дети от храма отвыкают очень быстро, почти мгновенно. Чтобы потом собраться, понадобится много времени и сил. Придется делать все как бы заново.

Вот посидит сынок в церкви, и пойдете вы домой. Ты его не попрекай тем, что он в храме то сидел, то у киоска с книжками стоял. Интересно, что сынок там читал-то? Подойду, возьму побывавшую в его руках брошюрку. О, самое подходящее для одиннадцатилетнего мальчика в церкви чтение: «О вреде аборт».

— Мить, хорошие у нас в храме книжки продаются? — это я спрашиваю у сына по дороге домой.

— Очень! Особенно одна. Знаешь про что? Про аборт.

— Понравилось тебе?

— Ну, что ты! Так интересно, — смеется.

Пришли домой. «И был вечер, и было утро». И вот однажды наступит такой день, когда ты, измученная какими-то странными борениями с маленьким шалуном (это почему-то называется у нас молитвой), скажешь ему:

— Я не могу понять, почему ты, девятилетний, без меня не можешь прочитать «Отче наш» и «Богородице Дево». И со мной ты это как-то странно делаешь. Вот что, дружок. Каждое утро говори две маленькие молитвы, стоя перед иконой: «Слава Богу за все» и «Господи, благослови меня на учение». И все. Больше не говори ничего. И когда будешь уходить, я спрошу тебя в дверях: «Ты молился? Ты сказал Богу те слова, которые наказывала говорить тебе я?» И ответишь мне: «Да, мама». Тогда я поглажу тебя по головке и скажу: «Ты сказал Богу самые главные слова. Иди спокойно в школу».

Иногда, стоя на коврик перед дверью, Ваня испуганно отвечает мне: «Ой, я забыл». Малыш переводит глаза на иконку. Молчит две секунды, а потом доверчиво смотрит мне в лицо, ожидая ласки. Я глажу его по голове и говорю: «Молодец. Ты делаешь все, как надо. Иди с Богом в школу».

Вот так мы теперь живем. Так читаем Библию. Так ходим в церковь. Так молимся Богу. И мне нисколько не стыдно этого своего рассказа. Потому что церковный устав — это устав. В него посмотреть, так мы все одинаковые. А на самом-то деле — разные. У одного один талант, у другого два, а ведь у кого-то уже и десять. А вот у нас, наверное, мало. А может — много. Как говорит Ваня: «Да кто его знает!» Самое любимое Ванино присловье.

Тут необходимо учесть и такое обстоятельство. У материнского воздействия (это относится и к духовной жизни) есть свой предел. Планка, выше которой не подпрыгнуть. Хоть в лепешку разбейся! Потому что дальше — отцовское. И если этого в духовной жизни детей нет, то будет то, что будет. Материнские силы — они меряные. В отличие от отцовских. Кто меня понял, тот понял. А для других я и развивать эту тему не буду.

Многое можно отдать в церковной жизни под натиском обстоятельств, и это я уже поняла. Но есть нечто, где отступить матери нельзя. Например, сказать:

— Время у нас блудное, сынок. Иди и блуди в доступной тебе форме. Одноклассники играли в раздевалки (то есть в карты, когда проигравший снимает с себя что-то из одежды)? Ха-ха-ха! И кто остался нагишом? Саша и Ира? И Ирин брат тут же сидел? Во юмористы!

Нельзя сказать ребенку:

— Все воруют, и ты воруй. Ах, как славно, что Гошка стащил у учительницы ответы на

экзаменационные вопросы! Обязательно их спиши. Зачем теряться!

Или еще:

— Подумаешь! Соври что-нибудь Наталье Ивановне, да и все! Велика важность. Разговору хоть долгого не будет.

Нет, надо говорить нечто иное:

— Играли в бутылочку? — хмурится папа. — В мое время тоже эта игра была, только я в нее никогда не играл. Это же так противно: целоваться с тем, кто тебе не нравится. А если раскрученная бутылка укажет на пацана? Что же, с парнем целоваться? Фу, меня бы стошнило после такого поцелуя.

Или так:

— Интересно, как же вы поместились в одной машине? У тебя кто-нибудь на коленях сидел?

Вспыхнул:

— Никто. Я не хочу, чтобы меня унижали. Я сказал: если кто полезет ко мне на колени, то я тогда пешком пойду.

— Ну, а как же вы там поместились?

— Ирка залезла на колени к Ромке, еще кто-то к кому-то...

— А Ирины родители где были?

— Как где? Папа за рулем, а мама рядом с ним.

— Странно. Внешне это совершенно нормальные люди.

Вот крепость, которую надо защищать изо всех сил, — нравственность наших детей. Много можно уступить под давлением сложных или тягостных обстоятельств, за исключением лишь одного — Божиих заповедей. Вот их-то отдавать и нельзя! Если кроткая и тихая женщина воспитывает своих детей трудолюбивыми, честными и добрыми людьми, она еще ничего не потеряла у Бога. Есть в жизни ситуации, когда этим следует и ограничиться: «Господи, вот мое отишие. Я так стараюсь воспитать детей хорошими! Когда придет время, подними меня с колен».

Легко сказать — хорошие, воспитанные дети! Это ведь не жалкий остаток, не крепкий зауральский тыл. Это центр, ради которого и возводится собственно весь город. Я порой с восхищением смотрю на хороших детей, которые растут в неверующих семьях без какой-либо памяти о Боге. У меня так не получилось бы никогда. Но вот у них-то как выходит? Да и у меня? Неужели у нас совсем нет ничего общего? Да есть же, есть!

И вот здесь я подхожу к самому удивительному явлению нашей общей современной жизни. Подумайте, сколько у всех нас союзников в деле воспитания детей! Мне, например, помогают абсолютно все. Я прихожу в детский сад, а там полным-полно прекрасных воспитателей. И все хотят вырастить из моих ребятешек хороших людей. Встречаются, конечно, странные личности, но и я не без греха. На девятилетие Вани мы пригласили четверых его одноклассников. И что же? Двое после приготовленного мною стола заболели: у одного —

понос, у другой — горло (после мороженого). Не доглядела я за ребятами. Так и у других случается. В школу привела детей: сверху донизу она набита хорошими педагогами. И все до одного желают моим детям только добра. А уж о музыкальной школе я вообще не говорю! Это просто какой-то ангельский улей.

Как так получается? Может быть, вокруг меня оазис? Да нет, все обыкновенно. Простой, как я говорю, рабоче-крестьянский садик и такая же школа. Проблем, как и везде, хватает. Я к ним все время присматриваюсь-приглядываюсь: что там происходит у моих? Был случай: перевела старшего из класса, где ему было тягостно с тамошними учениками, в другой. Что-то детям все объясняю: «Это хорошо, а это никуда не годится. Ужас, что твои одноклассники говорят. А вот это просто замечательно! У нас такого не было». Разговоры, разговоры... Но при этом меня не оставляет одно удивительное чувство: в мире до сих пор еще очень много добра, и, значит, мне есть за что благодарить Бога.

Кто о чем любит думать. Есть в Церкви люди, которые стремятся как бы отделить себя от мира. А меня вот почему-то тянет совсем в обратную сторону (видимо, вслед за детьми) — в мир, к людям. В отдалении от всех я бывала. Я помню ту самоубийственную пустоту. Изредка она вновь подступает к моим глазам. Я узнаю свою врагиню сразу же, потому что помню ее лицо:

— Уходи, гадина. Ты иссосала мое совсем юное, почти детское сердце тоской. Ты заразила меня мыслью о самоубийстве. Это ты, ты, гадина, запугала меня страхом сумасшествия. Я не поддамся тебе. Я люблю жизнь. Уходи. Тебе нет места во мне.

Убегая от врагини-тоски, я завязываю, завязываю ниточки, единящие меня с миром. Кто-то и когда-то разорвал их, оставив меня одну-одинешеньку. Никто не поверит, но я «заболела» смертной тоской чуть ли не в младенчестве. Старшеклассницей я любила повторять слова Маяковского, которые, как мне казалось, лучше всего передавали мою внутреннюю устремленность к финалу: «Товарищ жизнь, давай скорей протопаем! Протопаем по пятилетке дней остаток». Кажется, в восемнадцать лет я впервые произнесла свой любимый тост:

— Как хорошо, что мне уже столько лет! Скорее бы старость.

— Зачем она тебе?

— Мне кажется, что в самом конце меня ждет какая-то огромная радость. Невиданное счастье...

Один мудрый человек, услышавший эти слова в день моего сорокалетия, сказал в ответ:

— Какой легкомысленный тост! Старость вы встретите не в нынешнем цветущем состоянии. Вам представляется такая картинка: бодрая седовласая старушка в окружении детей и внуков. Но все будет иначе: болезни, слабость, потери близких, одиночество. Вот что такое старость.

Наверное, так. Только все мне кажется, будто расту я почему-то в обратном направлении, оставляя позади внутреннюю душевную муку, связанную в моем сознании с памятью о детстве и юности.

Я, лишенная изначально простых человеческих чувств, «врастаю» в жизнь. Помню, как в молодости скрывала свое полное равнодушие к детям. Мне удалось обмануть всех, и только мои родные говорили: «Наша Шурка терпеть не может детей». Пришло время, и я вдруг обнаружила, что ребенка можно любить какой-то удивительной любовью. И вот я ухватилась в себе за обрывок этой ниточки и начала его связывать, связывать, связывать с обрывком другой, найденной мною в сыне. Эту ниточку любви я буду крепить, лелеять, оберегать, потому что она

держит меня на земле, не давая провалиться в знакомую страшную пропасть.

Когда душа презирает и ненавидит жизнь, она болит, дрожит, волнуется, а когда любит, она здорова. И вот я смотрю вокруг себя с думой: где же те, кого я могу полюбить? Я ищу новую возможность для соединения еще двух оборванных нитей, и еще, и еще... Что нас всех объединяет? Это основное направление моего поиска: не отделить себя, а прирасти к людям. Другие пусть уходят от мира, а мне — нельзя, я от этого снова могу «заболеть» тоской. Душа моя замучается в тисках ненависти к жизни. Люди вот сейчас все ругают, ругают мир, объясняя, почему он им не нужен. Мне это как-то не подходит. Я по неразумию могу обидеть Бога, обругав то, что ругать-то не надо бы. То есть Промысел Божий обо всех нас. У меня нет дара обличения. Я могу только принять этот мир, потому что в нем жить моим детям.

Мое материнское дело простое, и оно вполне оптимистично. Что ни думай о Втором Пришествии Господа, а все хочется, чтобы дети наши дожили до седых волос во всяческом благополучии. Забота о детях роднит с миром, который почему-то в большинстве своем не хочет знать Бога. Спаситель ему как бы не нужен совсем, а вот, скажем, мои дети, как и всякие другие, нужны миру только в наилучшем виде. Никто из добрых людей не хочет, чтобы они выросли бандюгами, ворами, блудниками. А что касается современного взращивания в детях дурного, так ведь на то нам дал Господь разум. Да и помощи Своей не лишил.

Есть в мире и еще одно родственное материнскому и вполне оптимистичное, по выражению С. Аверинцева, дело — изучение человеческой истории. Я могла бы написать апологию нашего времени, доказывая, что сейчас жить намного лучше, чем сто, двести, триста и т.д. лет назад. Для чего нужно это оправдание современности? Да чтобы дети наши хотели жить! В душе матери должен быть заложен большой запас жизнелюбия, дабы было откуда черпать слова утешения, когда придет время говорить сыну: «Ну, что ты убиваешься? Все образуется. Впереди еще столько счастья! Уж ты поверь мне».

Ничего страшнее уныния и отчаяния в духовной жизни человека нет. Так утверждали и святые отцы Церкви. Именно поэтому я, как мать, боюсь огульного охаивания времени, в котором мы живем. Нет, у меня со всем человечеством есть одно общее стремление — желание вырастить из наших детей хороших, вполне пригодных для жизни на земле людей.

Это — основа моего союза с миром. Много у меня здесь союзников, но главный среди них один. Какой отец не хочет иметь хороших детей? Разве Божии заповеди не нужны ему? Нужны! Это ведь наша общая любовь: не убей, не укради, не лги, не завидуй, не блуди... Да как же много у нас общего! А вот это-то мне в жизни и нужно: догадаться, что нас в Боге объединяет. Сделать нашу общую нить еще крепче, еще надежнее! Долг отца и матери — воспитать хороших детей. Это наше общее дело. Дружное. Веселое. Интересное. Вот моя опора! Встаю на нее твердо, обеими ногами. Здесь, на этой пяди Божьего закона, нас двое, и, значит, я сильная. Честно исполняя свой родительский долг, мы живем в Боге, потому что стремимся воспитать детей, которые не постыдят лицо Земли. Все это я поняла в эпоху «диоклетиановского гонения» в нашей семье, когда искала оправдание своего скорого и почти бескомпромиссного отступления.

Ну, а как же различие? Один христианин, а другой не христианин (или просто так говорит). А верность Церкви? А исповедничество? Я здесь думаю так. Взаимоотношения отцов и детей — это и есть святыня. Пред Богом святыня. Упаси Господь что-то здесь разладить! Жить во Христе означает именно беречь такие святыни, беречь пуще любых внешних правил. Это еще один из моих «диоклетиановских» уроков: слишком убегать вперед, полагая какую-то трещину между отцом и детьми, нельзя. Зарвавшееся неразумное создание, вроде меня, будет чуть ли не за подол, но оттащено назад...

Если от главы семьи не исходят примеры порочной жизни, то религиозные убеждения не могут быть оправданием даже частичного разрушения взаимоотношений отцов и детей. Заповедь «почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой» свята, как и любая другая. Об этом, обращаясь к фарисеям, говорил и Господь Иисус Христос: «Зачем и вы преступаете Заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца и мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою; таким образом вы устранили Заповедь Божию преданием вашим».

Я это понимаю так: даже почитание храма не может быть оправданием неуважения и своеволия в отношении родителей. Но разве всем нам не приходилось слышать в храме или читать в современной духовной литературе такие вот советы:

— Да, заповедь говорит «Почитай отца и мать», но если у нас в Церкви пост, то ты, чадо, поступи по-нашему, а не так, как настаивает твой родной отец.

Такое сейчас может быть сказано если не ребенку, то матери-христианке, имеющей детей. Немногие решаются говорить столь прямо. Большинство снисходительно отмахивается: «Ну, ради мира в семье...» И человек отходит от священника нетвердыми шагами: «Прав я или не прав? Какой-то я не такой, как нужно Церкви. Ко мне как бы снизошли. Я слабенький. Ну, побреду украдкой далее...»

А ты не украдкой иди. Твоя дорога царская! Ты что, заповедь не знаешь? Вот она: «Чти отца и мать». Ты ей следуешь ли? Если да, то смело иди вперед. Слушаешься отца — молодец! Об этом же, имея в виду детей, говорил и Апостол Павел: «...они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу».

Знаю, что в Церкви есть можно встретить и тех, кто хотел бы подсмотреть за моей свободой: как я выпускаю из рук церковные уставы, стремясь исполнить Заповедь Божию. Я делаю это не потому, что слаба, не воцерковлена или плохо выучена закону храма. Нет! Вот мой критерий: если, подобно апофатической кошке, я не проскочила между отцом и детьми, значит иду правильной дорогой. И ты, сынок, иди по этому же пути. Твои ножки умыты. Как и мои. Послушай, что говорит тебе папа: будь честным, хорошо учись, почитай семью, дорожи ею. Поступай так, как он тебя учит. Не пускает в церковь? Что ж. Сиди дома. Я побреду туда покамест одна. Я принесу тебе из храма крошечку благовестия: «Вот наша пища духовная. Посмотри, как много всего в горстях моих!» Вот этим-то мы пока и будем жить. И насытимся. И не умрем.

Глава 8. Закваска

Ручеек церковный умалился в нашей семье. Он стал слабым, едва заметным. Да жив ли он? Оказывается, да. Много ли ему надо? Об этом одна из притч Господа: «Царствие Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все».

Закваска — это, конечно же, не те дрожжи, которые берет в руки современная стряпуха: это кусочек старого теста или же нечто кисломолочное, забытое нами напрочь. Нынешние прессованные дрожжи, наверное, лучше! Это, конечно, если речь идет о пшеничной муке. Черный хлебушек — особая статья, для него эти дрожжи не годятся. Вот смотрю я на них, приготавливаясь к замесу теста, и думаю. Если положить продукты отдельно: справа необходимую мне муку, воду, масло, сахар, соль, а слева — дрожжи. Этих-то всего ничего! А какое дело они делают: заквашивают столько продуктов! Меняют все до неузнаваемости. Мешанина эта как бы оживает: она поднимается к краям посуды, норвит даже выбраться из

нее совсем. Я тесто обминаю, а оно опять прет вверх. И попробуйте в нем что-нибудь отделить друг от друга — хотя бы муку от воды и жира. Суп вот совсем другое дело: капустинка от картошечки отдельно плавает. В каше тоже можно крупиночку от крупиночки отдельно рассмотреть. А тут! Тесто — это же будущий хлеб! Все в нем воедино, цельно, живо.

Опять я задумалась о комочке дрожжей: какой же он маленький и какой, кстати, невкусный. Но от него зависит едва ли не все в выпечке хлеба (или пирогов — это мне ближе). Вот попробуйте положить дрожжей несоразмерно с прочим продуктом. Если их будет мало, мороки хватит до вечера. Будешь носиться со своей квашней много часов, не зная, куда и пристроить ее: «Да выходит это тесто когда-нибудь, или я и спать лягу в обнимку с кастрюлей?!» Но вот — выходило. Пироги получились на славу, и никто не заметил, что дрожжей-то было маловато. Другое дело, если в тесто бухнуть их много. Оно вспухнет мгновенно — как ракета! Только пироги-то получатся невкусными, и все скажут: «Отдает дрожжами».

Кто видит происходящее в душе человека? Как бродит закваска, соединяя воедино разнородное. В тесте что-то движется, приобретает устремление вверх, в стороны. И ведь немного для этого требуется. Так и в духовной жизни детей: нужно им совсем немножко. Капелюшечку. Крошечное такое словечко. Но чтобы это было всегда. Постоянно. Откуда же крошечку дрожжевую взять? Много я об этом думала. Можно сказать — годы. Странное признание! Но это так. Я размышляла об этом долгие годы: где берется закваска для духовной жизни детей? Самое простое и надежное — из церкви:

— Завтра у нас праздник. Хороший праздник. Будут вспоминать мою любимую самарянку. Хочешь, я тебе о ней расскажу? И о двух ее сыновьях, из которых один был, ну, вылитая мать.

Как я хочу написать о святой самарянке! Завяжется ли когда-нибудь в моей голове сюжет рассказа о ней?

— У меня скоро пост. Апостольский. Я люблю апостолов. Они для меня как живые. Вот и буду постом предаваться своим мыслям о них. Среди апостолов был кто-то один, от которого потянулась-потянулась ниточка, и дотянулась она, знаешь, до кого? До меня. И до тебя тоже.

Словечко крошечное. Живое. А почему живое? Да потому, что эта закваска бродит и во мне: дышит, мешает муку и воду, льнет к сладкому, не чурается и крупинки соли. Живое слово. Простое, доброе, искреннее.

Дрожжи ведь бывают мертвые. Знаете об этом? В таком случае говорят: дрожжи старые. Получается не тесто, а какая-то мешанина. Почему же это произошло? Может быть, потому, что закваска была взята из устаревшей запыленной книги, изданной, к тому же, репринтным способом. Или от человека, слова которого дышат какой-то ненавистью к нашей жизни.

Писание, говоря человеку о вечной жизни, употребляет порой странные глагольные формы. О галилеянах, убитых рядом с жертвенником, сказал Господь: «...думаете ли вы, что эти галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все также погибнете». Если понять это буквально, то получится так: один раз покаялся человек и все — не страшны ему никакие нынешние беды. Однако это не верно — так понимать. Видя чужую беду, я говорю себе: «Не будешь каяться, с тобой случится еще худшее».

А с закваской как? Сказано: «...женщина, взяв, положила». Вообще-то она кладется в квашню один раз. Но мне почему-то кажется, будто в духовной жизни это делается не единожды, а как бы всегда, постоянно. О закваске, которая бродит в детских душах, нужно заботиться. О

крошечном таком словечечке. О Боже мой, как мало надо Твоего святого воздуха, чтобы человек рос духовно! Чтобы тянулся к Тебе! Крошечку святых дрожжей. Не надо много, а то вы все испортите, швырнув в муку горсть сушеных мертвых дрожжей.

Одну мою знакомую Бог учил этому так:

— Всю длинную Всенощную на Рождество отстояли мы в монастырском храме. Дочка не присела ни разу. Стояла как свечечка. А на другой день слегла с высокой температурой. Или вот еще случай. Перед соборованием спросила я своего духовника: «Можно шестилетней дочке собороваться?» «Кашу маслом не испортишь», — ответил батюшка и благословил. А на следующий день, после соборования, Машенька моя попала в реанимацию: у нее вдруг открылось тяжелейшее заболевание почек. Откуда оно взялось? Мы ведь ничего не замечали. Теперь вот сидим на строгой диете. Лечимся, не переставая. Почему у нас так?

Я не знаю почему. Но, по-видимому, здесь чего-то было все-таки слишком много. Может быть, масла?

Глава 9. Дитя и бес

Начало 1990-х годов. Воскресная православная школа. Преподавательница наставляет мальчика лет пяти:

— Ты подумай, кто подталкивает тебя на такие поступки. Лукавый-то так и ходит вокруг нас. Он рад научить плохому. А ты ему не поддавайся.

Еще разговор. Говорит мама, всей душой преданная Церкви:

— У каждого человека за правым плечом стоит Ангел, а за левым — бес. Если человек делает хорошие дела, значит, он слушается своего Ангела, а если плохие, — значит, беса. Вот и думай, сынок, чьему совету ты последовал. Это я прочитала в книге Сергея Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила». Там об этом очень много написано.

А вот страничка из современной книжки, обращенной к детям:

«— Папа, — спросил Боря, — а можно увидеть бесов?

— Можно увидеть, — ответил отец и включил телевизор. — Смотри, этот бес смеется над любовью к Отечеству, этот издевается над нашей защитницей-армией, а эти затеяли свои игры на деньги и втягивают доверчивых зрителей...

— А как с ними бороться? — спросил сын.

— С этими так, — ответил отец и выключил телевизор.

И бесы сразу провалились в почерневшую стеклянную дыру экрана».

Прочитавший это ребенок получает от взрослого санкцию на раздачу скоропалительных приговоров: «Тот бес. И этот. А вот я — я хороший, потому что говорю всегда правильное». Сколько вокруг него бесов-то оказалось! Да верно ли это? По учению святых отцов бесов видели и видят совершенные. А простые смертные? Не ангельского чина? Многие ли люди знают ту мучительную судорогу, которая передергивает душу, прикоснувшуюся к бесовщине подлинной, невыдуманной, нетелевизионной? Уверяю вас: немногие. А уж дети-то! Если бы люди вдумались по-настоящему в те имена, которыми наречен сатана в Писании (истязатель,

губитель, убийца, насильник), то они бы не стали с такой легкостью говорить своим ребятишкам: «Вон, вон бес, погляди на него».

Во мне изначально заложено какое-то странное отчуждение от разговоров о бесовщине. Не люблю я о них думать, читать. Почему? Сначала я оформила это свое настроение такой фразой: «Я люблю думать о Боге. Бесы же мне не интересны. Вот и буду думать о Том, Кого я люблю». Эта простая мысль соответствовала периоду младенчества, переживаемому в то время моими детьми. Ведь возня с младенцами — это очень веселое занятие. Нет ничего более нелепого под солнцем, чем кормящая мать, отягченная мыслями о вездесущей бесовщине и приближающемся конце света. Причем картинка «мать и дитя», на мой взгляд, должна радовать абсолютно всех, кто ее видит:

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди.

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

— это из моей любимой поэмы Некрасова «Мороз, красный нос».

А действительно — радостная эта картинка! Идет матушка по улице (в магазин, в садик или еще куда) и ведет за ручки своих ребятишек. Посмотрит налево — одна головка, направо — другая. Лапки у деток маленькие, мягкие, нежные. Лепечут они о чем-то. Весело у матери на сердце, вот и думает она о хорошем. А где взять более веселую мысль, чем мысль о Боге? Вот о Нем женщина и думает.

Детки выросли. Убежали гулять во двор. Возьются там со своими приятелями. Пошли новые темы, не привычные для нашей семьи, не популярные в ней: НЛЮ, привидения, пришельцы, другие миры, магия. Об этом очень много говорят современные ребятишки. А думаете, раньше дети меньше говорили на такие темы? О разногорода фантазиях, о нечисти? Ошибаетесь! Об этом было много разговоров всегда. Я занималась русским фольклором и знаю объем того массива быличек (так по-научному называются сказания о покойниках и нечистой силе), который был в разное время записан в народной среде. Опубликована лишь незначительная его часть, поскольку в советское время публикация быличек, немеряно привозимых из фольклорных экспедиций, не поощрялась. При этом записывались они весьма неохотно, поскольку фольклористы знали: деть-то их потом будет некуда. Разве что в архив. Былички выплеснулись на страницы печати после 1985 года. Это были и переиздания фольклорно-этнографических материалов конца XIX — начала XX веков и новые публикации. Я бы не сказала, что знакомство с ними оставляет более отрадное впечатление, нежели нынешние рассказы о НЛЮ. Это ведь явления одного и того же порядка — сказания про каких-нибудь русалок и современные рассказы о пришельцах.

В русском фольклоре существуют две области, давно обжитые и любимые мною: песни и народные сказки. Это богатство прошло проверку временем и некоторый отбор. Меня это радует. Жаль только, что в советские годы, когда формировался корпус народных сказок для детей (а сказки тогда издавались очень хорошо), были отвергнуты те из них, которые включали в себя духовную проблематику. Следовало бы еще раз перетрясти собрания подлинных народных сказок, чтобы освежить репертуар привычных детских сборников. Деликатная рука

педагога и стилиста была бы здесь очень кстати. Для детей русские сказки лучше всех обрабатывали, на мой взгляд, К.Н. Ушинский и — в советское время — А.Н. Толстой. У них этому можно учиться и сейчас.

Я не принадлежу к числу людей, принимающих все в русском фольклоре. Для меня это область очень серьезного размышления. Здесь есть вещи, которые я решительно не могу допустить в свою семью. К чьему бы авторитету мне прибегнуть? Да хоть Ивана Ильина. Его перу принадлежит этюд, воспевающий прелесть русских сказок, но есть у него и весьма критичные замечания, оброненные в связи с русской народной поэзией, и в частности — отсутствием в ней должного целомудрия.

Другая область фольклора, совершенно неприемлемая для меня, — это русская демонология. Мифотворчество народа может быть предметом серьезного изучения, наблюдения, анализа, но не объектом для опытов гальванизации персонажей национального языческого пантеона. Более того, с русской демонологией, как впрочем и интернациональной, нужно постоянно бороться. А почему? Дело ведь не в том, что демоны (лешие, черти, кикиморы, русалки, домовые) могут что-либо значить для христианина. С ними связан особый тип страхований — идольский. Идолы — это не только то, что получило свой образ посредством резца. Их можно создать и словом — молвой, слухом, сказанием. Вот что написано в Послании пророка Иеремии: «Берегитесь же, чтобы и вам не сделаться подобными иноплеменикам, и чтобы страх пред ними не овладел и вами». Что же это за страх такой? А это вера в то, что идолы, созданные резцом ли, молвой ли человеческой, — живые, и что они способны что-то сделать с нами. В этом отношении русский языческий пантеон — явление свежее и целостное, почти совсем не потревоженное критической богословской мыслью. Чтобы понять это, взгляните на греческое изваяние Артемиды. Кому из нас придет в голову мысль кричать о ней во все горло, как во времена апостольские: «Велика Артемида Ефесская»? Никому. А вот о русском домовом и по сей день люди крещенные говорят с лаской и любопытством. Или, может быть, русский домовый милее, чем Артемида? Да нет. Это явления одного ряда. Просто русскому домовому больше повезло. Вот он и «благоденствует» на наших просторах.

Античный языческий пантеон был разрушен под натиском святоотеческой критической мысли. Для первых веков христианства это была актуальнейшая задача — сказать людям о привычных и милых их сердцам богах: да нету их, нету! Есть однообразная демонская масса, весьма не привлекательная на вид. Древние авторы писали об этом со всем блеском образованности, не чураясь остроумной и веселой шутки. Великолепный образец такого рода критики мы находим в книге блаженного Августина «О граде Божиим». Как тонко он высмеял в ней римских богов! Вот, казалось бы, что тут особенного, если в итоге общих мифотворческих усилий Нептун оказался обладателем сразу двух жен? Но жены-то, улыбается автор, не простые: одна — богиня убегающей волны, а другая — набегающей. Ну, зачем же волну-то делить? А в этом, объясняет блаженный Августин, сказалась особенность языческого мира — «бешеная похоть многобожия»: любить все, любить без усталости, без разбора, наделяя стихии всевозможными созданиями своей фантазии... Вот взгляните на лес! Зеленый, звонкий, плодоносный, но ведь он станет еще красивее, если его населить всевозможными фантастическими существами. Это ведь даже не «духи злобы поднебесной», с которыми, как утверждает Апостол Павел, ведется наша духовная брань. Знаете это что? А вот: тьфу! — плюнуть и растереть. Глупость одна. Мне скажут: «Да как же глупость? Леший — он высокий. Выше сосны. Его видела прорва людей. Куча быличек есть на эту тему». Но я буду стоять на своем: нету! И все тут!

Ах, мне бы изящное остроумие блаженного Августина! Как бы я написала о кикиморе болотной, о русалке, чертях и чертенятах! Но у меня его нет. А что есть? Несмелое такое предположение: а почему бы о НЛО и пришельцах не написать вот как блаженный Августин —

с юморком? Нужно ли людей без конца пугать связанными с ними страхами, по сути своей идольскими? А если нет, то как же отвечать на детские вопросы о современной русской и интернациональной демонологии? Может быть, так:

— Чадо, в реке живут русалки и водяные, но ты их не бойся. На тебе же есть крест.

Или еще:

— Из телевизора в дом проникают бесы. Выключи, и пропадут!

Благочестиво? Убедительно? Но в этом, увы, почти ничего нет от Христовой победы над адом и смертью. Это образ мыслей язычника, разжившегося еще одним ритуальным оберегом — крестом. Самое мощное средство борьбы с демонологией — это обращение к человеческому разуму. Именно так боролись с римским многобожием и святые отцы первых веков христианства. Помните «Сон разума рождает чудовищ»? Так нужно его разбудить. А в Писании? В псалмах: «Пойте все разумно». В притче у евангелиста Матфея: «Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его — вот кого означает посеянное при дороге». Наконец в Притче о мудрых и неразумных девах масло в светильниках оказывается лишь у тех, которые были названы Господом разумными (или мудрыми).

Глядя в недоумевающие глаза своих детей, я поняла: в борьбе с современной демонологией нужно в первую очередь обращаться к их разуму. Вот как было сделано мною это открытие. Прибегают однажды дети с улицы и давай рассказывать про НЛО. Им приятелю что-то там понаплели. Я начинаю мямлить, припоминая книгу о Серафима Роуза: бесовщина, то, се... Вдруг рядом раздаётся уверенный папин голос:

— Давайте про НЛО расскажу вам лучше я. Хотите?

— Ой, папа, расскажи!

Глаза загорелись, ушки напряглись. На лицах — максимум внимания.

— Под шапку НЛО смешивают в кучу множество разнородных явлений. Во-первых, журналисты жульничают. Всем сенсации подавай, и потому часто выдумывают, чего в помине не было, или пишут о галлюцинациях просто больных людей. Во-вторых, на НЛО сваливают погрешности и неувязки при испытаниях аэрокосмической техники. Порой бывает: неудачно ракету запустили, да еще нестандартные погодные условия и — вот вам, пожалуйста, — все небо в цветной горошек. Люди ничего не знают, только смотрят и ахают. Потом в газетах об этом пишут. А военные читают и посмеиваются.

В-третьих, существует множество атмосферных явлений, до сих пор наукой не объясненных. Вот истинно непознанные объекты: шаровая молния, северное сияние, серебристые облака...

А миражи! Однажды я с товарищами по студенческому строительному отряду видел в пустыне настоящий мираж. В знойный день мы ехали на машинах, и на горизонте вдруг открылся удивительный по красоте белый город с отчетливыми очертаниями домов, башен, куполов. Он выглядел настолько реально, что мы направились туда. По мере приближения очертания домов стали расплываться, город начал оседать и постепенно превращаться в море (это в безводной-то пустыне!). И когда приехали на место, оказалось, что все — мираж, ничего нет, все тот же песок... До этого случая я думал, что миражи видят в полубреду только измученные пустыней или морем люди. А тут — совершенно здоровые, бодрые, жизнерадостные студенты. Так что вполне возможен мираж, смахивающий на летающую тарелку, которая необычно двигается и

загадочно исчезает.

Когда люди сталкиваются с подобными явлениями, они их по-разному оценивают. Каждый видит то, что хочет: для одного, например, шаровая молния, а для другого — корабль пришельцев.

— Пап, а они есть все-таки, пришельцы?

— Многим хочется, чтобы они были, — в компании веселей, правда? Но я считаю, что человек во Вселенной одинок. Вот послушайте. За несколько миллиардов лет в разные времена и эпохи на Земле зародились, прожили и исчезли миллионы видов живых организмов — от простейших бактерий до высших млекопитающих.

Есть такая интересная наука — палеонтология. Она воссоздала живой мир каждой эпохи — от самых древних бактерий и водорослей до более поздних, например, жутких стрекоз длиной почти в два метра, динозавров, мамонтов, неандертальцев... Так вот. Ни один из видов не возникал на Земле два раза. Появившись однажды, он существовал отмеренное ему время и исчезал навсегда. И это не только земной закон, но и всей Вселенной. Имеются доказательства того, что за все время существования Вселенной жизнь как таковая не могла возникнуть больше одного раза. Когда подрастете и поднакопите знаний, я вам расскажу об этом подробнее...

— А если жизнь сюда, на Землю, была занесена из далеких миров как некое семя? — не утерпев, вмешиваюсь я.

— Интересный вопрос! Давайте построим такую гипотезу. Возникнув в каком-либо месте Вселенной, жизнь затем могла бы быть разнесена по разным ее уголкам, как разносятся, например, семена одуванчика. Путешествуя по воздуху на своих парашютиках, они попадают в леса и луга, очень отдаленные от того места, где зародились. Из тысяч и тысяч семян там приживаются единицы. Только в нашем случае разные луга и леса — это планеты разных систем, одна из которых — наша Земля, а семена — это молекулы аминокислот. Об этих веществах вам еще расскажут в старших классах — это «кирпичики», из которых сложено все живое: от примитивного вируса до человека.

Только «транспортировка» жизни на межзвездные расстояния совершенно не реальна по многим причинам. Например, из-за губительности космических излучений (от них наша планета защищена атмосферой). Еще из-за невозможности повторения условий жизни на новом месте по сравнению с той планетой, где эта жизнь зародилась. Да и сами предполагаемые «транспортные средства» — метеориты там, кометы, космическая пыль — не слишком комфортны: мягкой посадки не бывает.

Иначе говоря, научные данные свидетельствуют в пользу того, что за пределами нашей солнечной системы жизнь даже в самых примитивных формах существовать не может. Поэтому я считаю, что пришельцам просто неоткуда прилететь.

Детские глаза прояснились, а лица успокоились. Я чувствую, что детям сейчас было сказано самое нужное, и они, веселенькие, снова убежали на улицу. Теперь будут слушать своих приятелей и думать: «Ну-ну! Ври больше. А наш папа в НЛО не верит» [\[2\]](#).

— Мама, а в Вовку может вселиться дух волка?

— ???

— Вовка говорит, что в нем живет волк. Что он оборотень. Вовка заводит нас под лестницу, где потемнее, рычит и бросается на нас, будто он волк.

— Во-первых, никаких оборотней не существует. А во-вторых, это просто такая игра у Вовки. Кстати, очень плохая. Он глупых фильмов посмотрелся и поглупел от этого. А вы с ним под лестницу не ходите. Еще чего выдумали!

— Мама, а он беснуется!

— Да нет. Просто ломается, чтобы вас, маленьких, заинтересовать собою.

Как мы не отбиваемся, а эта тема все-таки копится и копится в наших семейных разговорах. Дети приносят ее отовсюду, и в том числе из школы. Там им и про ауру с кармой расскажут, и про разного рода энергетику, и про пришельцев из космоса, и про НЛО — опять и снова. В церкви тоже есть книжка про НЛО — в киоске продается. Почитал человек, вроде бы заинтересовался.

— Ладно, — сказала я. — Принесу тебе всю книжку отца Серафима Роуза, а то тут только одна глава напечатана.

Обещание это как-то странно выветрилось из моей головы. Только через год принесла я в дом эту книгу. Сама ее снова перелистала, а вечером прочитала несколько страниц детям: разные «страшные» случаи, связанные с бесовщиной. Что-то им объяснила (о пользе молитвы). Как мне показалось, очень хорошо это у меня получилось. А ночью по нашей семье был дан такой демонский залп (умолчу о нем), что я пришла в себя только через несколько дней. И поняла я: нужно вернуться к принятому мною ранее обычаю и никогда от него больше не отступать. Это у меня было интуитивно правильным: не надо говорить не к месту (просто так) об этой нечисти. Мы с детьми любим Бога. Ему молимся. О Нем говорим. Нам нечего страшиться. Мы — Божьи. Господь нас учит, наказывает, если нужно, и — спасает. Так и буду дальше жить.

Однажды я ребятам сказала:

— Вот объявили бы по радио: в таком-то театре показывают настоящих Ангелов, а в другом — бесов. Мне кажется, что на Ангелов и смотреть бы никто не пошел. У них все однообразно: свет, сияние, простота, мелодичность, плавность. Красота, одним словом. А на бесов бы все сбежались: там темно, а в темноте огоньки разноцветные вспыхивают. Музыка то рычит, то вопит, то скрежещет. Можно попрыгать, подрыгать, полягаться. Движения через край.

Старший мне ответил:

— Нет, мама, на Ангельское представление, все-таки, один бы раз сходили. Из любопытства. А потом бы все на бесов повалили. И чего людей на всякое такое тянет?

Парадоксальная вещь: один из этапов духовной жизни человека — это открытие того, как страшен бес. В кругу детского чтения есть любопытное стихотворение на эту тему — «Бесы» Пушкина:

Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

— Мама, а о чем это стихотворение? — спросил меня несколько озадаченный сын.

— О том, что бесы — они очень страшные. Не верь тем, кто говорит о них так: чертенок, бесенок и прочее. Это сказки. На самом-то деле слуги сатаны невообразимо страшны.

Пушкину это открытие далось непросто. У него есть маленький стихотворный цикл под заглавием «Песни о Стеньке Разине». На мой взгляд, в русской литературе нет более точного изображения нашего родного (да и не только нашего!) язычества.

В первой из песен цикла Стенька изображен плывущим по Волге в лодке. Рядом с ним его товарищи и красавица-княжна. Он не пьян и не раздражен чьей-либо укоризной (как в широко известной песне Садовникова «Из-за острова на стрежень»). Стенька глядит «на матушку на Волгу». Он переполнен восхищением ее красотой, благодарностью к ней. Эти человеческие чувства прекрасны, но весь вопрос в том, что делает человек, движимый ими. Стенька хватает красавицу-княжну и бросает ее в Волгу. При этом он вполне прекрасен. Вот изображение подлинного язычника! Стеньке не нужны капища, жертвенники, идолы. Жертвенник язычника — его сердце. Благодарный и влюбленный в стихию, он ей же приносит и жертву:

Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

В третьей песне цикла (у нее, кстати, нет историко-фольклорных источников — это подлинно авторское произведение в народном стиле) Стенька слышит некий зов воздушной стихии — “погодушки” (как тут не вспомнить духа зла и “князя, господствующего в воздухе” из Послания к ефесянам Апостола Павла?):

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача в поле слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему...

Кто зовет и манит за собой на страшные разбойные дела Стеньку? Пока этот кто-то в изображении Пушкина вполне прекрасен. Кужасу «Бесов» поэт подойдет лишь по прошествии двух лет, и вот в этом-то его произведении голос «погодушки»-вьюги зазвучит, наконец, со свойственной бесовщине надрывной мучительной нотой.

Ох, устала я писать на эту тему. Отвлекусь немножко. Был в моей жизни один случай. Как-то на первую неделю поста пришелся в детском саду утренник, связанный с праздником 8 Марта. Грустно брела я на него: «Что за жизнь у нас такая перековерканная? Ваня так ждал этого утренника. Песенки да стишки учил к нему. Подарок какой-то для меня делал. Убежал сегодня в садик совершенно счастливый: «Праздник у нас, мамочка, будет — закачаешься». Не решилась я сказать сыночку: «Какой праздник? Пост у нас». Бреду на утренник, а завтра мне идти на преждеосвященную Литургию. Причащаться буду. Так что же у меня за пост такой? С праздником, песнями и танцами».

Вошла в зал. Села. Подумала: «Как здесь сейчас все волнуются. Воспитатели много сил вложили в подготовку праздника. Хоть бы ребята ничего не напутали, не заробели». Помолилась я, чтоб хорошо праздник прошел.

Зазвучала музыка. Вошли в зал дети. Такие все милые, радостные, взволнованные. Жалко мне их стало. Выйдет мальчонка, а я боюсь за него: «Хоть бы стишки свои не забыл. Помоги

Господи!» Девчушка запоет: «Ну, не робей, не робей, миленькая». Господи! А какие детки славные! Они ведь сюда для хорошего дела пришли: сказать мамам, что любят их. В стишках своих обещают быть послушными. И верят в это, шалуны! Обмерла я от любви и жалости к этим детям. Как мне тогда было хорошо с ними — в том праздничном зале, на Первой седмице Великого Поста!

Ведя домой счастливого Ваню, я твердо знала: это хорошо, что у нас был мамин день. И я молодец, что не осталась дома под предлогом Поста. Только вот не могу понять: почему же сегодня мне было так сладко среди этого праздничного веселья?

В то время я была очень наивная. По своей привычке хоть как-то, но отвечать на свои вопросы, я удовлетворялась таким решением: «Вот если бы у меня было открыто духовное зрение, то я бы сегодня ясно увидела: в зале-то праздничном Ангелов было битком набито. Раз детей много, значит, и их много. Вот мне и было хорошо в Ангельской компании». С тех пор я всегда вхожу в детский сад или школу с такой мыслью: здесь Ангелов полным-полно. Я просто иду через их строй.

Глава 10. Маленькие дети Небесного Отца

“Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного”.

Это слова Господа Иисуса Христа. Интересно, а почему так? Ребятишки ведь немало плохого в своей детской жизни делают. Мне возразят: но размыслить-то об этом сами дети не могут. Вот поэтому и в грех им дурные деяния не вменяются.

Хорошо, отвечу я, все так. Но и взрослые немало творят грехов по недомыслию. Апостол Павел писал о себе, имея в виду свое прошлое как гонителя Церкви: «...так поступал по неведению, в неверии». Видимо, о таких грехах («по неведению») сказано и в Евангелии: тот, кто знал, но не делал, будет бит много, а кто не знал — меньше. К детям же это явно не относится. Здесь что-то другое.

Начнем свое размышление с Ангелов. Где они находятся? В хоре, славословящем «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный», или рядом с детьми? Конечно же, рядом, как и наши Ангелы-хранители. Продолжая оставаться рядом с нами, они одновременно пребывают и в небесном мире, к которому приложена вся их жизнь. И вот тут-то, неподалеку, кстати, от нас, Ангелы-хранители детей видят Лице Бога... Какие-то особые Ангелы. Или им что-то особое открыто... О да, да! Особое! Они видят постоянно обращенное на детей Лице Божие — вот что! Значит, получается, что Отец непрестанно смотрит на Своих маленьких детей. А почему? Да, наверное, по той же самой причине, по которой и мы не сводим с них своих глаз. Дети по-особому прекрасны. К ним тянутся глаза и руки. Взять на руки маленького! Потетешкать, подкидывая его кверху! И отпустить: беги! И слушать нежный детский голосок. У детей ведь даже тень красивая! Не замечали этого? А вы понаблюдайте.

Вот так, я думаю, обстоит дело с Ангелами детей. Они на особом положении, потому что видят: Небесный Отец взирает на детей постоянно. Маленьких ведь всегда любят сильнее, чем больших. Видно, это как на земле, так и на небе. Дети — природные граждане Небесного Отечества!

Детям о грехе говорят немного. Просто: это хорошо, а это плохо. По моему осторожному

предположению (может быть, я здесь ошибаюсь), это необходимо, чтобы дети, вырастая, всегда хотели видеть Лице Отца в Церкви Сына. Он Отца не заслонил. Господь — одесную Отца.

Зачем же тогда этих маленьких с детства приводить туда, где ко Кресту в страшной муке пригвождены наши грехи? А вот зачем: дети уже сейчас очень страдают. Они подневольные. В их жизни много обиды, непонимания. Мечтаний, которые никак не исполняются. Детей бьют. Им ставят плохие оценки, и они плачут. Им не дают стишки к празднику, говоря, что дикция плохая. Дети застенчивы, робки. Вон Алинка: выскочила на середину зала и тараторит о маме. А этот тоже бы так хотел, но он какой-то забитый. А как было бы здорово — громко так прочитать. Все: ах, какой мальчик! По головке бы погладили. А так — ничего у него не получается. «Какой-то я неумелый». Ручки не слушаются, ножки в танце заплетаются. Других много любят, а этого — мало. Кто же его, «обремененного и труждающегося», утешит? — Господь. Приведите же дитя к Нему.

«Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». По выражению блаженного Августина, фигурка ребенка стала в Церкви символом смирения. Гм... А это о каких детях — тихих, смиренных, послушных? Да, но они часто бывают шумными, плохо воспитанными, непоседливыми, своевольными и (помилуй, Господи!) развращенными с младых ногтей.

Сосед, хохоча, рассказывает нам о своем пасынке:

— Мишка с этой девчонкой постоянно в семью играет. Вот таскают они своих кукол, таскают, а потом спать ложатся. Как и положено ложатся. Ха-ха-ха!

Какое жестокое глумление над детьми! Сейчас этому мужику не до смеха: в тюрьме сидит. Я видывала, как эта девочка играет «в домик». В ней заложен невероятно сильный материнский инстинкт. Все малыши во дворе становятся ее детьми. Она разыгрывает с ними целые представления. Чаще всего повторяется такая сценка: «мама» идет с работы, а навстречу бегут ее маленькие «дети». Она их обнимает, целует и ведет с улицы «домой». Девочка некрасива, и я все думаю: неужели у нее не будет нормальной семьи — не такой, как та, где ей показали что не нужно?

Все дети, даже самые плохие, становятся хорошими, когда играют в свои детские игры. Это их жизненное пред Богом дело — играть. Я смотрю на это и учусь. Вот девчонки опять расположились напротив моих окон со своим игрушечным «домиком»: коляски, куклы, посудка, тряпочки. Так и я буду делать. Таскать своих «кукол», укладывать их спать, кормить... Играть «в домик». Я в детстве «в домик» мало играла. Я сейчас это наверстываю.

Девчонки, когда их обидают, плачут. Вот и я, если что, поплачу. Потом вытру слезы, и опять за игру. Мне платье новое принесут. Я обрадуюсь. Начну перед зеркалом вертеться. А почему бы и нет? Платье-то вон какое красивое.

Хорошо, когда ребенок занят своим делом, то есть игрой. Хуже, если начал слоняться по комнатам, завалился на диван, уставился в телевизор. Говоришь ему: «Что ты разлегся? Пойди поиграй». Игрушки дети — хорошо, не играют — плохо. Вот это я и присвою себе.

Что еще мне нравится в детях? Их любовь к жизни. Вы когда-нибудь видели ребенка, ненавидящего жизнь? Я — никогда. Соседского Мишку выгнал из дома пьяный брат. Мишка голоден, кое-как одет. На лице еще слезы не высохли, а он уже заметил на помойке ломаный велосипед. Пошла потеха! Носится по двору на нем как на самокате, и все плохое забыл. Так и я: поплакала, погоревала и опять схватилась за свое веселое жизненное дело.

Мне возразят: «Да, но Господь не просто поставил ребенка посреди Своих учеников. Он еще сказал: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него». Вот ведь о чем речь — о ребенке, принимающем Царствие Небесное. Хорошо, а как дети принимают его? Да вот так:

— Расскажи мне, миленький, о Боге.

— Бог добрый. Он меня любит.

Все! Принял! Митя говорит, стоя в храме:

— Мама, а зачем люди по сто раз повторяют «Господи, помилуй»? Это для верности? Чтобы знать, что точно уж — дошло?

— Нет, не для этого. Чтобы мысли плохие в голову не лезли.

— А!

Подвиг молитвенный — это для взрослых. Детям много молиться как-то не пристало. Чтобы ребенок начал вдруг бесчисленно молитву Иисусову творить, надо его волю исковеркать донельзя.

Вот смотрю-смотрю я на простую, маленькую, неэмоциональную молитву детей и думаю: а я тоже так хочу! Помолилась спроста и отошла от икон, совершенно утешенная: я сказала сейчас Богу самое нужное. Никакой неудовлетворенности, рефлексии! Не до того мне — игра ждет. Бегу на кухню: так, кастрюлька, молочко, чайничек. Самый мой намоленный покойный уголок в доме — около плиты. Сколько мне здесь хороших мыслей в голову пришло! На одной ноге порой замирала от радости: «Ну, надо же! Как, оказывается, мир-то устроен!» Здесь я научилась отдыхать от урагана своих дум. Куда мне рваться, бежать, зачем мучить себя разными вопросами? Нужны ли они? Вот самое важное в мире дело — сварить суп, накормить обедом семью. Нужнее этого ничего нет. Доварю его и подумаю, что мне дальше-то в жизни делать. А пока: отдохни, душа.

Режу картошку. Прислушиваюсь к тому, что в доме происходит. Опять ребята ссорятся! Закапали слезы на картофельные брусочки: «Ну, что мне с ними делать? Все нервы своими ссорами вымотали». А кто-то мне отвечает: «Терпи». Это чей же голос опять во мне раздался? Не знаю. Похоже, я сама с собой научилась разговаривать.

Скажут мне:

— Послушай: через два часа светопреставление.

— Ну, и что? Суп-то надо доварить. Ребята сейчас с улицы прибегут. У моих, знаешь, какой аппетит? Все подряд метут. Вот накормлю семью, вымою посуду, а там посмотрим.

Растут мои дети — расту с ними и я. Вот свекровь мне недавно сказала:

— Ты зачем опять в церковь-то пошла? Пусть старухи туда ходят. Им делать нечего, а у тебя есть семья.

Мудрые слова, между прочим. Я, наверно, в старости акафистник до дыр зачитаю. Дети вырастут, развяжут мне руки, а с ними и мои мысли. Стану другая — напишу третью книгу. Назову ее как-нибудь так: «Записки старицы». Из посланий Апостола Павла я узнала, что

старицей в Церкви называется просто старуха. Да-да! Вот, пожалуйста, как об этом писал Апостол Павел в послании к Титу: «...чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не приобщались пьянству, учили добру; чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить детей, быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие».

«...Любить мужей, любить детей» — да этими призывами я готова испестрить свои книги сверху донизу! Только ведь их тогда читать-то никто не будет. Вот я и ухищряюсь, хотя пишу-то на самом деле все время об одном и том же. Я готова написать об этом и третью книгу, но уже в другую эпоху своей жизни — старухой, оставившей позади свою веселую игру «в домик».

...Где-то на святой горе пролегла моя родная узенькая тропинка. Я раньше думала: узкий путь спасения — это когда все идут толпой и поэтому всем тесно. А теперь я понимаю это иначе. По тропинке, предназначенной одному-единственному человеку, сначала проходит Господь. За Ним остается святой след, и вот по нему-то и пойдет Его ученик. Шаг влево, шаг вправо, и человек начинает тонуть. Потому что мир, по словам Апостола Иоанна, лежит во зле. И только путь жизни, данный человеку Богом, свят. Здесь все ему дается ко благу: рождение, детство, молодость, труд, брак, жена, муж, дети, болезни, старость, смерть. Только уходить с этой тропинки нельзя, потому что имя ей — Царский путь. Он называется так не потому, что пролегает посередине. Царский путь может и не совпадать с золотой серединой. Тропиночка жизни петляет, о как она петляет на святой горе: то вверх идет, то вбок, то вообще поползла вниз — к подножию горы. Путь этот наречен Царским, потому что его дал человеку Царь. Сказал рабу: иди здесь. Человек смиренно пошел по своему жизненному пути, и над его головой закружились тучи Ангелов.

Так что иди, сестрица. Выходи замуж. Радуй мужа веселым и ласковым нравом. Рожай детей. С колясочкой броди по двору. Вари на завтрак мужу и детям кашку... Это твой царский путь. Не веришь? А ты попробуй. Сама увидишь.

Глава 11. Истинное происшествие

Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему...

От Луки, 17, 3.

Великая Суббота 1998 года. Девятилитровая бадья с квашней, испестренной крапинками изюминок. Формочки и формы для куличей. В духовке шкворчит свиной оковалок. Митя бродит по кухне, раздувая ноздри: он нюхает свой любимый запах нашпигованной чесноком свинины. Все что-то делают: взбивают, перебирают, чистят, трут, режут. Дорисовывают последние загогулилки на крашенных яичках. И говорят...

Странные речи ведутся сегодня на нашей кухне. Вот хорошо бы нам в пасхальную ночь причаститься. Только чтобы всей семьей. Именно — всей! Пошли же эти разговоры от ребятишек. У них мечта: отстоять всю ночную службу в храме. Они ее ведь никогда не видели! А посмотреть хочется. И еще — причаститься ночью. Это же так интересно: храм, ночь и вдруг — Святые Дары. На Страстной Неделе я, в ответ на эти мечтания, им говорила:

— Тяжело, конечно, стоять так долго ночью. Но ведь можно и посидеть. Найду я для вас в церкви местечко. Подремлете у меня на плече. Это только кажется, что сидя спать трудно. Очень даже просто! Посмотрите, как сладко спят в транспорте взрослые.

— Ой, мама, тогда пойдем!

— А это как наш папа.

И вот пришло утро Великой Субботы, и папа так загадочно роняет нам:

— Я еще не решил.

Ребятишки не отстают, уговаривают:

— Папа, мама, ну, соглашайтесь! Что вы мнетесь?

И вот тут вдруг обнаруживается, что в нашей семье никто не знает, как люди добрые причащаются в Пасху. Молитвенное правило читать обычное? Да, наверно, обычное. А есть можно? Нельзя? А сколько времени нельзя?

— Погодите, — говорит Митя. — Сейчас мы это выясним.

Он бежит в комнату, таща за собой брата, хватая молитвослов с новомодным приложением и начинает его изучать. Дети что-то между собой обсуждают и, наконец, с победным видом возвращаются на кухню.

— Мы все выяснили. У тебя тут как написано? «Не есть с 12 часов ночи»... Значит, делаем так: едим спокойненько до полуночи. А потом начинается церковная служба, и мы все дружненько перестаем есть.

— Митя, — говорю я в ответ, — а что если в данном случае речь должна идти не о той полуночи, которая впереди, а о той, которая уже позади?

— Не есть целый день?! — ужасается сын. — Этого не может быть!

Между тем я начинаю что-то припоминать. Какие-то разговоры... Будто именно так и делают. Но пока я об этом молчу. Потому что мне еще не совсем понятно то, что происходит сегодня в нашей семье.

Дети приуныли. Сидят молча. И вот тут я им говорю:

— Сейчас пойдем в церковь святить куличи. Вот и спросим там у батюшки. Только, пожалуйста, Митя, сделай это сам.

Собрали мы после обеда сумку с пасхальными яствами и пошли. Папа как-то таинственно отмалчивался, не говоря нам ни «да», ни «нет». Это вселяло в нас надежду, а от нее всем на сердце становилось очень весело. В церковь ребята летели как на крыльях: погода славная, вот-вот наступит чудный праздник, мы все вместе пойдем ночью в храм и, наверно, будем причащаться. А дома-то сколько вкуснящей еды наготовлено! Болтали мы всю дорогу без умолку.

Веселый, окрыленный Митя подлетел в храме к батюшке и выпалил:

— Скажите, пожалуйста, а как надо готовиться, чтобы сегодня ночью можно было причаститься? Ночью причаститься?

Двенадцатилетний мальчик получил от священника ответ. Какой-то погасший, растерянный подошел ко мне Митя: сегодня ночью у нас в храме причащать не будут. Я пожала плечами и

отвернулась. С освященными куличами мы молча вернулись домой. Услыхав новость, папа хмыкнул и ушел в комнату. Я убрала со стола молитвослов...

А все-таки день-то был славный! То, се, пятое, десятое. Разные домашние дела... Фу, кончились! Я принарядилась и села с ребятишками перед телевизором. Только голова моя работала в каком-то странном направлении...

В эти часы я вспомнила многое. Я ведь знала о том, что в нашем храме в Пасху не причащают. Сама же года три назад слышала это своими собственными ушами: «Причащать не будем, потому что в Пасхальную ночь в храме бывает очень суетно» [3].

Когда я услышала эти слова, то мне показалось, что подо мною покачнулся пол. Я в этот момент чуть не упала. Я ничего не выдумываю, говорю самую настоящую правду: тогда я просто онемела от изумления.

В ближайшие после этого дни я подходила к церкви, глаз на нее не поднимая. Мне казалось, что ее, бедную, кто-то очень сильно обидел. Как бы оскорбил. Мне было стыдно за нас перед нашим храмом. Это чувство в себе я потом поборола, однако примирить в своей душе два понятия — Литургию и непричащение паствы — так и не смогла.

Но как же случилось, что я забыла про все это в Великую Субботу 1998 года? А вот как. Я человек наивный. Подхожу к расписанию в церкви и читаю: «Пасхальная заутреня. Божественная Литургия».

— Ну, вот, — вздыхаю облегченно. — Написано: Литургия. Значит, все нормально. Будут причащать людей. А иначе бы не написали слово «Литургия». Видно, священники передумали. Или что-то изменилось. И вот теперь все нормально.

Я, спокойная, иду себе домой. Думать-то обо всем этом мне не надо. Меня это не касается. Я вот сейчас сказану о себе такое, от чего половина моих читателей книгу эту из рук побросает, возопив: «Да что ты нам голову морочишь!» Не знаю, как и сказать... Я ведь изнутри-то церковь пасхальную, праздничную отроду не видывала. Когда-то давно, в юности, было один раз. А вот с тех пор, как я в Бога уверовала, ни разу. Одну меня в церковь никто ночью не пустит. А не одну? Вот постоим мы, вдвоем или с подростками детьми, около храма, посмотрим на крестный ход, похристосуемся и домой пойдем. Мне нельзя вслед за крестным ходом входить в храм. «Домашнее начальство» не позволяет. Что ж, около храма постоять в чудную Пасхальную ночь — это ли не радость?

Так было до поры до времени. И вот грянула Пасха 1998 года, и двери храма распахнулись перед нами. Я знаю: нынче мы войдем туда вместе со всей церковью. Войдем всей нашей семьей. Это согласовано и утверждено на семейном совете. Мы дождались своего часа. Да, но там-то нас ждет какая-то странная Литургия. Я никогда не видывала такой: это Литургия, за которой Божий народ не причащают. И упоминаний-то о таком Богослужении я нигде не встречала! Что же это такое?

Мне потом объяснили:

— Это традиция, оставленная нам Церковью синодального периода. Так было в царской России. В пасхальную ночь тогда народ не причащали.

Как?! С трудом сдержав движение лицевых мышц, я мысленно разинула от удивления рот. Значит, за этими пышными описаниями пасхальных торжеств у Гоголя, Шмелева и других — пустота? Как же я сама не обращала внимания на это раньше: в воспоминаниях о

дореволюционной России нет упоминаний о причастившихся в эту ночь людям. Но, видимо, здесь опять сказалось какое-то чудесное воздействие на меня слова «Литургия». В моей голове не помещается мысль об Евхаристической Чаше, утаенной в алтаре.

По дороге в храм ребяташки подпрыгивали от удовольствия. Все в эту ночь им удалось испытать: шествовали вокруг церкви, толпились у крыльца, вступили в храм. Вот дети прошли в крестном ходе, сразу за священниками, вперед. Ну, что делать? Надо теперь лезть за ними. Чтоб они нас видели. «Пропустите, пожалуйста, боимся потерять детей. Они впереди», — так шептала я, а сама все лезла и лезла вперед, таща за собой мужа. Наконец, добралась: вижу лица детей, машу им из толпы рукой. Все, мы у ступеней. Я начинаю смотреть вокруг. Я размышляю. О Церкви, о себе, обо всех нас.

Праздник... Да, это праздник. Здесь красиво, светло, торжественно. Гремит хор. Ну, с хором-то для меня все по-прежнему: «пели бы попонятнее», так я бы мысленно всех певчих «облобызала». Маловато я понимаю в их пении, а раз так — значит, в голове у меня несутся свои мысли, свои молитвы. Мне скажут: «Выставилась тут в поношение всей Церкви». Ну, что ж. Полезное, кстати, дело: всмотреться в одну из овечек Божьего стада, со своим духовным поиском, со своим недоумением и — со своей обидой.

Вот — я сказала это слово: обидой. Нас оттолкнули. Нас обидели. Оказалось, что мы Церкви-то не нужны... Но ведь это неправда! Роскошное, питающее мой дух чувство: я, как блудный сын, всегда нужна Отцу. Он рад и малому слову моего покаяния, моей любви, обращенной к Его Сыну. И вот сейчас, в Праздников праздник, я недоумеваю: кто же меня оттолкнул?

Опять я слышу чей-то возражающий голос:

— Сколько раз Церковь Христова звала тебя: «Со страхом Божиим и верою приступите...» Где ты тогда была? Не лги, что на твоём пути был только мужний запрет. Была еще и лень, и трусость, и сомнение, и забота мира сего. Ты не вела своих детей в праздник, потому что не считала это нужным. Так было и раз, и два, и три... Сто раз так было! Что ж ты сейчас закатываешь истерику по поводу традиции, утвердившейся в нашей Церкви? Скажи, как тебя учат: «Не достойна», и отойди в сторонку. Стой и радуйся Пасхе!

Да, это я могу. Мне скажут: «Встань на колени», — я встану. «Посыпь голову пеплом», — посыплю. Но все это я сделаю с чувством равенства со всеми членами Церкви Христовой. То, как можно захотеть спасти для вечности подобное мне создание, я вообще не понимаю. Сам замысел спасения кажется мне просто фантастичным. С этой точки зрения я, конечно, хуже всех. Уж свою-то душонку я знаю. Другие наверняка лучше меня. И вот те, кто служат в алтаре, из числа самых лучших. Но почему они в Пасхальную ночь не допустили к Чаше моих детей?

Стоя в Пасхальную ночь у ступеней алтаря, я почему-то все время озиралась на праздничную толпу. Я ее разглядывала. Вообще-то понятно почему... Тем Великим Постом я впервые обнаружила в своей душе тень настоящей приязни к верующим в храме. Под многолетним натиском поддался, наконец, мой критицизм, моя насмешливость в отношении людей, не похожих на меня. И сейчас, озираясь по сторонам, я просто купалась в той симпатии, которую испытывала ко всем вокруг. Люди были очень красивы! Наши церковные старухи, их внуки, все эти женщины, мужчины... На лицах людей не было ни тени сомнения или недовольства. Им говорили: «Миром Господу помолимся»... И Святая Русь ласково отвечала на этот молитвенный призыв. А я — я так не могла.

Вот читают с амвона пасхальное послание св. Иоанна Златоуста. «Приходите, приходите все!»

— гремит торжественный голос, но я-то знаю, что это говорится понарошку. Вот мы, держась в своей семье друг за дружку мертвой хваткой, приплелись, наконец, в этот виноградник, но нам будто сказали: «Приходите послезавтра. У нас сегодня неприятный день».

Глаза мои отказываются видеть все это. Вот закончится сейчас заутреня, начнется Литургия, и я, наверно, заплачу. Молиться я не смогу совсем...

И вот в этот момент, в промежутке между заутреней и Литургией, над моим ухом вдруг раздался родной голос: «А что мы здесь стоим? Пошли лучше домой». Я обрадовалась: «Пошли». Мы долго уговаривали детей, упрямо твердивших нам: «Нет-нет, мы будем до конца».

Придя домой, мы посидели за столом. Посмотрели в телевизоре на Божественную Литургию, за которой причащали Божий народ. Потом легли спать. Оставшись одна, я сказала Богу:

— Мы хотели к Тебе, Господи, но нас не пустили.

Придет время, и мои дети вырастут. Я скажу им:

— Не бойтесь остаться с теми, кто отвергнут людьми. Быть среди обиженных, угнетенных, отвергнутых — огромное преимущество. Потому что таковых любит Господь Бог. И помните: мытарь от церковного порога уходит более оправданным, чем фарисей.

В ту ночь я с горькой улыбкой вспоминала свой давнишний призыв: «Не гоните детей от Распятия». Когда я писала это в «Двух свечах», то имела в виду как маленьких, так и больших. Кто же гонит Божьих детей? Кто отделил в Пасхальную ночь пастырей от паствы? Не могу разглядеть, кто это? Это предания ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, законы ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ, уставы ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ. Мы мучаем себя ими... Предания человеческие, принятые с благоговением, как закон Божий, мешают нам любить друг друга. На нас напяливают тесную, некрасивую, побитую молью одежду, а мы все выскальзываем из нелюбовных рук.

Глава 12. Баллада о жене блаженной

Над темным городом летел Ангел. Внизу тихо проплывали спящие дома. И вдруг Ангел замер над одним из них! Маленький скромный домик весь трепетал от множества ангельских крыльев, окружавших его. Они были похожи на лепестки сияющих, почти прозрачных хризантем, собранных в букет и положенных на черный бархат. Ах, как красив был этот розовеющий букет! Однако еще прекраснее было то, что видели ангелы за слабо мерцавшими стеклами дома. Огонь человеческой любви полыхал там с такой силой, что, казалось, вся небесная рать, замерев от восхищения, взирала на происходящее под кровлей того бедного домика.

В нем плакала вдова. Тишину ее жилища не нарушали сонные вздохи детей, хотя была она еще очень молода. Было тихо. На столе стоял гроб, а в нем лежал тот, кого завтра должны были унести на погост, — ее муж. Никого из причта Анна не пустила в дом, сказав, что псалтирь будет читать сама. Однако она и не начинала этого делать.

От слез Анны стало мокрым все вокруг — руки, платье на коленях и даже пол около гроба. Когда слезы иссякали, Анна смотрела в лицо Николая и замирала от какого-то тяжелого недоумения. Странное было у него лицо. Будто Николаша чего-то от Анны ждал... И было в его лице еще что-то, не вполне понятное Анне... Всмотревшись пристальнее, женщина вдруг вскочила! Она явно должна была что-то сделать для мужа! Но что?

— Может быть, покормить Николашу? Ах, нет...

Обхватила Анна свою болящую голову руками и так, покачавшись на коленях, опустила ее рядом с Николашиной домовиной. Она стала вспоминать свое былое счастье...

Когда Анна бывала в церкви, то думала, стоя в толпе: «Нет места на земле лучше, чем храм». Возвратившись же домой, она с удивлением обнаруживала: ей хорошо у себя — как в храме... Об этой тайне Анна никому не рассказывала. Да и можно ли было поведать кому-нибудь такое? Кто поверит цветущей молодой женщине и ее несвязному рассказу о благодати, которая будто бы неотступно живет в ее маленьком счастливом домике? Анна думала об этом робко, но чем дальше, тем ярче и ярче переживалось ею одно удивительное чувство.

Вот, сняв шляпку и мантилью, входила Анна в крошечную свою гостиную. Немного постояв, она начинала с удивлением оглядываться вокруг себя:

— Почему мне всегда так хорошо здесь? На душе радостно, будто я и не уходила из храма.

Подходила Анна к иконам, поправляла лампадку и думала:

— Вот что! Наверно, моя Троеручица — чудотворная икона. А иначе — откуда такая благодать? Будто я когда-то давным-давно вошла в речку. Вода обступила меня со всех сторон. Так я и плыву в этой реке: она меня покоит, нежит, моет. Несказанно приятна вода в ней! Теплая такая...

Анна подходила к окну и смотрела на дорогу, по которой возвращался со службы ее муж. Без него она скучала всегда — каждую минуту своей жизни. Анна думала, глядя на пустую улицу:

— Я не постница, не подвижница, не молитвенница... За что же Бог так милует меня? И всегда-то Он слушает мою молитву, от которой бы, наверно, отпрянул, узнав ее, любой человек. Батюшка отец Исакий и тот бы не одобрил!

Как Анна молилась? Даже сама она удивлялась этому. Завидев из окна возвращающегося мужа, Анна выскакивала на крыльцо со словами, конечно же, тайными, спрятанными в глубине ее сердца: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, Боже». И так три раза — как в церкви.

— Ну, почему — аллилуйя? — думалось ей иногда. — Кто такой Николаша, чтобы встречать его подобным восклицанием?

Муж входил веселый. Целовал жену. Давал ей деньги, которыми награждали певчих в богатых домах. Клал на стол кулек — гостинцы с именинного стола. О чем-то рассказывал... Анна же смотрела на мужа, радуясь, что снова видит его.

— Глупая я глупая! — думала в такие минуты Анна. — Ну, и что здесь такого особенного — муж, видите ли, со службы вернулся! Живут же мужние женки покойно, тихо, важно, а мне все хочется от радости подпрыгнуть, увидев его. Прыгать-то нельзя — стыдно. Запеть тоже как-то неловко...

Задумалась Анна:

— Это перед людьми — стыдно. А перед Господом вовсе и не стыдно. Вот я перед Ним — скрытно так, чтоб никто не подсмотрел — и прыгаю, и веселюсь, и пою.

В Анне жило странное чувство благодарности к мужу за его любовь к ней. Дело было даже не в

том, что она не была красива. К этому Анна никогда и не относилась как к горю. Очень рано она поняла, что ее, невзрачную лицом и телом, никто замуж и не возьмет. То, что Николай полюбил именно ее, было чудом, удивившим Анну на всю жизнь. Впрочем, он и сам-то был собою не видным, хотя Анне казался истинным красавцем.

Когда-то давно Николай сказал молодой жене, едва приведя ее от венца:

— В тебе есть что-то от моей матери.

— А ты разве помнишь ее?

— Если бы! Ни черточки в памяти не осталось. А ты, я чувствую, ты меня никогда не бросишь. И вытащишь из какой-то страшной-страшной пропасти... Ты ведь удивительно сильная!

Эти слова Николаша повторял часто. «Из какой пропасти я могу вытащить его?» — недоумевала Анна. Не было у Анны ни малейшего чувства зависимости от нее мужа. Наоборот — зависела во всем от него она. Муж рядом, и, значит, можно было Аннушке стоять на земле ногами, — вот так она понимала свою жизнь с ним.

С самого начала своего счастливого замужества Анну томило странное чувство — ей хотелось кого-нибудь поблагодарить за мужнюю любовь к ней. Сперва это чувство теснило душу Анны, и она не знала, что ей с ним делать. Ведь Анну никто этому не учил: можно ли благодарить Бога за ласку мужа? Ощупью душа женщины выбиралась из этих духовных потемок: да, да, можно! А дальше... О, дальше с ее любовью к Николаше начало вдруг происходить такое, что Анна не знала, как ей об этом и помыслить. Лишь по прошествии пяти счастливых лет Анна, наконец, ясно поняла, что благодарность Богу никогда не остается без вознаграждения от Него. Это было колечко без начала и конца: Анна благодарила Бога за ласку и нежность мужа, а в ответ Он умножал и умножал в Николаше любовь к ней. Похоже, жертва хвалы, приносимая Анной, была столь приятна Богу, что Он, чтобы слышать это от нее вновь и вновь, возвращал в них обоим нежную любовь друг к другу. «Я — голубка в деснице Бога», — думала Анна, счастливая тем, что любима мужем.

Как-то зашла к Анне соседка — красавица Настасья.

— Вот ты, — сказала она Анне, — собою не видная, а Николай так и вьется вокруг тебя. И под хмельком он стал реже домой возвращаться. Чем ты его приворожила?

Анну этот вопрос застал врасплох, и она сказала попросту, как есть:

— Я Бога благодарю за любовь Николая, вот муж вокруг и ходит. Его Бог учит любить меня.

Настасья засмеялась:

— Это ты брось! Какая любовь может быть с тобой, тихоней, богомолкой?! Недаром вон детей-то у тебя нет... Скажи мне, Анна, правду: как ты своего Николая приворожила?

Анну немножко задело пренебрежение к ней Настасьи, и она ответила ей не без резкости:

— Ты вот и так и сяк перед своим мужем вертишься, а ничего с ним, беспутным, сделать не можешь. А сильнее-то себя никого не знаешь?

— Вот-вот! Скажи же мне, Анна, перед какой иконой надо молиться?

— А вот перед какой, — ответила ей Анна. — Глядя на любимое лицо своего драгоценного супруга Ивана Капитоныча. И еще в храме. И везде.

— Да ну тебя, — отмахнулась Настасья. — Видно, придется мне идти к бабке Сусанихе за наговоренной водицей.

Так текли годы. Детей у Анны и Николая не было, но ее почему-то это и не печалило. Анна была уверена, что дитя у них непременно будет. Столько счастья было в их домике, что она и представить себе не могла такое страшное Божие наказание!

...Однажды, заслышав шум повозки в их тихом переулке, Анна подошла к окну. По дороге ехала телега, а рядом шли певчие, друзья Николая. Шли они понуро, глядя в землю. На телеге же кто-то лежал, накрытый с головой серой попоной.

Певчие рассказали, как умер Николаша. В доме вельможного именинника гремела музыка. Когда отзвучали мазурки и котильоны, начался ужин, и вот тут пришла пора певчим показать свое искусство. Пели они удалые, веселые русские песни. Как знак поощрения передавалось снизу на хоры вино. Звенели набитые золотом кошельки. Вдруг — вскрик, и один из хора рухнул на пол. Звук, с которым голова певчего ударилась со всего размаха о паркет, был услышан за столом. «Перебрал молодец», — сказал хозяин, проводив глазами людей, потащивших кого-то вниз.

Когда Николая обрядили, Анна сказала, чтоб все ушли.

— Так вот почему так ждала-то я всегда Николашу со службы! Страшно было: а вдруг он ушел от меня навсегда?! Вдруг никогда не вернется... Муж уходил со двора, а душа-то моя так за ним и летела! Человек бы какой заглянул в нее — засмеялся бы: этой бабе дай волю, так она будет молить Бога о ноге своего мужа, чтоб она о камень не преткнулась. Да еще чтоб невяская волна на переправе не кропила холодной влагой его белое личико... Только Господь не смеялся над этой моей заботой. Ведь теперь-то я знаю, почему мне так хорошо было в нашем домике. Здесь жила Любовь. А где Любовь, там и храм.

Встала Анна на ноги и с удивлением осмотрела себя. Унесут мужа из дома, как же она будет стоять прямо? Анне казалось, будто чья-то рука подняла ее вдруг в воздух, и не стало под ногами женщины опоры. И что за пространство вокруг? Серое, темное, какое-то горькое месиво, похожее на слезы...

И мужу плохо. Ах, как плохо ему! Отчетливо, явственно Анна вдруг увидела: невыносимое страдание застыло на лице Николаши. Откуда оно? От острой, как нож, боли, разорвавшей его сердце? Или от того, что происходит с ним сейчас? Встала Анна над гробом и своими руками стала разглаживать на мертвом лице морщины страдания. Оледенели от этого ее руки... Бессильно опустила их Анна. Стереть печать муки с лица Николаши она не смогла.

— А раньше каким счастливым и беззаботным делала я его! Но почему же у Николаши такое лицо?

Трудно было думать об этом Анне. Не хотелось ей заглядывать в страшную адскую пропасть... Казалось, что, всмотревшись туда, она увидит страдание, от которого ее душа, хрустнув, рассыплется на кусочки. И еще одно знала о себе Анна: за Николашу она готова умереть. Как бы задержавшись на краю пропасти, Анна чуть-чуть помедлила. Кто-то ждал ее впереди. Этот кто-то знал о ее готовности отдать за мужа жизнь. И сейчас, сейчас с нее будет взыскано полной мерой то, что сама же она взрастила в своей душе, безумно любя своего Николая.

Анна вновь всмотрелась в него. Все та же неизбывная мука выражалась на мертвом лице. Какая-то судорожная мысль о грехах милого мужа прошла в сознании Анны: «Не успел покаяться... Не приобщился... Был пьян... Песни играли... «В чем застану, в том и судить буду»... Господь говорил...» Заметалась по комнате женщина, не зная, куда и бежать ей, чтоб поправить эту беду. А потом остановилась и закричала, протягивая куда-то вверх свои руки: «Ну, помоги же ему, Господи! Сюда, сюда, ко мне, на помощь! Мати Божия, Никола угодник, все святые! Посмотрите же вы на него, как он страдает!»

Зашумели ангельские крылья над крышей домика. Весь горный мир пришел в движение от этого вопля, но печать посмертной муки лишь явственней проступила на мертвом лице ее мужа.

Мир, созданный Богом, не видел подобного тому, что происходило затем в тесной комнате. Эти несколько часов своей жизни Анна помнила смутно. То, что рассудок в ней гаснет, она понимала вполне. Эта мысль приходила к ней в промежутках между метаниями, когда несчастная женщина пыталась успокоиться и забыть о страдании своего мужа. Она подходила к окну, смотрела куда-то во мрак, но снова и снова видела перед собой лицо Николаши.

— Между мною и тобою — пропасть, — шептала Анна. — Все кончено. О, как бы я хотела взять тебя на руки и укачать, успокоить, утишить твою боль!

И она пыталась это сделать, а потом дрожащими руками поправляла в гробу подушки и покров.

— Не могу прикоснуться к твоей душе, Николаша. Кто-то схватил ее и душит, мучает, но я-то знаю, как приятна и мила душа твоя. Не насладилась я ею, о милый друг мой! Где ты? Где ты?! Я буду защищать тебя и вырву из страшных когтей. Я сильнее всех, потому что люблю тебя больше жизни!

Анна уже кричала во весь голос, и этот крик как будто отрезвил ее. Она села, сжала голову руками и попыталась привести свои мысли в порядок:

— Я чувствую, что мой муж сейчас глубоко и неутешно страдает. Помню, как умирала моя матушка. Батюшка отец Исакий исповедал ее, причастил. Она отходила тихо, без метаний, и лицо ее во гробе не было таким страшным, как у Николаши.

Анна вскинула голову, чтобы взглянуть на мужа, и тут же наклонила ее к коленям, крепко обхватив руками.

— Не смотри, пожалей себя. Тебе надо собраться с мыслями, иначе ты сойдешь с ума.

Чей-то тихий-тихий голос произнес в душе Анны эти слова. Она послушалась их. Она стала думать:

— Придет и мой смертный час. Расстанется душа с телом. Увижусь ли я тогда с Николашей? Когда-то я говорила самой себе: «Меня любит Бог и муж. Можно ли быть на свете счастливее?» Это было мое тайное грешное слово. Теперь муж умер. А что же Бог? Ведь я ничем Ему и угодить-то не могла, как только своей любовью к мужу. Я думала, что она была Богу приятна... А теперь? Стыдно сказать, но, кроме как о муже, я и молиться-то ни о ком не умею. Как же мне дальше жить?

Анна взглянула в окно. Светает?

— А как вдовы-то живут? Попросту — девятины, сороковины, години. Ходят по родительским

субботам в храм, просвирки вынимают, за могилкой ухаживают... Как мало этого! Мне-то нужен Николай весь. И чтобы мысль о нем была у меня как дыхание. Вот я, бывало, возьму Николашину ручку в свою, глаза-то вниз опущу, чтоб он моего лица не видел, а сама молюсь Тебе, Господи, глядя на эту милую ручку. Я каждую жилочку в Николаше любила. И никто ведь не знает, кроме Тебя, Господи, что для меня любовь к Тебе и мужу была воедино. Что же мне с собой теперь делать-то? В землю, что ли, себя закопать?

Анне вдруг как-то странно захотелось увидеть старый Николашин мундир. Тот самый, что был снят с него несколько часов назад. Анна взяла свечу и пошла в спальню. Встала над укладкой, разложив на ней Николашину одежду. А потом почему-то взяла и переоделась в нее. Тепло Анне стало, согрелась она. Будто это Николаша согрел ее. И будто он рядом... Анна протянула вперед руки, ища кого-то. А потом поправила рукава мундира, застегнула пуговицы, отогнула воротник. Одежда пришлась женщине впору, потому что у нее с мужем была одна мерка. Это был секрет, много смешивший Анну с Николашей. Они были одинаковые, и Анна, обшивая мужа, могла делать примерки в его отсутствие.

— Вот, Николаша, — говаривала шутливо Анна, — твоя рука длиннее моей ровно на палец. И рукавчик рубашки, чтоб был тебе впору, у меня должен достигать вот этой родинки на запястье...

Анна встряхнула головой и снова пошла в горницу к Николаше. А пока брела, решила:

— Мундир-то я не сниму. Анна в нем на Николашу похожа, — почему-то отстраненно подумала она вдруг о самой себе.

— Мне нужно научиться жить с мыслью о Николае, но уже без него. Вот его нет, а я все равно о нем думаю. Будто он живой! Как раньше — каждую минуточку. Ведь если я Николашу забуду, я и Бога забуду. У меня голова такая пустая! Нужно снова соединить это воедино — мысль о муже и мысль о Боге.

Вновь взглянула Анна на мужа и заплакала. Все то же страдание было на его лице! И сказала Анна своему Николаю:

— Я не брошу тебя в твоей муке. Я буду, как ты, мертвая. Тебя завтра зароят в землю. Я буду ходить здесь, как ты, и, может быть, когда-нибудь узнаю, не стало ли легче твоей душевке у Бога?

И Анна пошла собираться в путь — ведь Николаю еще долго предстояло жить на земле. При этом ей было приятно думать о том, что женщины со страшным именем «вдова Анна» больше на свете не существует.

Белым утром тело Николаши вынесли из маленького домика, и сонмы ангелов окружили печальную процессию. В этот день Анна не скрыла от близких правду о себе: «Анна умерла, а Николай жив. И мое имя — Николай». При этом она совсем не плакала! Ее жалели, пытались увести домой, переодеть в женское платье. Анна не давалась, твердя о себе единственную правду, которой ей хотелось поделиться с людьми от всего своего простого и искреннего сердца: «Зачем же возвращаться в тот маленький домик? Николаю без Анны там плохо».

Понимала ли Анна, что стала юродивой? Нет, не понимала. Она только заметила, какой странной дорогой вдруг потекла ее жизнь. Анне был дан подлинный язык юродства. Человек, услышавший Анну, становился не способен спутать его с красивой речистой подделкой. Дар юродства угловат. Речь юродивой задевала сердца, и люди, благодаря каким-то невидимым

царапинкам на них, вдруг начинали слышать ее слово о Боге.

Анна бродила по огромному городу. Особенно тянуло блаженную к людям семейным, чьи дома были похожи на ее с Николашей домик. Анна жалела таких людей и умела просто-просто молиться об их простых семейных нуждах. Простота эта была невообразима... Именно поэтому духовная личность Анны безошибочно узнается в бесчисленном сонме святых христианской церкви.

И стояла Анна под окнами и слушала жалобу бедной женщины об иссякшем в ее груди молоке. И сетования вдовца о не доступном для сына казенном учебном заведении. И пение радостных людей за пышным свадебным столом... Анна понимала огорчения и радости людей семейных. С участием сердце юродивой принимало к совершавшемуся в их домах, и она просила для них у Бога самого простого. Так некогда научилась Анна жить в своем храме любви: молиться о том, к кому можно было протянуть руку, приголубить, приласкать, улыбнуться с нежностью. Какой жила в доме с мужем, такой узнал ее и мир.

Среди видевших Анну не нашлось ни единого, кто записал бы рассказ о ее жизни в какую-нибудь маленькую тетрадку. В архивах нынешних и письмаца не найти с упоминанием о блаженной Анне. Никому не показалось это нужным — написать о великой святой. Сумасшедшая женщина с вечной просвиркой в руке, вынудившая в память о муже, — такой ее видели современники. И зачем ей этот маленький хлебец? И к чему эта вечная память... «Забудь о муже, забудь для горнего...» — казалось, шептали Анне со всех сторон. Для нее же память о Николаше была ведущей к Богу нитью, надежной, прочной, единственно-верной. И, проходя мимо кладбищенских крестов, Анна говорила поникшим у их оснований людям: «Если знаешь и любишь, помни, не судя ни о чем...»

...Однажды Анна увидела во сне Ангела. Он сказал ей:

— Интересно и весело жить тебе, Анна! Не дремлет твоя душа. Ведь столько бед и простых желаний открыто тебе в чужих сердцах! Иди же снова в мир и будь такой же простой. Ты можешь услышать всех, раз научилась этому, живя на земле. Смотри же, не отринь и малой просьбы, к тебе обращенной!

— А Николай? — спросила Анна, открыв глаза.

Молчание вокруг... А в руке — все та же просвирка, вынудившая в память о муже. Единственном. Незабвенном...

Глава 13. Святая Моника

Святая Моника — это мать блаженного Августина (354-430), Епископа Гиппонского, автора прекрасных книг о вере и Церкви. Она очень популярна на Западе и почти не известна у нас. О жизни своей матери блаж. Августин рассказал в девятой книге «Исповеди». Я не буду пересказывать ее биографию. Я просто приведу целостный фрагмент из книги блаж. Августина. Речь в нем пойдет не о молитвах св. Моника за сына, заблудившегося в манихейской ереси. Слова св. Амвросия Медиоланского к матери, плачущей об отвергающем Христа Августине: «Не может погибнуть сын стольких слез», известны и у нас. А вот как эта удивительная женщина жила со своим мужем-язычником? Что принесла она в этот брак из воспитавшей ее христианской семьи? Вот поучительный и вполне современный рассказ об этом:

«За старательное воспитание свое она не столь хвалила мать свою, сколь некую престарелую

служанку, которая носила еще отца ее на спине... За это, за ее старость и чистые нравы пользовалась она в христианском доме почетом от хозяев. Потому и поручена ей была забота о хозяйских дочерях, и она старательно несла ее. Полная святой строгости и неумолимая в наказаниях, когда они требовались, была она в наставлениях разумна и рассудительна. Она, например, разрешала девочкам, не взирая на жгучую жажду, пить даже воду только во время очень умеренного обеда за родительским столом. Она остерегала их от худой привычки разумным словом: «Сейчас вы пьете воду, потому что не распорядитесь вином, а когда в мужнем доме станете хозяйками погребов и кладовок, вода вам может опротиветь, а привычка к питью останется в силе»...

И, однако, незаметно подползла к матери моей... страсть к вину. Родители обычно приказывали ей, как девушке воздержанной, доставать вино из бочки. Опустив туда через верхнее отверстие сосуд, она, прежде чем перелить это чистое вино в бутылку, краем губ чуть-чуть отхлебывала его: больше она не могла, так как вино ей не нравилось. И делала она это вовсе не по склонности к пьянству, а от избытка кипящих сил, ищущих выхода в мимолетных проказах; их обычно подавляет в отроческих душах глубокое уважение к старшим.

И вот, прибавляя к этой ежедневной капле ежедневно по капле, она докатилась до того, что с жадностью почти полными кубками стала поглощать неразбавленное вино. Где была тогда пронизательная старушка и ее неумолимые запреты? Разве что-нибудь может одолеть тайную болезнь нашу, если Ты, Господи, не бодрствуешь над нами со Своим врачеванием? Нет отца, матери и воспитателей, но присутствуешь Ты, Который нас создал, Который зовешь нас, Который даже через... людей делаешь доброе, чтобы спасти душу. Что же сделал Ты тогда, Боже мой? Чем стал лечить? Чем исцелил? Не извлек ли Ты грубое и острое бранное слово из чужих уст, как хирургический нож, вынутый из неведомых запасов Твоих, и не отрезал ли одним ударом все гнилое? Служанка, ходившая обычно вместе с ней за вином, споря, как это бывает, с младшей хозяйкой с глазу на глаз, упрекнула ее в этом проступке и с едкой издевкой назвала «горькой пьяницей». Уязвленная этим уколом, она оглянулась на свою скверну, тотчас же осудила ее и от нее избавилась.

Воспитанная в целомудрии и воздержании, подчиняясь родителям скорее из послушания Тебе, чем Тебе из послушания родителям, она, войдя в брачный возраст, вручена была мужу, служила ему, как господину, и старалась приобрести его для Тебя. О Тебе говорила ему вся стать ее, делавшая ее прекрасной для мужа: он ее уважал, любил и удивлялся ей. Она спокойно переносила его измены; никогда по этому поводу не было у нее с мужем ссор. Она ожидала, что Ты умилосердишься над ним и, поверив в Тебя, он станет целомудрен. А кроме того, был он человеком чрезвычайной доброты и неистовой гневливости. И она знала, что не надо противоречить разгневанному мужу не только делом, но даже словом. Когда же она видела, что он отбушевал и успокоился, она объясняла ему свой поступок; бывало ведь, что он кипятился без толку. У многих женщин, мужья которых были гораздо обходительнее, лица бывали обезображены синяками от пощечин; в дружеской беседе обвиняли они своих мужей, а она их язык; будто в шутку давала она им серьезный совет: с той минуты, как они услышали чтение брачного контракта, должны считать его документом, превратившим их в служанок; памятуя о своем положении, не должны они заноситься перед своими господами. Зная, с каким лютым мужем приходится ей жить, они удивлялись; не слыхано и не видано было, чтобы Патриций побил жену или чтобы они повздорили и хоть на один день рассорились. Они дружески расспрашивали ее, в чем причина; она учила их своему обычаю, о котором я упомянул выше. Усвоившие его — благодарили, не усвоившие — терпели поношение.

Нашептывания дурных служанок сначала восстановили против нее свекровь, но мать моя услужливостью, неизменным терпением и кротостью одержала над ней такую победу, что та

сама пожаловалась сыну на сплетни служанок, нарушавших в доме мир между ней и невесткой, и потребовала для них наказания. После того как он, слушаясь матери, заботясь о порядке среди рабов и о согласии в семье, высек выданных по усмотрению выдавшей, она пригрозила, что на такую же награду от нее должна рассчитывать каждая, если, думая угодить, станет ей наговаривать на невестку. Никто уже не осмеливался, и они зажили в достопамятном сладостном дружелюбии.

Господи, милующий меня! Ты послал этой доброй служанке Твоей, в чреве которой создал меня, еще один великий дар. Где только не ладили между собой и ссорились, там она появлялась — где могла — умиротворительницей. Она выслушивала от обеих сторон взаимные, многочисленные и горькие попреки, какие обычно изрыгает душа, раздуваясь и взбаламученная ссорой. И когда присутствующей приятельнице изливалась вся кислота непереваренной злости на отсутствующую неприятельницу, то мать моя сообщала каждой только то, что содействовало примирению обеих. Я счел бы это доброе качество незначительным, если бы не знал, по горькому опыту, что бесчисленное множество людей (тут действует какая-то страшная, широко разлившаяся греховная зараза) не только передает разгневанным врагам слова их разгневанных врагов, но еще добавляет к ним то, что и не было сказано. А ведь следовало бы человеку человеческому не то что возбуждать и разжигать злыми словами человеческую вражду, а, наоборот, стремиться угасить ее словами добрыми. Такова была мать моя; Ты поучал ее в сокровенной школе ее сердца.

И вот, наконец, приобрела она Тебе мужа напоследок дней его; от него, христианина, она уже не плакала над тем, что терпела от него, нехристианина. Была она слугой служителей Твоих. Кто из них знал ее, те восхваляли, чтили и любили в ней Тебя, ибо чувствовали присутствие Твое в сердце ее: о нем свидетельствовала ее святая жизнь. Она «была женой одного мужа, воздавала родителям своим, благочестиво вела дом свой, усердна была к добрым делам». Она воспитывала сыновей своих, мучаясь, как при родах, всякий раз, когда видела, что они сбиваются с Твоего Пути.

И напоследок — Ты позволяешь ведь по милости Своей называться нам служителями Твоими — о всех нас, живших до успения ее в дружеском союзе и получивших благодать Твоего Крещения, она заботилась так, словно все мы были ее детьми, и служила нам так, словно были мы ее родителями».

Какая богатая жизнь во Христе предстает нам с этих страниц! Святая Моника жила в доме своего мужа просто и безбоязненно. Ее никто не пугал: «Ах-ах! Живешь в блуде. Не обвенчана с мужем...» Она, заключая брачный контракт, сказала своему мужу то, что говорили в древности все римлянки: «Где ты, мой Кай, там и я, твоя Кая». И он стал ее господином. Так просто — по-человечески и по-Божески: жена стала радовать своего мужа, служа ему. Вот и все!

Ну, а что ей волноваться-то? Разве она сама себя спасает? Это делает Господь. А Он ее найдет везде. Нигде не оставит. Вот и получается: ходит жена вокруг своего мужа, во всем угождает ему. Зла не делает, а только добро. Так чего же ей в мире бояться?

Посмотрите, как прост закон, который старается исполнить св. Моника. Весь он сосредотачивается в одной точке — послушание мужу. Разве она бы посмела огорчить своего мужа-язычника такого рода недовольствами:

— Ты почто скромное лопаешь? Нынче у нас Петровки. А в воскресенье разве можно в баню ходить? Ни-ни! А сейчас зачем на диван улегся? Родительская суббота наступила. Шагом марш в церковь! Стариков хоть своих помянешь.

Как-то смотрела я по телевизору встречу с одним митрополитом. Вот встает перед микрофоном бойкая такая старушка в платочке и спрашивает: «Можно ли мыться в воскресенье? А то я своих все время учу...» Митрополит ответил: «Как хорошо в воскресенье у обедни-то побывать...» Села старушка на место. Довольна, наверно. И вот представила я себе такую картину. Придет она домой и давай своего мужа носом в ответ митрополита тыкать: к обедне, к обедне нужно по воскресеньям ходить! А вот святая Моника так бы делать не стала. И позорить своего мужа принародно не стала бы.

Командует, командует своим мужем моя современница. И кто только нас этому учит? Ну, родители, и родители родителей, и вообще современная атмосфера. Это есть, не спорю. Но ведь есть и еще один учитель — Церковь. Вот разве бы какой пресвитер рискнул святой Монике сказать: «А ты постом мясного-то мужу не давай. Все делай как бы нечаянно, но с хитростью. Приучай, приучай своего язычника к благочестию». Интересно, как бы она на это отреагировала? Попробуйте отгадать (это к читателю)...

Когда я читала у блаж. Августина о св. Монике, то первое чувство, возбужденное во мне этим рассказом, было радостью за нее. Посмотрите, как идет по жизни эта женщина. Да, муж св. Моника — язычник, но ей и в голову не приходит, что этого можно стыдиться. Да, она ему во всем угождает. Но пусть только кто-нибудь попробует сказать дурное слово о ее Патриции! Она к этому субъекту спиной и пошла себе прочь. Вот так же, как и сейчас многие женщины уходят из церкви, смущенные суровостью нелюбовных слов, относящихся к их языческим семьям. С какой это стати выслушивать оскорбления в адрес собственного мужа? Ну, и что, что он язычник? Все равно он хороший. Честь мужа — честь жены, и нравственный закон не должен вступать в противоречие с уставным. Св. Моника и не знала такого противоречия, поэтому и была она счастливее моей современницы.

Позавидовала я св. Монике. Светлой завистью позавидовала. Все-то она сделала так, как и положено было делать святой жене: никого в доме собой не отяготила, не огорчила и — вот уж умница! — никого и словечком учительным не задела. И все в жизни св. Моника свершилось так, как и пообещал ученицам Христовым святой Апостол Петр: без словечка с ее стороны Церковь в лице Патриция приобрела себе еще одного верного сына. Вот как написано об этом в апостольском послании: «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие... Так некогда и святые жены, уповавшие на Бога, украшали себя, повинувшись своим мужьям. Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином. Вы — дети ее, если делаете добро и не смущаетесь ни от какого страха».

Я родилась с ненавистью в душе ко всему в мире. Мне каждый шаг по дороге любви давался огромным волевым усилием. И уж если я что-то полюбила, то в мире нет человеческой силы, способной вырвать из моих рук это сокровище! И я не признаю иного судии над своей любовью, кроме Господа Бога. В Его руке меч, и все те зряшные нити, которыми я, по неразумию, опутала свою душу, Он разрубит им, освобождая меня и от этих земных уз.

Отойди, душа, от зеленеющей смоковницы. Пожалей ее. В христианской душе сокрыта огромная мощь молитвенной силы, способной как животворить, так и умерщвлять. Нам показал это Господь в канун Своих святых страстей. Юная весенняя смоковница не дала плодов Господу и умерла от Его проклятия. Вот урок! Мы с вами, поверьте мне, можем убить своим нетерпением весь мир. Однако как еще зелена его пышная крона! Отцвели ли цветочки на ветках этой смоковницы? Завязались ли тугие маленькие смоквы? Зреют ли? Как знать... Отойди же от смоковницы, нетерпеливая душа. Если уж ты не можешь верою сдвигать горы,

то, по крайней мере, сдержи свое нетерпение. Смотри с любовью на смоковницу и жди поры. Она красива, правда? Не проклинай же, не проклинай это живое зеленеющее дерево.

В тишине, в тайне соткала я свою паутину любви. Тонкой прозрачной нитью я укутала православный храм, и теперь говорю ей тихо, одними устами: лети, лети, моя паутинка любви! Хоть в Рим лети. Я не сужу тебя. Ты свободна. Лети, куда хочешь. Над миром. В голубом небе. Среди звезд. Лети!

Глава 14. У окна

*И опять о любви нам пластинка
поет*

И проститься с тобою никак не дает.

Из песенки времен моего детства

Смотрю с детьми по телевизору американскую передачу «Спасение 911», и душа во мне горит, как от обиды. Вообще-то интересная это передача! В каждой три-четыре сюжета о каких-то ужасных подлинных событиях (кто-то куда-то провалился, что-то с кем-то случилось), и вот летят вертолеты, мчатся машины, спеша спасти людей от неминуемой гибели. Время от времени я люблю пересказывать некоторые сюжеты из этой передачи своим знакомым. Получается это настолько смешно, что никто и не верит, будто такую передачу можно смотреть, затаив дыхание. Вот, например, мой любимый рассказ:

— У маленького мальчика ножка провалилась в унитаз, и он не мог ее оттуда вытащить...

Хохот:

— Как в унитаз?!

— Да-да! Именно туда. Это был такой маленький-маленький унитазик, специально для детей. И вот представьте себе: для спасения ребенка вызвали пожарных...

Опять хохот, пуще прежнего:

— Как пожарных?!

— Да-да! У них там, в Америке всегда вызывают для спасения только пожарных. Приехав, они отвинтили унитаз, вынесли его вместе с мальчиком во двор и аккуратно разбили. Но предварительно был вызван то ли мэ́р, то ли шериф (что-то я запаматовала), и он проследил, чтобы топориком по унитазу тюкнули очень осторожно, не повредив ножку мальчика.

Смеются... И не знают они, что мне очень-очень горько видеть это самое «Спасение 911», потому что, глядя на американцев, я узнала: мое личное открытие, рожденное работой моей души, моего сердца, моего разума, уже давным-давно не новость! Оказывается, весь мир знает спасительность слов «Я люблю тебя», которые (по моему убеждению) нужно чаще, как можно чаще произносить в своей семье. Вот этот бедный мальчик, застрявший в унитазе. Лежит он себе на травке и хнычет. Страшно ему видеть в руках пожарного остренький топорик, которым вот-вот начнут стучать чуть ли не по его ножке. И что же ему говорят нежные родители? А вот что: «Мы тебя любим. Не бойся ничего. Мы рядом, и как мы любим тебя!» Эти же слова кричат молодой женщине, рухнувшей на машине в пропасть, шепчут юноше, открывшему глаза в реанимационной палате, говорят в телефонную трубку ребенку,

плачущему над умирающим отцом. Всюду: «Я люблю тебя. Крепись! Я люблю...»

Я не знаю более беззащитных в своем юродстве слов, нежели эти. А знаете ли вы, что когда человек говорит их, то можно и о Боге — забыть? Мы ведь с Ним в этот момент настолько заодно, что даже и имя Его становится не нужным: Господь с тем, кто любит Его создание. Вот здесь-то и таится коренное отличие путей мирского и монашеского. У мирянина есть такая внутренняя свобода и возможность — думать о Боге не всегда. Потому что он любит — жену, сына, дочь, мать, отца. И любовь эта страшно конкретна, сиюминутна, как и всякая любовь. Своим детям я так рассказываю о монашестве:

— Есть люди, которые рождаются с постоянной потребностью думать о Боге. Они такие от рождения: не могут не думать о Нем, потому что всякая другая мысль для них скучна.

— Мама, а разве это возможно — постоянно думать о Боге?

— Возможно, если человек к этому призван Богом. Тогда он становится монахом и устраивает свою внутреннюю жизнь таким образом, чтобы мысль о Боге (или молитва) не засыпала в нем никогда. <...>

Вот отсюда и разбегаются две дорожки в творении Божиим — к миру и в монастырь. Здесь различие не в образе жизни (безбрачие или брак), а в глубине устройства духовной жизни. Семья — это всегда очень конкретная любовь к конкретным родным людям. В настоящую минуту нежная и тихая, как бы заснувшая, а вот сейчас — жаркая. И об этой любви в семье нужно говорить. Не надо засахаривать нежными словами все вокруг! О нет! Но когда это придется кстати, говорите же о любви...

Здесь есть одна хитрость. Вот многие женщины жалуются: «Все у меня в жизни хорошо. Дети растут, денег хватает, муж не пьет. Одно плохо — неласковый он у меня». А почему неласковый? Может быть, мама в детстве ему редко говорила о любви? Ведь если ребенок привык к тому, что в его семье о любви говорят спокойно и открыто, то он, подрастая, и сам скажет об этом с такой же простотой. Есть, кстати, такое мнение: женщины любят ушами. В этом что-то есть... Поэтому когда я говорю своим детям «люблю тебя», то всегда думаю: а вдруг мои будущие невестки станут от этого хоть немного счастливее?

...Вот двое остановились у окна. Третьего уже давно сморил сон.

— Ах, как поздно! Как поздно! Где-то наш папочка? Мне так скучно без него. Я очень люблю нашего папочку, а ты, сынок?

— И я очень люблю.

Стоят двое и смотрят во мрак. Где-то там идет человек. Сначала он шагает по одичалым улицам нового Вавилона, потом едет в страшной распоследней электричке, наконец, быстро пересекает заснувшие улицы тихого пригорода. Какой непроглядный ночной мрак вокруг! Что же ведет его? Уж не думаешь ли ты, гордая душа, что это делает твоя замирающая молитва? О нет! Просто двое стояли во свете, глядя во тьму. «Я люблю его,» — говорила одна. И ей вторил, как эхо, другой... А Господь приклонил к ним Свое ухо и — услышал их. И вот Он-то отдаст любящих друг другу! Только Он — Господь Бог, сказавший нам: «Любите же друг друга! Любите»...

Конец

Примечания

[1] Редакция издательства «Свет Православия» всем сердцем понимает высказанные любящей мамой мысли и пожелания, но разделить их полностью, не может. Мы не будем полемизировать с воззрениями автора в церковно-каноническом аспекте проблемы. Однако, с позиций воспитателя, педагога, очевидно: множество детей сегодня с младенчества успешно усердствуют в изучении иностранных языков; самые главные молитвы большинство православных детей прекрасно и осмысленно повторяют на церковно-славянском языке; дети лучше взрослых понимают: для такого таинственного и непостижимого явления как общение с Самим Богом, необходим некий необычный, неповседневный язык.

Определенный опыт работы с детьми, и опыт многих православных мам свидетельствует, что вопрос непонятности славянского языка для детей, необходимости перевода для упрощения детского восприятия веры и Церкви не столь злободневен. Проблема нам видится, в другом — в укоренившейся практике или деланно-артистичного, или невнятно-небрежного вычитывания или выпевания того замечательного благодатного наследия нашей Церковной сокровищницы, о котором так вдохновенно пишет автор, служителями клироса или алтаря. Вот им-то и прислушаться бы к воплю горячо любящей матери! Им бы из вычитывальщиков и начетчиков постараться стать воистину служителями Слова! Хоть славянским, хоть русским, хоть английским языком читай, но если так как заведено в значительной части русских православных храмов — все равно, ни детям, и взрослым ничего не будет понятно. Прошу прощения у автора и читателей за свое дерзновенное вторжение в текст сего замечательного труда. Не могу согласиться даже с искренним материнским желанием лишить чад своих и чад Церковных богатейшего наследия Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия. — *Прим. Редакции*

[2] Редакция издательства не относится к сторонникам развитых здесь научных взглядов, однако сочла возможным оставить этот отрывок повести без изменения. Во-первых, потому что он отражает реалии семейной жизни, описанные в книге, во-вторых, потому что на основе этих реалий ярко высвечивается значение авторитета отца в воспитании и нравственном становлении детей. Больно до глубины души осознавать, что большинство современных детишек становятся психологическими сиротами при живом отце, физически проживающем в семье. Вдвойне прискорбно видеть отцов, замкнувшись в своей «православности». Если отец не занят воспитанием и деятельным участием в жизни детей, особенно сыновей, по данным психологов они вырастают психологическими сиротами, см. Джеймс Шаллер «Потеря и обретение отца», Мирт, 1997 г. В современных православных семьях нередко приходится встречаться с ситуациями, когда верующий отец настолько занят своей церковной и духовной жизнью, что совсем забывает об исполнении своих наиважнейших отцовских обязанностях, за которые даст Богу строгий ответ. У описанного в книге неверующего, но душевно чуткого к своим детям отца им есть чему поучиться! — *Прим. Редакции*

[3] Затронутый автором вопрос церковной жизни — его право и его боль. Причащать на Пасху людей просто необходимо! Литургия без Причастия теряет свой смысл. Церковь наша именно это причащение воспекает в словах Пасхального канона: «О Пасха велия и священнейшая, Христе! О Мудросте и Слове Божий и Сило! Подавай нам истее Тебе причащатися в невечернем дни Царствия Твоего!». Боль автора об отсутствии причащения в Пасхальную ночь — не побоюсь сказать — боль Церкви, ее чад, клеточек церковного организма. Мы не дерзнули вносить редакторские правки в авторский текст (он напечатан с самыми незначительными сокращениями). Найдется ли тот, кто бросит камень в сказанное автором с такой болью? — *Прим. Редакции*